

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 19. № 1

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семенов – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, ассистент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию Победы

<i>Фадеева Л. А.</i> Политика памяти и историческая правда.....	5
---	---

Политические институты, процессы, технологии

<i>Борисова Н. В., Грабевник М. В.</i> Выбор стратегий в Косовском конфликте: инструментальная или ценностная рациональность	10
<i>Ефремов Д. С.</i> Партийная поляризация в региональных легислатурах США	20
<i>Шустров А. С.</i> Партийная дисциплина депутатов Государственной Думы РФ: фактор избирательной системы	34
<i>Долгина О. Е.</i> В поисках консенсуса: конструирование русской идентичности в дискурсах участников Изборского клуба	44
<i>Михеев А. К.</i> Референдумы о независимости как институт управления этнотерриториальными конфликтами	56
<i>Мирошниченко И. В., Кольба А. И., Шпиро Л. А.</i> Локальные сообщества в принятии решений по поводу конфликтов развития территорий: потенциал процессного и проектного подходов	66
<i>Самсонова Н. Н.</i> «Культура отмены» как модель трансформации исторической идентичности на примере обращения с памятью о советском прошлом в 1990-е годы	80
<i>Демешко Н. Э., Ирхин А. А., Москаленко О. А.</i> Технологии этнонациональной мобилизации на Украине в сфере публичной политики	89
<i>Соколов А. В., Габайдулин Р. В., Сухонина Н. А.</i> Ответы нейросетей на запросы пользователей: интерпретации и особенности восприятия	100

Международные отношения

<i>Trebukh A. D.</i> Overlap of OAS and the Monroe Doctrine in U.S. Foreign Policy	112
<i>Михайленко В. И.</i> Роль минилатеральных соглашений в Индо-Тихоокеанской политике США и Китая	121

Обзоры и аналитика

<i>Суфиянова Г. Р.</i> Технологии ИИ: международно-политические эффекты, угрозы и последствия	130
<i>Калинин Е. С.</i> Биографическое событие как фактор политического интереса студентов	137
<i>Матвеева Е. В., Сам А. В.</i> Кросс-региональный анализ семейных ценностей студенческой молодежи в регионах Сибирского федерального округа	148
К сведению авторов	156

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Assistant, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

To the 80th anniversary of the Victory

<i>Fadeeva L.</i> Politics of memory and historical truth	5
---	---

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Borisova N., Grabevnik M.</i> Choosing strategy in Kosovo conflict: instrumental or value rationality	10
<i>Efremov D.</i> Partisan polarization in the US regional legislatures	20
<i>Shustrov A.</i> Party discipline of the Russian State Duma deputies: electoral system factor	34
<i>Dolgina O.</i> In search of consensus: Russian identity in the discourses of the Izborsky club members	44
<i>Mikheev A.</i> Independence referendums as an institution for managing ethno-territorial conflicts	56
<i>Miroshnichenko I., Kolba A., Shpiro L.</i> Local communities in decision-making on territorial development conflicts: the potential of process and project approaches	66
<i>Samsonova N.</i> The cancel culture as a model of transformation of historical identity on the example of the treatment of the memory of the soviet past in the 1990s	80
<i>Demeshko N., Irkhin A., Moskalenko O.</i> Technologies of ethno-national mobilization in Ukraine in the sphere of public policy	89
<i>Sokolov A., Gabaydulin R., Sukhonina N.</i> Neural network responses to user requests: interpretation and perception features	100

International Relations

<i>Trebukh A.</i> Overlap of OAS and the Monroe doctrine in US foreign policy	112
<i>Mikhaylenko V.</i> Role of minilateral agreements in Indo-Pacific policy of the US and China	121

Reviews and Analysis

<i>Sufiyanova G.</i> AI technologies: international political effects, threats, and consequences	130
<i>Kalinin E.</i> Biographical event as a factor of political interest of students	137
<i>Matveeva E., Sat A.</i> Cross-regional analysis of family values among student youth in the regions of the Siberian Federal District	148
Information for the authors	160

К 80-летию Победы

УДК-94:323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-5-9

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Л. А. Фадеева

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.
E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3382-750X).

Аннотация

Автор фиксирует внимание на разнообразии акторов политики памяти, которые не исчерпываются политическими лидерами и государственными институтами, но включают и разные сообщества людей, считающих важным сохранить память, поддержать ее ссылками на документальные источники и тем самым способствовать исторической правде. Автор это делает через обзор двух построенных на документальной основе книг о войне: «Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне» и «Обычная дивизия Великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945». Изданный в Узбекистане сборник архивных документов и подготовленное в России сообществом «внучатых однополчан» научно-документальное издание истории «обычной дивизии» призваны восстановить данные о войне, продемонстрировать значимость памяти о ней в современном обществе.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; Великая Отечественная война; осмысление истории.

«Глубинное воздействие, которое Вторая мировая война оказала на жизненный опыт людей, становится тем заметнее, чем дальше в историю оно уходит», – заметил к 60-летию Победы немецкий социолог, специалист по исторической памяти Харальд Вельцер (Вельцер, 2005). За прошедшие 20 лет значимость памяти о войне стала еще важнее, как связь прошлого и настоящего, как залог идентичности общества. Политика памяти представляет собой соединение государственного курса по выстраиванию исторической памяти и общих представлений членов политического сообщества, которые могут формироваться негосударственными акторами, заинтересованными в сохранении исторической памяти людьми. В этой статье она характеризуется через обзор двух недавно изданных книг о войне, построенных на документальной основе: «Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне» и «Обычная дивизия Великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945» (Вклад..., 2023; Обычная дивизия..., 2024).

Политика памяти нередко характеризуется как поле борьбы за историческую правду. Именно в таких терминах сформулирована внесенная в Конституцию РФ в 2020 г. статья 67.1: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».¹ За последние несколько лет внесены существенные коррективы в политику памяти в Узбекистане, где по инициативе президента Мирзиёева в честь 75-летия Победы в Ташкенте был открыт грандиозный мемориальный комплекс «Парк Победы», включающий в себя Музей боевой славы, монументы «Вечный подвиг» и «Ода стойкости», была издана книга-альбом «Вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом» и др.² Мирзиёев обратился с призывом: «Чтобы будущие поколения знали и помнили о великой исторической роли многонационального народа Узбекистана в борьбе про-

© Фадеева Л. А., 2025

¹ О поправке к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>. (Дата обращения: 09.01.2025)

² Вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом [Электронный ресурс]. URL: <https://shon-sharaf.uz/uploads/2022/10/1941-1945-ruscompressed.pdf>

тив фашизма, его непобедимой воле и героизме, донести до них правду о тех суровых годах Второй мировой войны».³

Особое значение для того, чтобы «донести правду», имеет издание архивных материалов, в том числе тех, которые впервые вводятся в оборот. Пятьсот документальных источников обработаны и опубликованы в коллективном труде сотрудников Института истории Узбекистана «Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне» (Вклад..., 2023). Автор вводной части доктор исторических наук Мухайё Исакова характеризует разделы сборника документов, суммирует его документальную часть в цифрах и отмечает, что «в Узбекистане уважение памяти павших на войне и почитание героизма ветеранов войны и тыла всегда было приоритетным направлением социальной политики государства» (Вклад..., 2023: 36).

Раздел «Мобилизация узбекистанцев на фронт» включает документы по призыву в ряды РККА, эпизоды из воспоминаний призывников, материалы по военному обучению, трудовой армии, национальным воинским формированиям, о героических подвигах воинов-узбекистанцев; наградные листы воинам, которым было присвоено звание Героя Советского Союза; воспоминания от первого боевого крещения до взятия Берлина, материалы о подвигах женщин на войне, документы по участию узбекистанцев в партизанских сражениях (личный листок партизана, автобиография, наградной лист), материалы о военных врачах и санитарях (воспоминания, письма, автобиографии).

«Узбекистан – фронту» содержит решения и директивы, документы о сборе средств (сведения, телеграммы Сталину), материалы об отправлении подарков бойцам РККА (заметки из газеты «Правда Востока», обращения); правительственные телеграммы о сборе средств узбекистанцами в фонд обороны. Экономический раздел сформирован по отраслям промышленности и сельского хозяйства. Документы по эвакуации населения, детей и детских домов, заботе об инвалидах войны и семьях военнослужащих, реэвакуации (постановления, сообщения, письма) обозначены как раздел «Гуманность и милосердие узбекского народа».

Большой раздел посвящен социально-культурной жизни, в нем больше всего впервые вводимых в оборот документов – 206. Эта сторона жизни характеризуется через обеспечение населения хлебом, продуктами питания, хлебными и продовольственными карточками, товарами первой необходимости; включает медицину, военные госпитали; усыновления, защиту материнства и детства, награждения многодетным матерям, борьбу с беспризорностью. Уже к концу ноября 1941 г. в республику прибыло и было распределено свыше 400 тыс. мирного населения, а всего за годы войны Узбекистан принял полтора миллиона человек, из них 250 тыс. детей (Вклад..., 2023: 29–30).

Проблема педагогических кадров представлена через приказы о направлении на преподавательскую работу с освобождением от трудовой армии и от призыва в ряды РККА – с 1944 г.; решение материальных и бытовых проблем учителей (повышение заработной платы, оказание неотложной помощи, включая выдачу ордера на костюм директору средней школы № 1 Октябрьского района) (Вклад..., 2023: 550). Высшее образование и научные учреждения требовали решения вопросов о размещении эвакуированных вузов, об организации Узбекского филиала Академии наук, о размещении в Ташкенте специалистов.

Небольшой, но важный подраздел о религиозной политике в годы войны включает резолюции и обращения о патриотической работе среди мусульман, речь на Первом учредительном съезде мусульманского духовенства и верующих Средней Азии и Казахстана, материалы съезда, ходатайство об открытии духовных училищ (медресе) в Ташкенте и Бухаре (Вклад..., 2023: 609–615).

Официальный язык указов и резолюций переплетается с простыми и трогательными строками из писем с фронта, с выраженной в них тоской по семье, узбекскому солнцу, яблокам и винограду (Вклад..., 2023: 136–137). Когда читаешь письмо солдата жене, что он собрал для семьи посылку с продуктами и положил туда шесть кусков хозяйственного мыла (Вклад..., 2023: 134), вспоминается художественный фильм «Баллада о солдате», где герой, который получил кратковременный отпуск, везет с фронта хозяйственное мыло как бесценный подарок, переданный его товарищами своим близким. В целом возникает множество ассоциаций с фильмами и книгами, которые создали своего рода исторический миф «Ташкент – город хлебный» как отражение представлений и воспоминаний о тепле, добросердечии, гостеприимстве этого и других узбекских городов и сел в самые трудные годы.

Показательно, что на обложку книги вынесена фотография мемориального комплекса «Ода стойкости» в честь Зульфии Закировой из села Ханабад Зангиатинского района Ташкентской области, которая потеряла во Второй мировой войне всех пятерых сыновей: Исакжона, Ахмаджона,

³ Вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом...

Мамажона, Вахобжона, Юсуфжона. Памятник представляет фигуры женщин и детей: в центре – Мать, потерявшая сыновей; по бокам – четыре овдовевшие невестки, держащие на руках осиротевших детей. И содержание этого фундаментального издания архивных документов, и оформление книги в полной мере соотносится с представлением о духовно-нравственном наследии.

Ответом на «новый общественный запрос – глубоко осмыслить историю войны во всех ее проявлениях, узнать и принять трудную для постижения правду» – стало научно-документальное издание «Обычная дивизия Великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945» (Обычная дивизия..., 2024). Книга целиком написана на основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ. Ее инициаторами стали представители сообщества 385-й стрелковой дивизии, которое сегодня объединяет больше ста семей потомков бойцов и столько же семей добровольных помощников. Они называли себя «внучатыми однополчанами». В предисловии «Мы – внучатые однополчане» О. В. Буторина и А. В. Ничиков рассказывают: «Когда в 2008 г. Министерство обороны Российской Федерации разместило в базе данных “Мемориал” документы о погибших бойцах, их родственники впервые узнали номер полка и дивизии, в которых служил их близкий человек. С этой минуты мы стали связаны незримой нитью памяти, товарищества и взаимного доверия» (Обычная дивизия..., 2024: 11). Была проведена работа по установлению связей с музеями, создано и действует с 2011 г. интернет-сообщество 385-й стрелковой дивизии, где все желающие делятся документами, воспоминаниями, фотографиями. В 2013 году вышла книга А. С. Юновидова «Одинокая война. Неизвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии», которую автор посвятил участию стрелковой дивизии в Ржевско-Вяземской операции (Ржевская битва увековечена и в поэтических строках Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом»).

Научно-документальное издание «Обычная дивизия Великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945» ставит задачу охватить весь боевой путь 385-й стрелковой Кричевской дивизии с момента формирования в августе 1941 г. во Фрунзе до мая 1945 г. у берегов Эльбы. Формировалась дивизия с 19 августа по 25 сентября 1941 г. в г. Фрунзе Киргизской ССР: «Командиры подразделений рот, взводов и батарей назначались из выпускников военных училищ, в основном из Алма-Атинского и Ташкентского военно-пехотных училищ и из военнослужащих запаса» (Обычная дивизия..., 2024: 20). Не хватало оружия, обмундирования, транспорта, практические занятия были напряженными, потребовалась дополнительная программа обучения, после чего подготовку дивизии признали удовлетворительной, напутствовали словами «Разгромите врага и возвращайтесь с победой» и начали переброску по железной дороге. В Россию вела единственная дореволюционная ветка Оренбург-Ташкентской железной дороги, и на узловой станции Арысь под Чимкентом сходились железнодорожные пути из Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана (Обычная дивизия..., 2024: 21). Как писал жене Ф. Т. Смирнов, «унывать не приходится, с нами гармошка... По маршруту видно, что продвигаемся к Москве отражать четвертое наступление Гитлера. Как только отразим его натиск, вернусь домой» (Обычная дивизия..., 2024: 21). За время войны дивизии пришлось пройти «около 2200 км по полям, лесам, дорогам и бездорожью Смоленщины, Белоруссии, Польши, Восточной Пруссии и Германии» (Обычная дивизия..., 2024: 464). «Так уж получилось, что 385-я стрелковая дивизия практически все время находилась на флангах наступающих соединений и поэтому не принимала участия в освобождении больших городов, не стала гвардейской, – отмечено в книге. – Но она ни разу не отступала! Как рядовой солдат, среди других таких же дивизий честно прошла всю войну и отважно билась с врагом!» (Обычная дивизия..., 2024: 467).

«Внучатые однополчане» хотели знать и рассказать другим, «где, в каком месте, у какой рощи или ручья наши деды поднимались в атаку; какие деревеньки, сёла и города они освобождали от врага», для того, чтобы понять, «какой конкретно вклад они внесли в дело Великой Победы» (Обычная дивизия..., 2024: 11). Для этого были использованы журнал боевых действий дивизии, донесения штаба дивизии и оперативные сводки, размещенные на сайте «Память народа», журналы боевых действий корпуса, армии и фронта, сводки Совинформбюро, доступные на электронных ресурсах Российского исторического общества, материалы газеты «Красная звезда» на библиотечных сайтах; как воспоминания военачальников, опубликованные в книгах, так и письменные свидетельства участников событий, в том числе рукописные.

Основное содержание книги представлено реставрированными по этим документам действиями дивизии. В оглавлении это марш, наступление, бои, штурмовые группы, атаки, окружение, оборона, наступление, формирование, сражение, освобождение, бросок, с указанием времени и места – от Варшавского шоссе до Одерской операции и взятия Берлина. Все описания этих действий сопровождаются картами-схемами (в книге их более 100), подготовленными одним из авторов

составителей Александром Викторовичем Ничиковым, капитаном первого ранга в отставке. Язык повествования живой и выразительный, со ссылками на конкретных людей, их оценкой происходящего. Дополнительную выразительность придают этой части книги рисунки И. Д. Драгунской и Т. Цыганок.

«Живое слово очевидцев» представлено фрагментами фронтового дневника санинструктора Максима Яковлевича Иванова, который прошел с дивизией всю войну, а дневники и документы передал в музей в Бишкеке. Это короткие записи о боях, потерях, обстрелах («Пасмурно. Летают самолеты. Комары не дают покоя»), о продовольствии, стихотворение «На гибель летчика» (Обычная дивизия..., 2024: 470–473). Воспоминания полковника Леонида Ивановича Нестерова написаны в 1978 г., переданы сообществу его внуком, они содержат подробное описание боев, трудных испытаний, уличных сражений (Обычная дивизия..., 2024: 477–500). Л. И. Нестеров по прошествии времени рассуждает о цене операций, приводит примеры героизма бойцов дивизии, но особо отмечает командиров, которые умели «беречь людей, не бросать их безрассудно в бой» (Обычная дивизия..., 2024: 497).

Автобиографическая рукопись Бориса Сергеевича Орешкина «Шесть лет в шинели» тоже написана после войны, она не была издана и сохранена его дочерью (Обычная дивизия..., 2024: 500–519). Он был призван в РККА, дважды попадал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде, вернулся на передовую, награжден пятью орденами. Язык повествования Б. С. Орешкина ярок и выразителен: «На гимнастерке у лейтенанта было три ордена. Но вовсе не по ним я понял, что это боевой офицер. Ордена чаще получали как раз штабные. Тут были другие более важные признаки – солдатская лопатка на поясе, стальная каска на голове, отсутствие всего лишнего, что могло бы помешать в бою» (Обычная дивизия..., 2024: 509).

Полный комплект фронтовых писем капитана Федора Тихоновича Смирнова, погибшего в 1943 г., передан сообществу «внучатых однополчан» его дочерью Фаиной Федоровной Осиповой. Федор Тихонович письма писал подробные, объяснял жене Лизе политическую обстановку, демонстрируя веру в скорую победу, беспокоился о том, как живет семья, как справляются с материальными проблемами, сообщал, что ежемесячно высылает деньги, напоминал о денежном аттестате, огорчался, если письма жены задерживались и просил писать чаще, говорил, как важны для него жена, семья, воспоминания о счастливой мирной жизни, а также о том, как крепнет его ненависть к врагу (Обычная дивизия..., 2024: 520–561).

Такие разные по жанрам, стилю, эмоциональной напряженности, степени сложности, доступности документы (многие из них ранее хранились под грифом «секретно») потребовали от авторов-составителей многих лет напряженного труда. Чтобы руководить такой сложной работой, необходимо иметь компетентность исследователя, серьезные навыки научной работы и опыт руководства большим коллективом. Такая ответственность легла на плечи Ольги Витальевны Буториной, члена-корреспондента РАН, заместителя директора Института Европы РАН, внучки сержанта Дмитрия Кузьмича Омельченко, помощника командира минометного расчета 1270-го стрелкового полка. Зная научную добросовестность профессора Буториной, можно быть уверенным в каждой цитате и сноске, в каждом источнике, обширные списки которых приводятся в конце разделов.

Завершают книгу 40 биографических очерков, которые озаглавлены просто – «Солдатские судьбы» (Обычная дивизия..., 2024: 562–660). Авторы-составители расположили рассказы о боях «в суровой очередности военного времени – по порядку выбытия их героев из строя» (Обычная дивизия..., 2024: 562). Разные биографии, фотографии героев в форме или в гражданской одежде, с товарищами или с семьями, только за черточкой после года рождения в большинстве случаев следует – 1942, 1943, 1944, и напрашивается фраза – судьбы, оборванные войной. Но в логике и тональности этой книги точнее подойдут поэтические строки Е. Д. Аграновича, написанные им в 1944 году на 2-м Белорусском фронте и размещенные в книге вместо эпиграфа:

Нас война от всего отделила горящим заслоном,
И в кольце этих лет какая горит молодежь!
Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам.
В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.
(Обычная дивизия..., 2024: 17)

Авторы-составители и все сообщество «внучатых однополчан» кропотливо собирали документы и материалы, детально восстанавливали боевой путь дивизии, вносили личные жертвования для издания книги в хорошем полиграфическом качестве. Они сделали все возможное, чтобы «достать из черных рамок» историю дивизии и всех ее участников, сделать память живой и актуальной.

Издания, которые характеризуются в этой статье, различаются по многим показателям, но имеют и много общего: документальную основу, добросовестность исследователей, их стремление внести свой вклад в политику памяти и в историческую правду о Великой войне.

Список литературы / References

- Исакова, М. (ред.) (2023) *Вклад узбекского народа в победу во второй мировой войне*. Ташкент, Akademnashr. 656 с. [Isakova, M. (ed.) (2023) *Contribution of the Uzbek people to the victory in World War II* [Vklad uzbekskogo naroda v pobedu vo vtoroj mirovoj vojne]. Tashkent, Akademnashr. 656 p. (In Russ.)].
- Вельцер, Харальд (2005) 'История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы', *Неприкосновенный запас*, 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 10.01.2025). [Welzer, Harald (2005) 'History, Memory and Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle' [Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by], *Neprikosnovenny zapas*, 2 [Online]. Available at: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>] (Accessed 10th January 2025) (In Russ.)].
- Буторина, О. В., Ничиков, А. В., Юновидов, А. С. (2024) *Обычная дивизия Великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941-1945*. М.: «Весь мир», 672 с. [Butorina, O. V., Nichikov, A. V., Yunovidov, A. S. (2024) *Regular division of the Great War. 385th Rifle Krichevskaya. 1941-1945* [Obychnaya diviziya Velikoj vojny. 385-ya strelkovaya Krichevskaya. 1941-1945], Moscow, Izdatel'stvo «Ves' mir», 672 p. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

POLITICS OF MEMORY AND HISTORICAL TRUTH

L. Fadeeva

Lyubov Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Russia.

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3382-750X).

Abstract

The author focuses on the diversity of actors in the politics of memory, which are not limited to political leaders and state institutions, but also include various communities of people who consider it important to preserve memory, support it with references to documentary sources and thereby contribute to historical truth. The author does this through a review of two books about the war based on documentary sources – “The Contribution of the Uzbek People to the Victory in World War II” and “An Ordinary Division of the Great War. The 385th Rifle Krichevskaya. 1941–1945”. A collection of archival documents published in Uzbekistan and a scientific and documentary publication of the history of the “ordinary division” prepared in Russia by a community of “grand-brothers-in-arms” are intended to restore data on the war and demonstrate the significance of its memory in modern society.

Keywords: politics of memory; historical memory; the Great Patriotic War; understanding history.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-10-19

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ИЛИ ЦЕННОСТНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Н. В. Борисова, М. В. Грабевник

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Россия.
E-mail: borisova@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Грабевник Михаил Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Россия.
E-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Аннотация

Этнополитический конфликт в Косове является одним из наиболее актуальных вызовов региональной безопасности на территории современной Европы. Представлен анализ динамики конфликта в Косове в период 1990–2020 гг. через призму стратегий участвующих в нем сторон. Методологически основываясь на теории рационального выбора, авторы фиксируют наличие зависимости между динамикой этнополитического конфликта (в формате эскалация / деэскалация) и конфигурацией выбранных сторонами конфликта стратегий. Выявлено, что стороны конфликта, выступая в качестве «этнических предпринимателей», выбирают из двух ключевых стратегий – инструментально-рациональной и ценностно-рациональной. Ценностно-рациональную стратегию отличает использование дискурсивных аргументов этнической солидарности, истории и традиции, в то время как инструментально-рациональная стратегия предполагает прагматичное закрепление существующего институционального статус-кво этнического актора для достижения партикуляристских целей при использовании аргументов вынужденного сотрудничества, ресурсов, экономической и социальной безопасности группы. Динамика конфликта определяется следующей конфигурацией стратегий: при использовании обеими сторонами инструментально-рациональной стратегии увеличиваются возможности деэскалации конфликта; при использовании сторонами конфликтующих стратегий или столкновении ценностно-рациональных стратегий наблюдаются обратные эффекты.

Ключевые слова: Косово; Сербия; этнополитический конфликт; этничность; стратегия; Европейский союз; этнические предприниматели.

Этнополитический конфликт в Косове¹ является долговременным и остается одним из наиболее актуальных вызовов региональной безопасности в современной Европе. Его динамика в период 1990–2020 гг. может быть объяснена через выбранные сторонами стратегии и дискурсивные элементы их аргументации. В первой части статьи представлена теоретическая объяснительная модель на основании теории рационального выбора, теории управления конфликтами Г. Шлее (Шлее, 2004) и концепции символической политики С. Кауфмана (Kaufman, 2001; Kaufman, 2006) как подходов к исследованию этнополитических конфликтов. Во второй части описана динамика конфликта в Косове в период 1990–2020 гг. В третьей части статьи показаны основные стратегии сторон конфликта и используемые ими дискурсивные аргументы, а также зафиксированы паттерны влияния выбранных стратегий на динамику конфликта. Исследование построено на применении метода исследования случая (case-study). Для фиксации институциональных решений в отношении управления конфлик-

© Борисова Н. В., Грабевник М. В., 2025

¹ Вслед за И. С. Семененко, В. В. Пантиним и В. И. Лапкиным авторы относят конфликт к этнополитическим территориальным конфликтам с ведущей ролью фактора исторической памяти (Семененко, Лапкин, Пантин, 2016).

том были проанализированы экспертно-аналитические материалы, посвященные мониторингу и оценке Косовского конфликта.

Стратегии этнополитического конфликта: теоретическая модель

Этническая группа темпорально стабильна и отличается солидарностью, общими культурой, историческим мифом, языком, религиозной принадлежностью, территорией проживания, а также коллективным представлением ее членов об общих целях и интересах (Тишков, Шабает, 2019: 49). Именно коллективное (само)представление группы и воспроизводимые в результате коллективного опыта маркеры этнической идентичности позволяют рассматривать этническую группу как социально сконструированную общность (Fearon, Latin, 2000). Поскольку, как пишет Г. Шлее, «*этничность связана с ее осознанием*», она *конъюнктурна*, а потому методологически ошибочно рассматривать ее в качестве причины этнополитических конфликтов (Шлее, 2004: 8).

Будучи сконструированной, этничность регулярно инструментально используется в политической борьбе, практиках политического (национального и государственного) строительства и этнополитических конфликтах. Используя теорию рационального выбора как теоретико-методологическую рамку настоящего исследования, авторы полагают, что стратегии политического действия (в том числе в этнополитических конфликтах) формируются и артикулируются элитными группами, которые представляют интересы этнического сообщества и могут быть охарактеризованы как «этнические предприниматели». Их роль состоит в мобилизации поддержки этнической группы, а потому они вынуждены согласовывать коллективные цели / интересы группы с собственными целями / интересами.

Подобная экономическая объяснительная логика представлена в ряде исследований этнополитических конфликтов. С. Олсак настаивает на том, что в этнополитических процессах решающее значение имеет конкуренция между этническими группами за ключевые ресурсы (Olzak, 1992). Т. Гэрр полагает, что этнополитическое действие мотивирует недовольство членов этнической группы собственным статусным положением, а недовольство используется и мобилизуется лидерами группы – «этническими предпринимателями» (Гэрр, 2000: 244-256). Ф. Барт указывает, что этнические лидеры («корпоративная группа») «*относятся к политике как к своеобразному бизнесу*» (Тишков, Шабает, 2019: 94). На это неоднократно указывает и Г. Шлее – отсутствие связи между высоким уровнем насилия и незначительными (порой отсутствующими) культурными отличиями конфликтующих групп дает возможность объяснять динамику этнополитических конфликтов в зависимости от целей и интересов «этнических предпринимателей», понимаемых как рациональные акторы. Такой подход позволяет рассматривать практики и процессы мобилизации членов этнической группы через теорию рационального выбора.

Вместе с тем «этнические предприниматели» выбирают различные варианты стратегий в рамках этнополитических конфликтов. Опираясь на игровое решение дилеммы безопасности, Е. Меландер показывает, что «этнические предприниматели» без должных политических статуса и/или институциональной позиции могут быть менее удовлетворены ожидаемыми результатами мирного решения конфликта и более склонны продвигать среди рядовых членов группы идею потенциальной угрозы, видя в мобилизации большие стратегические выгоды (Melandar, 1999). Напротив, этнические лидеры, которым есть что терять, не готовы нарушать институциональное статус-кво, а потому выбирают и используют, скорее, более сдержанные и умеренные риторику и действия в конфликте.

Такая трактовка предполагает, что варианты стратегий групп в рамках этнополитического конфликта рассматриваются как рациональные и прагматичные. Оставляя за рамками статьи большую (восходящую к идеям М. Вебера) академическую дискуссию о рациональности и рациональном действии, вслед за А. Варшни авторы полагают, что в анализе этнополитических конфликтов следует различать два типа стратегий участия в конфликте – *инструментально-рациональную (прагматическую)* и *ценностно-рациональную*. Первая стратегия исходит из строгого технического расчета и издержек и выгод предпринимаемых решений и действий. Вторая же стратегия «*не чувствительна к издержкам*», а руководствуется исключительно целями и потенциальными выгодами (Varshney, 2003: 87).

Зафиксировать и операционализировать вариацию стратегий возможно обращаясь к анализу риторики и дискурса этнических групп в конфликтном взаимодействии. Инструментально-рациональная стратегия сопровождается использованием прагматичных и сугубо экономических аргументов в дискурсе и риторике группы. Ценностно-рациональная стратегия предполагает большее и

явное использование в дискурсе символических и эмоциональных аргументов. Можно предположить, что рациональное измерение стратегического выбора этнических лидеров в условиях конфликта сопровождается большим или меньшим инструментальным использованием эмоциональных символических элементов, конструирующих группу. Таким образом, коллективные эмоции и рациональные политические и/или экономические интересы этнической группы определяют динамику конфликта.

Роль символических аргументов мобилизации в рамках этнополитических конфликтов акцентно отражена в работах С. Кауфмана (Kaufman, 2001; Kaufman, 2006). Его концепция символической политики объясняет связь между использованием этническими лидерами символических дискурсивных аргументов и риторики насилия и мобилизацией и легитимацией действий со стороны членов этнической группы. Он утверждает, что *«групповые мифы, оправдывающие враждебность, страхи перед исчезновением группы и символическая политика мобилизации, а также дилемма межэтнической безопасности стимулируют этнические конфликты»* (Kaufman, 2006: 47). Теория С. Кауфмана позволяет объяснить, как иррациональные (эмоциональные и символические) аргументы стимулируют эскалацию конфликтов, изначально являющихся спорами по поводу материальных или нематериальных благ и статусов (Grigorian, Kaufman, 2007: 187). Символически и эмоционально окрашенные дискурсивные аргументы и призывы к действию являются рациональным инструментом, который лидеры этнических групп используют в сугубо политических целях борьбы за власть. Именно в своем политическом действии (инструментально-рациональном или ценностно-рациональном) лидеры группы предстают в качестве рациональных «этнических предпринимателей».

Динамика этнополитического конфликта в Косове в период 1990–2020 гг.

Конфликт в Косове исторически обусловлен как практикой государственного (state-building) и национального (nation-building) строительства и особенностями национально-этнической политики в Социалистической Федеративной Республике Югославия, так и региональными структурными диспропорциями в социально-экономическом развитии страны (Пономарева, 2018). Центр-региональные отношения федералистского типа были изначально конституированы без Косова как административной единицы – в состав федерации 1946 г. вошли Хорватия, Словения, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония (Гуськова, 2002: 10). Под влиянием демонстраций в Косове 1968 г. была инициирована конституционная реформа. Согласно обновленному основному закону федерации 1974 г. Сербия была конституирована как сложносоставная федеральная единица, а ее составные единицы – Косово и Воеводина – приобрели общенациональный статус, что позволяло им участвовать в совместном управлении (и нередко блокировать решения Белграда) (Гуськова, 2002: 11). При этом система образования в Косове была тесно связана с албанской системой, что способствовало «албанизации» региона и росту албанских националистических настроений (Пономарева, 2018). Восстание за независимость Косова 1981 г., официально поддержанное Тираной и подавленное силой официальным Белградом, выступило триггером рестриктивных институциональных мер – в 1982 г. были введены ограничения лингвистических и культурных прав косовских албанцев.

Антисербские настроения в Косове были усилены национальной политикой в 1980-е гг., апофеозом которой стало решение Союзного правительства С. Милошевича о лишении Косова автономного статуса, закрепленного Конституцией СФРЮ 1974 г. В 1990 году на фоне протестов против такого решения косовские албанцы приняли Декларацию о независимости. Декларация и последовавший за ней проект Конституции Республики Косово стали проявлением претензий этнических албанцев на политическую субъектность в качестве нации. Белград подавил протесты в Косове, что стимулировало косовар отстаивать автономию региона через создание правительства, фискальной системы, систем образования и социального обеспечения. В 1991 году в Косове был проведен референдум, провозгласивший независимость края, который официальный Белград проигнорировал. На тайных выборах в Косове 1992 г. президентом был избран лидер «Демократической лиги Косово» И. Ругова. Признание Албанией политических решений косовар давало косовским элитам надежду на включение вопроса о независимости края в повестку Дейтонских переговоров. Однако вопрос о Косове в Дейтоне в 1995 г. не обсуждался, что расценивается экспертами как политический просчет, радикализировавший косовский национализм (Carson, 2013), лидерами которого стали «Форум албанских интеллектуалов Косово» и «Армия освобождения Косово»². Принятый ФАИК в 1995 г. меморандум («Общенациональная программа албанского движения в Крае») апеллировал к документам ООН и

² В 1990-е годы «Армия освобождения Косово» действовала как подпольная террористическая организация.

артикулировал требования проведения референдума под международным протекторатом (Романенко, 2009). Члены более радикальной АОК выступали против пассивного институционального сопротивления И. Руговы. В 1996–1997 годах АОК совершает серию силовых этнически мотивированных нападений на полицейских и гражданских лиц, что привело к эскалации конфликта³. Решение С. Милошевича о военной операции против АОК сделало конфликт силовым: регулярные вооруженные столкновения стали его неизменным атрибутом во второй половине 1990-х гг.

После неудачных переговоров между Белградом и АОК в начале 1999 г. силы НАТО без санкции Совбеза ООН вошли в Косово, параллельно осуществляя бомбардировки сербской военной и гражданской инфраструктуры (Новаковская-Кристан, Жаковска, 2015: 81). По результатам заключения соглашения с сербским правительством и принятия СБ ООН резолюции № 1244 из Косова были выведены войска СФЮ, на их место был введен миротворческий контингент НАТО и административно-управленческий персонал со стороны ООН (UN Interim Administration Mission in Kosovo). Резолюция СБ ООН также предполагала определение политического статуса Косова как условие политико-институциональной стабилизации в регионе.

В мае 2001 г. Белград и НАТО договорились о возвращении в «наземную зону безопасности» контингента армии СРЮ. Белград требовал гарантий прав и безопасности сербского и других этнических меньшинств, проживающих в Косове⁴, а также оставить без изменения границы, признанные международным сообществом. Но де-факто Белград с начала 2000-х гг. не имел возможности контролировать Косово, которое, по оценкам Е. Пономаревой, фактически находилось *«под управлением международных и неправительственных организаций, поскольку ни албанцы, ни тем более сербы реальной власти в крае не имели»* (Пономарева, 2005: 157).

При этом ни контингент ООН, ни краевые власти не стремились обеспечить гарантии прав сербских меньшинств. Д. Дункан пишет, что *«операция НАТО в Югославии позволила косовским албанцам начать преследование сербов в начале 2000-х гг.: сербский язык и символика были полностью удалены из публичной сферы; улицы и статуи, ранее названные в честь сербских или коммунистических лидеров, были переименованы в честь албанцев; албанские СМИ быстро расширялись в условиях запрета на сербские печатные СМИ»* (Duncan, 2016: 464). Эти эпизоды отвечают признакам открытой дискриминации сербского этнического меньшинства. В середине 2000-х гг. не раз возникали столкновения албанских националистов с Силами НАТО для Косова и контингентом ООН⁵. В 2000-е гг. тактики бойкота выборов, переписей, плебисцитов и публичного обсуждения вопросов государственного значения (в том числе и конституционных) стали регулярными символически окрашенными инструментами политической борьбы в Косовском конфликте. Так, например, референдум о принятии новой Конституции Сербии 2006 г. был бойкотирован косовскими албанцами, тогда как наиболее активными его сторонниками стали, напротив, косовские сербы. В 2008 г. Косово в одностороннем порядке объявило о независимости, что до сих пор Белград не признал и считает регион автономным краем Косово и Метохии в составе сербского государства⁶.

Первый крупный вооруженный конфликт в непризнанной республике произошел в 2011 г., когда полиция Косова перешла административную границу сербских муниципалитетов с целью установления контроля Приштины над пограничными переходами и постами. Это был ответ на введение Белградом запрета на импорт из Косова любых товаров, что негативно сказывалось на экономическом состоянии де-факто государства⁷. Косовская полиция пыталась поставить таможенные пункты для регулирования передвижения трудовых ресурсов и товаров, мотивируя свои действия положениями Конституции Косова. ЕС призвал Белград деконструировать «параллельные политико-административные институты» в Косове, но сербское правительство, используя в качестве аргумента непризнание независимости Косова и необходимость выполнения условий резолюции СБ ООН

³ Kosovo's Long, Hot Summer: Briefing on Military, Humanitarian and Political Developments in Kosovo (1998) [Электронный ресурс], *International Crisis Group* (ICG), 02 Sep. URL: <https://reliefweb.int/report/serbia/kosovos-long-hot-summer-briefing-military-humanitarian-and-political-developments> (accessed 15 May 2024).

⁴ Этнические сербы в Косове проживают преимущественно в 11 муниципальных образованиях: Северной Митровице, Лепосавиче, Звечане, Митровице, Зубин Поточе, Грачанице, Ранилуге, Ново Брдо, Клокоте, Партеше, Штрпце.

⁵ Anti-Minority Violence in Kosovo (2004) [Электронный ресурс], *Human Rights Watch*, March. URL: <https://www.hrw.org/reports/2004/kosovo0704/4.htm> (accessed 15 May 2024).

⁶ Dacic speaks sharply about Kosovo [Электронный ресурс], *Ministry of Foreign Affairs*. URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/press-service/news/dacic-speaks-sharply-about-kosovo> (accessed 15 May 2024).

⁷ A little local difficulty (2011) [Электронный ресурс], *The Economist*, 06 August. URL: <https://www.economist.com/europe/2011/08/06/a-little-local-difficult> (accessed 15 May 2024).

№ 1224, отказалось вносить какие-либо изменения в институциональную структуру⁸. Столкновения в сербских муниципалитетах продолжались до середины 2012 г. под наблюдением Сил НАТО для Косова.

В феврале 2012 г. в четырех северных сербских муниципалитетах Косова прошел референдум о признании Косова как независимого государства и признании косовских институтов: 99,7 % населения высказалось против. Эксперты отмечали, что «*косовские сербы организовали референдум, опасаясь, что Сербия откажется от притязаний на Косово, если ее примут в ЕС*»⁹. На этом фоне в 2012–2013 гг. при медиации ЕС прошли переговоры о нормализации отношений между Сербией и Косовом. В результате было подписано Брюссельское соглашение 2013 г. (First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations), по которому на косовской территории должно быть создано Сообщество сербских муниципалитетов (Community of Serb Municipalities)¹⁰. ЕС обязался предоставить Косову право начать процесс евроинтеграции, а Республика Сербия обязалась не препятствовать этому (как, собственно, и наоборот)¹¹. Условия соглашения не были выполнены: парламент Косова не ратифицировал его, а Конституционный суд Сербии счел соглашение не удовлетворяющим Конституции. Косовские националисты не согласились с Брюссельским соглашением в части обязательств учреждения Сообщества сербских муниципалитетов¹². В 2015–2016 годах в Косове развернулся правительственный кризис: оппозиция во главе с радикальной партией «Самоопределение» выступила против правительства либеральных демократов, используя протесты, бойкот, саботаж и даже акты насилия на севере Косова, как, например, в городе Митровице.

В марте 2018 г. в Митровице косовская полиция по обвинению в незаконном пересечении границы и пропагандистской деятельности арестовала главу офиса Республики Сербия по делам Косова М. Джурича. Белград счел это террористическим актом Приштины. Консультации с ЕС приостановили эскалацию конфликта¹³. В ноябре 2018 г. Приштина ввела таможенные пошлины в 10 % на товары, импортируемые из Сербии и Боснии и Герцеговины, объяснив это деструктивным характером действий Белграда и Сараево по отношению к Косову¹⁴. В ответ на заблокированную ими попытку Косова вступить в Интерпол косовское правительство в конце ноября 2018 г. ввело уже 100%-ный таможенный тариф на импорт из Сербии и Боснии и Герцеговины. Урегулирование этого вопроса проходило при медиации США и завершилось Соглашением о нормализации экономических отношений между Сербией и Косовом 2020 г. (Kosovo and Serbia Economic Normalization Agreements)¹⁵.

В сентябре 2021 г. Косово ввело запрет на использование сербских номерных знаков, спровоцировавший протесты и строительство баррикад в сербских общинах. При содействии ЕС Сербия и Косово договорились об отмене запрета¹⁶. В июле 2022 г. Приштина заявила о разработке нового закона, обязывающего всех проживающих в Косове граждан иметь удостоверение личности и автомобильные номерные знаки косовского стандарта, а также признающего недействительными сербские документы (в том числе выданные до 2008 г.)¹⁷. Это усилило риск насильственных столкновений, в связи с чем Силы НАТО для Косова под мандатом ООН увеличили свой контингент на севере непри-

⁸ Serbs form rival Kosovo assembly (2008) [Электронный ресурс], BBC News, 15 June. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7455737.stm> (accessed 15 May 2024).

⁹ Косовские сербы сказали «нет» албанскому руководству республики (2018) [Электронный ресурс], Lenta.Ru, 16 February. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/16/referendum/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁰ Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations [Электронный ресурс], The Government of the Republic of Serbia. URL: <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394> (accessed 15 May 2024).

¹¹ Там же.

¹² Police and protesters clash in worst Kosovo unrest since 2008 breakaway (2015) [Электронный ресурс], Euronews, 27 January. URL: <https://www.euronews.com/2015/01/27/police-and-protesters-clash-in-worst-kosovo-unrest-since-2008-breakaway> (accessed 15 May 2024).

¹³ Kosovo Arrests Serbian Official for Illegal Entry (2018) [Электронный ресурс], Balkan Insight, 26 March. URL: <https://balkaninsight.com/2018/03/26/kosovo-arrest-serb-official-marko-djuric-03-26-2018/> (accessed 15 May 2024).

¹⁴ Kosovo Imposes Customs Tariffs on Serbia, Bosnia (2018) [Электронный ресурс], Balkan Insight, 11 June. URL: <https://balkaninsight.com/2018/11/06/kosovo-imposes-customs-tariffs-for-serbia-and-bosnia-and-herzegovina-11-06-2018/> (accessed 15 May 2024).

¹⁵ Muharremi R. (2021) The Washington Agreement Between Kosovo and Serbia, *American Society of International Law*, 25(4), [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/25/issue/4/washington-agreement-between-kosovo-and-serbia> (accessed 15 May 2024).

¹⁶ Meeting of the Chief Negotiators. Car license plate agreement [Электронный ресурс], Normalizacija.rs. URL: <https://normalizacija.rs/meeting-of-the-chief-negotiators-car-license-plate-agreement/?lang=en> (accessed 15 May 2024).

¹⁷ Explainer: Why Kosovo's stand-off with Serbs goes on 15 years after statehood (2023) [Электронный ресурс], Reuters, 13 February. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/why-kosovos-stand-off-with-serbs-goes-15-years-after-statehood-2023-02-13/> (accessed 15 May 2024).

знанной республики. В конце 2022 г. депутаты от сербского меньшинства в знак протеста покинули парламент, правительство и все государственные учреждения в Приштине, муниципальные судьи, полицейские и главы в сербских муниципалитетах ушли в отставку. В этой ситуации Миссия ЕС по верховенству закона в Косове усилила полицейский контроль. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил, что в результате нескольких раундов переговоров Сербия и Косово достигли согласия по вопросу об автомобильных номерных знаках и договорились не предпринимать каких-либо нормативных действий по данному поводу – Косово обязуется не продвигать законопроект, а Сербия обязуется не выпускать номеров для косовских территорий¹⁸.

В 2022–2023 годах фиксируются неоднократные эпизоды этнического насилия в Косове. В конце 2022 г. по подозрению в нападении на избирательные участки косовская полиция арестовала полицейского этнического серба Д. Пантича, а сербы в ответ соорудили баррикады для вооруженной борьбы с косовской полицией. В канун православного Рождества 2023 г. в южных сербских муниципалитетах албанские националисты убили двух молодых этнических сербов, что вновь спровоцировало сербские протесты в Косове. В конце января 2023 г. косовские полицейские расстреляли автомобиль с этническими сербами; в ответ сербы массово перекрывали дороги баррикадами на севере Косова¹⁹. В сентябре 2023 г. группа этнических сербов с помощью грузовиков без номерных знаков на севере Косова заблокировала мост в деревню Баньска и открыла огонь по косовским полицейским.

Спустя 15 лет после объявления независимости Косова конфликт сохраняется. Охридское соглашение 2023 г. не снизило конфликтность: регулярные переговоры при медиации ЕС безуспешны: Ж. Боррель признает патовый характер взаимодействий Косова, сербских муниципалитетов и Сербии²⁰. Эксперты считают деэскалацию возможной только посредством принуждения правительства А. Курти и партии «Самоопределение» к созданию Сообщества сербских автономных муниципалитетов со стороны внешних акторов, что пока остается маловероятным²¹.

Стратегии этнополитического конфликта в Косове и возможности деэскалации

Сербские и косовские элиты являются «*этническими предпринимателями*», предоставляющими клубные блага членам своей группы в обмен на политическую поддержку. Ввиду этого их политические действия и решения в условиях конфликта в фокусе теории рационального выбора следует рассматривать как прагматичные. Для мобилизации поддержки со стороны сообщества, а также для достижения, укрепления и легитимации собственных политических позиций «этнические предприниматели» защищают и транслируют одновременно коллективные интересы этнической группы и собственные частные интересы. Уровни интересов и целей внутри группы могут выстраиваться в разные конфигурации – совпадать, сосуществовать и/или противоречить. Преследуя цели мобилизации, анализируемые этнические группы в рамках Косовского конфликта выбирают из двух стратегий²². В таблице зафиксированы стратегии сторон конфликта, характерные для них дискурсивные аргументы в отстаивании позиции и собственных действиях и их индикаторы.

Первая стратегия – *инструментально-рациональная* – нацелена на рациональное решение прагматичных вопросов конфликта с учетом экономического расчета выгод и издержек конкретных интеракций. Такая стратегия предполагает ориентацию на контрагентов конфликта (то есть на «этнических предпринимателей» противоположающейся группы) и предполагает более частое использование рациональной дискурсивной аргументации предпринимаемых действий и решений. Вторая стратегия – *ценностно-рациональная* – нацелена на мобилизацию поддержки как самоцель и нередко игнорирует потенциальные риски и издержки принимаемых в ходе конфликта решений. Используя та-

¹⁸ Боррель: Сербия и Косово достигли соглашения по номерным знакам (2022) [Электронный ресурс], *РИА Новости*, 24 November. URL: <https://ria.ru/20221124/soglashenie-1833812471.html> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁹ Timeline: How tensions between Serbia and Kosovo escalated into deadly clashes over a year (2023) [Электронный ресурс], *Anadolu Agency*, 26 September. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/timeline-how-tensions-between-serbia-and-kosovo-escalated-into-deadly-clashes-over-a-year/3000891> (accessed 15 May 2024).

²⁰ Боррель признал, что не смог добиться прогресса на переговорах по Косово (2023) [Электронный ресурс], *РИА Новости*, 14 September. URL: <https://ria.ru/20230914/kosovo-1896382313.html> (дата обращения: 15.05.2024).

²¹ Behind the Renewed Troubles in Northern Kosovo [Электронный ресурс], *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org/behind-renewed-troubles-europe-balkans-northern-kosovo> (accessed 15 May 2024).

²² В данной статье анализируются стратегии «этнических предпринимателей» в рамках этнополитического конфликта (внешнее измерение стратегии). Авторы признают значимость внутреннего (внутриэлитного / межэлитного) измерения стратегий «этнических предпринимателей» в борьбе за власть внутри этнического сообщества. Взаимовлияние измерений / уровней стратегий является важным исследовательским сюжетом, но в настоящей статье остается за рамками рассмотрения.

кую стратегию, этнополитические акторы чаще апеллируют к коллективным символическим целям и используют аффективную и эмоциональную дискурсивную аргументацию собственных действий.

Таблица

**Стратегии и дискурсивные аргументы сторон
этнополитического конфликта в Косове в 1990–2020 гг.**

Стратегия	Аргументы	Индикаторы
Инструментально-рациональная стратегия	Аргумент этнической солидарности	Объединение этнической группы, этнические самобытность и идентичность, «мы versus они»
	Аргумент истории	Историческая конфликтность между этническими группами, вражда по традиции, значимость исторического совместного прошлого и пр.
Ценностно-рациональная стратегия	Аргумент сотрудничества	Совместные проекты и деятельность, коалиционные взаимодействия на разных административных уровнях, электоральные коалиционные взаимодействия и пр.
	Аргумент ресурсов	Борьба за административные, фискальные, экономические, политические полномочия и ресурсы
	Аргумент безопасности	Сохранение политического и административного статус-кво, наличие / отсутствие злоупотребления властью со стороны национального центра

Примечание: составлено авторами.

Рубежным событием в развитии конфликта является объявление независимости Косова. В период до 2008 г. основными сторонами конфликта были Белград и Приштина в границах одного национального государства. Стремление Косова к автономии и независимости стало вызовом политико-территориальной целостности Сербии, потенциально угрожая также и правам косовских этнических сербов. В условиях распада СФРЮ, роста воеводинского регионализма и черногорского сепаратизма официальный Белград продвигал дискурс защиты интересов всего многонационального сербского народа (включая и косовских сербов) и выступал за территориальную целостность как необходимое условие становления национального государства. В подобных условиях цели и интересы Белграда были когерентны политической позиции Сербии. С одной стороны, в начале 1990-х гг. приоритетом была легитимация сербской государственности в логике государственной статусности (statehood), то есть признания правомочности и дееспособности Сербии на международной арене. С другой стороны, международная эскалация рубежа 1990–2000 гг. способствовала смещению приоритета интересов в сторону необходимости обеспечения национальной и экономической безопасности в национальных границах в логике государственной состоятельности (stateness). В таких условиях стратегия Сербии до 2008 г. имела смешанный характер – Белград балансировал между инструментально-рациональной и ценностно-рациональной опциями. Стратегия же Приштины на протяжении всего времени до объявления собственной независимости имела ярко выраженный ценностно-рациональный характер, будучи направленной на достижение и легитимацию политического статуса.

После объявления независимости Косова конфликт иначе воспринимается и интерпретируется его участниками. Для Белграда Косово остается краем в составе Сербии, а потому он не готов считать Приштину равностатусным по отношению к себе контрагентом и продолжает публично видеть в конфликте исключительно вертикальное измерение. Приштина же рассматривает Белград как равностатусного оппонента, переводя восприятие конфликта в горизонтальную плоскость международной политики (то есть отношений двух суверенных национальных государств). От интерпретации зависят и преследуемые сторонами цели, выбираемые ими стратегии. Приштина одновременно решает две задачи: легитимация статуса на международной арене в логике государственной статусности (statehood) и обеспечение управления политико-территориальной гетерогенностью внутри Косова в логике государственной состоятельности (stateness). Белград, сохраняя видение конфликта в вертикальной плоскости как конфликта центр – регион внутри Сербии, считает Косово де-факто государством и сталкивается с необходимостью учитывать международную политическую конъюнктуру. В таких условиях обе стороны конфликта в 2010-е гг. используют преимущественно инструментально-

рациональную стратегию, а эмоциональные дискурсивные аргументы все чаще уступают место рациональным. Подобное совпадение стратегий контрагентов конфликта снижает конфликтный потенциал в первой половине 2010-х гг., свидетельством чему являются Брюссельское соглашение 2013 г. и Вашингтонское соглашение 2020 г. Прагматичные аргументы экономической безопасности, вынужденного сотрудничества, перераспределения ресурсов и публичных благ превалируют над эмоциональными и символическими этническими дискурсивными аргументами.

Ситуация в конфликте, однако, меняется в начале 2020-х гг. Формирующая косовское правительство партия «Самоопределение» меняет стратегию Косова на современном этапе развития конфликта, используя преимущественно символические дискурсивные аргументы истории и этнической солидарности. Актуализируя проблемы национального строительства и композиции национальной (гражданской) идентичности в Косове, правительство А. Курти прагматично следует ценностно-рациональной стратегии, которая хотя и ведет к укреплению политической силы партии, но существенно снижает потенциал деэскалации. Таким образом, возможности эффективного разрешения конфликта сегодня при различающихся стратегиях сторон (ценностно-рациональная стратегия А. Курти versus инструментально-рациональная стратегия А. Вучича) ограничены даже при медиации ЕС, что только подтверждают события августа–сентября 2024 г., демонстрирующие новый виток эскалации конфликта.

Заключение

Исследование подтверждает гипотезу о связи динамики этнополитического конфликта с выбором стратегий участвующих в нем сторон. В периоды деэскалации наблюдается выбор обеих сторон в пользу инструментально-рациональной стратегии. В периоды эскалации, наоборот, фиксируется либо несовпадение стратегий сторон (инструментально-рациональная versus ценностно-рациональная), либо выбор ценностно-рациональной стратегии обеими сторонами. Повышение интенсивности конфликта связано с использованием символических дискурсивных аргументов истории и этнической солидарности, тогда как аргументы вынужденного сотрудничества, ресурсной политики и экономической безопасности работают на его деэскалацию. Не умаляя значимость этнического фактора, истории, идентичности, полагаем, что роль межэлитных взаимодействий, ресурсная сила, прагматические электоральные претензии и политические действия «этнических предпринимателей» значимы для динамики этнополитического конфликта. Практики обмена стимулируют элиты не только создавать этнические конструкторы в политико-инструментальных целях, но и манипулировать этнической идентичностью в борьбе за властные позиции. А потому следует рассматривать динамику отношений этнических групп в политических конфликтах как связанную с колебанием между двумя ключевыми стратегиями, используемыми элитами этих групп.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Гуськова, Е. Ю. (2002) 'Албанское сепессионистское движение в Косове' в: Гуськова, Е. Ю. (ред.) *Албанский фактор кризиса на Балканах: сборник научных статей. Серия "Проблемы глобальной и региональной безопасности"*. Москва: ИНИОН РАН, сс. 7–47.
- [Gus'kova, E. Yu. (2002) 'Albanian Secession Movement in Kosovo' [Albanskoe secessionistskoe dvizhenie v Kosove] in: Gus'kova, E. Yu. (eds.) *Albanian Factor of Balkan Crisis: collection of scientific articles. Series "Problems of Global and Regional Security"* [Albanskij faktor krizisa na Balkanah: sbornik nauchnyh statej. Seriya "Problemy global'noj i regional'noj bezopasnosti"]]. Moscow: INION RAN, (In Russ.)). EDN: RBNGNT
- Гэпп, Т. Р. (2000) 'Почему меньшинства встают? Объяснение этнополитического протеста и мятежа' в: Праздаускас, А. А. (ред.) *Этнос и политика: Хрестоматия*. Москва: Издательство УРАО,

- сс. 245–256. [Gurr, T. R. (2000) 'Why Minorities Revolt: An Explainer of Ethnopolitical Protest and Rebellion' [Pochemu men'shinstva vosstayut? Obyasnenie etnopoliticheskogo protesta i myatezha] in: Prazauskas, A. A. (eds.) *Ethnos and Politics: Anthology* [Etnos i politika: Hrestomatiya]. Moscow: Izdatel'stvo URAO, pp. 245–256. (In Russ.)].
- Новаковская-Кристман, А., Жаковска, М. (2015) 'Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках заинтересованных сторон', *The Quarterly Journal*, 14 (4), сс. 77–90. [Novakovskaya-Kristman, A., Zhakovska, M. (2015) 'Conflict in Kosovo through the Conceptual Framework of Stakeholders' [Konflikt v Kosovo, rassmotrennyj v konceptual'nyh ramkah zainteresovannyh storon], *The Quarterly Journal*, 14 (4), pp. 77–90. (In Russ.)].
- Пономарева, Е. Г. (2018) 'Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход', *Вестник МГИМО-Университета*, 2(59), с. 99–124. [Ponomareva, E. G. (2018) 'The Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans: Scenario Approach' [Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyh Balkan: scenarnyj podhod], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2(59), pp. 99–124. (In Russ.)].
- Пономарева, Е. Г. (2005) 'Суверенитет периферийных обществ в условиях глобализации: Сербия и Черногория', *Политическая наука*, 4, сс. 151–172. [Ponomareva, E. G. (2005) 'Sovereignty of Peripheral Societies in the Context of Globalization: Serbia and Montenegro' [Suverenitet periferijnyh obshchestv v usloviyah globalizacii: Serbiya i Chernogoriya], *Politicheskaya Nauka*, 4, pp. 151–172. (In Russ.)].
- Романенко, С. А. (2009) 'Косово: история, характер и динамика конфликта' в: Романенко, С. А., Шмелев, Б. А., Улунян А. А. (ред.) *Конфликт в Косово и международная безопасность*. Москва: Институт экономики РАН, сс. 13–58. [Romanenko, S. A. (2009) 'Kosovo: History, Character and Dynamics of the Conflict' [Kosovo: istoriya, harakter i dinamika konflikta] in: Romanenko, S. A., Shmelev, B. A., Ulunyan A. A. (eds.) *Conflict in Kosovo and International Security* [Konflikt v Kosovo i mezhdunarodnaya bezopasnost']. Moskva: Institut ekonomiki RAN, pp. 13–58. (In Russ.)]. EDN: VOOVOZ
- Семенов, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2016) 'Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории»', *Политические исследования*, 6, сс. 69–94. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2016) 'Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology' [Tipologiya etnopoliticheskoy konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy «bol'shoj teorii»], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 69–94. (In Russ.)].
- Тишков, В. А., Шабает, Ю. П. (ред.) (2019) *Этнополитология: Политические функции этничности*. Москва: Издательство Московского университета. [Tishkov, V. A., Shabaev, Yu. P. (eds.) (2019) *Ethno-Political Science: Political Functions of Ethnicity* [Etnopolitologiya: Politicheskie funkicii etnichnosti]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].
- Шлее, Г. (2004) *Управление конфликтами: теория и практика*. Москва: Deutsch-Russischer Austausch. [Schlee, G. (2004) *Conflict Management: Theory and Practice* [Upravlenie konfliktami: teoriya i praktika]. Moscow: Deutsch-Russischer Austausch. (In Russ.)].
- Carson, Ch. (2013) 'The Dayton Accords and the Escalating Tensions in Kosovo', *Berkeley Undergraduate Journal*, 26 (1), pp. 68–84.
- Duncan, D. (2016) 'Language policy, ethnic conflict, and conflict resolution: Albanian in the former Yugoslavia', *Language Policy*, 15, pp. 453–474. DOI: 10.1007/s10993-015-9380-0 EDN: SHRSIW
- Fearon, J., Latin, D. (2000) 'Violence and the Social Construction of Ethnic Identity', *International Organization*, 54 (4), pp. 845–877. DOI: 10.1162/002081800551398
- Grigorian, A., Kaufman, S. (2007) 'Correspondence: Hate Narratives and Ethnic Conflict', *International Security*, 31 (4), pp. 180–191. DOI: 10.1162/isec.2007.31.4.180
- Kaufman, S. J. (2001) *Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war*. Cornell University Press. DOI: 10.7591/9781501702006
- Kaufman, S. J. (2006) 'Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Ex-

treme Ethnic Violence', *International Security*, 30 (4), pp. 45–86.

Melander, E. (1999) *Anarchy Within - The Security Dilemma Between Ethnic Groups in Emerging Anarchy*, Uppsala University Department for Peace and Conflict Research, Report 52, Uppsala: Institutionen för fredsoch konfliktforskning.

Olzak S. (1992) *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Stanford University Press.

Varshney, A. (2003) 'Nationalism, Ethnic Conflict, and Rationality', *Perspectives on Politics*, 1 (1), pp. 85–99. DOI: 10.1017/S1537592703000069 EDN: FOOJST

Статья поступила в редакцию: 21.09.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

CHOOSING STRATEGY IN KOSOVO CONFLICT: INSTRUMENTAL OR VALUE RATIONALITY

N. Borisova, M. Grabevnik

Nadezhda Borisova, Doctor of Science (in Politics), Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russian Federation.

E-mail: borisova@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Mikhail Grabevnik, Candidate of Science (in Politics), Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russian Federation.

E-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Abstract

The ethnopolitical conflict in Kosovo is one of the crucial challenges of regional security in contemporary Europe. The article presents a qualitative analysis of the dynamics of this conflict in the period 1990-2020, focusing on its parties' strategies. Based on the theory of rational choice, the authors underline the strong linkage between the dynamics of the ethnopolitical conflict (in terms of escalation/de-escalation) and the configuration of the strategies chosen by the parties of the conflict. It is noted that the parties involved in the conflict, acting as "ethnic entrepreneurs", choose between two key strategies: the value rationality strategy (the articulation of the collective goals of an ethnic group to achieve using arguments of ethnic solidarity, history, and tradition) and the instrumental rationality strategy (the pragmatic consolidation of the existing institutional status quo using arguments of forced cooperation, resources, economic and social security of the group). The authors find that the conflict dynamics are determined by the configuration of such strategies. If both parties use the instrumental rationality strategy in a coordinated manner, the possibilities of conflict de-escalation increase; if the parties use conflicting strategies (value rationality strategy versus instrumental rationality strategy) or if the value rationality strategies clash, the opposite effects are observed.

Keywords: Kosovo; Serbia; ethnopolitical conflict; ethnicity; value rationality; instrumental rationality; strategy; European Union; ethnic entrepreneurs.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-324:328

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-20-33

ПАРТИЙНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУРАХ США

Д. С. Ефремов

Ефремов Даниил Сергеевич, магистр политологии, аспирант 3-го курса, факультет политических наук,

Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: efremoff96@yandex.ru (ORCID: 0009-0008-5296-8810).

Аннотация

Посвящена проблеме партийной поляризации в США. Используя подход, не применявшийся ранее в исследованиях по этому вопросу, автор акцентирует внимание на нижних палатах законодательных собраний штатов и тестирует четыре условия, которые, предположительно, вносят дополнительный вклад в уровень партийной поляризации, благодаря чему одна группа штатов в большей степени принадлежит множеству с высоким значением поляризации собственных legislatures, тогда как другая – меньшинству. В качестве метода применяется Cluster QCA – качественный сравнительный анализ, позволяющий работать с панельными данными. Хронологические рамки исследования ограничены 2010–2016 гг. Согласно проведенному анализу, никакое из условий само по себе не является необходимым. Однако автор обнаруживает три конфигурации, представляющие собой достаточные условия для заявленного положительного исхода: во-первых, это наличие высокой доли неграждан на территории штата одновременно с разрешением на безлимитные пожертвования со стороны индивидуальных спонсоров на финансирование избирательных кампаний на уровне штата; во-вторых, сочетание высокой доли безопасных округов, ограничения сроков полномочий и разрешения на безлимитные пожертвования со стороны индивидуальных спонсоров; в-третьих, совместность высокой доли безопасных округов, ограничения сроков полномочий и высокой доли неграждан. Полученные результаты, с одной стороны, подтверждают важность тех или иных детерминант по отношению к степени партийной поляризации, с другой – указывают на то, что они значимы в виде выявленных комбинаций.

Ключевые слова: партийная поляризация; качественный сравнительный анализ; неграждане; безопасные округа; ограничения сроков полномочий; индивидуальные пожертвования.

Последние 50 лет наблюдается усиление поляризации между политическими элитами США. Демаркационной линией раскола выступает партийная принадлежность. В 1950 году Американская ассоциация политических наук публикует доклад, в котором указывается на недостатки слабых идеологических расхождений между партиями и предоставляются рекомендации для их разграничения. В середине XX века отсутствие поляризации казалось вызовом демократической системе. Сегодня, наоборот, исследователей беспокоит ее неуклонный рост. Высокая степень поляризации противоречит одному из важнейших принципов республиканского правления – межпартийному сотрудничеству (Согрин, 2003).

Мера поляризации – идеологическая дистанция между демократами и республиканцами на либерально-консервативной шкале (Schaffner, 2011). Наиболее распространенный способ ее вычисления основывается на данных о поименном голосовании, с помощью которых рассчитываются «идеальные точки» законодателей (Poole & Rosenthal, 1984; Poole & Daniels, 1985). Получив таким образом расположение всех депутатов на правом-левом континууме, оценку партийной поляризации определяем разностью между медианными, или средними значениями идеологических координат двух партий.

Начиная с 1930-х и до конца 1960-х гг. поляризация в Палате представителей была минимальной. В то время Демократическая партия состояла из северных либералов и южных консерваторов, что не давало республиканцам возможность занять диаметрально противоположную позицию. Великая старая партия представляла умеренные и либеральные районы на Севере. Однако с середины

1970-х гг. партийная поляризация начала увеличиваться. Принято считать, что первопричиной идеологического раскола политических элит явилась перегруппировка Юга (Jacobson, 2000). В этот период демократы заняли позицию в поддержку гражданских прав, тем самым захватив афроамериканский электорат, и сдвинулись влево. В ответ республиканцы начали свое движение вправо, укрепив со временем свои позиции на Юге. Партии стали более идеологически однородными, что способствовало сортировке избирателей: либералы все чаще голосовали за демократов, а консерваторы – за республиканцев (Levendusky, 2009). Партийная последовательность на уровне элит и масс взаимно усиливалась. В результате идеологическое расхождение росло.

Южная перегруппировка, однако, не может объяснить столь длительную и сильную тенденцию партийной поляризации, поэтому исследователи находят другие причины. Увеличение гомогенности избирательных округов, джерримендеринг, партийные активисты, индивидуальные доноры, экономическое неравенство, организационные внутрипартийные реформы, типы голосования в Конгрессе – список наиболее часто упоминаемых факторов, ответственных за партийную дивергенцию в Палате представителей (Theriault, 2008; Carson et al., 2003; 2007; Layman et al., 2005; 2010; Hill, 2018; Bonica et al., 2013; McCarty et al., 2003; 2006; 2016; Canen et al., 2021; Cox & McCubbins, 1994; Roberts & Smith, 2003; Rohde, 1991; Aldrich & Rohde, 2000). В росте партийной поляризации в Сенате обвиняют, во-первых, сенаторов-республиканцев, до этого работавших в нижней палате Конгресса; во-вторых, – распространенность экономических вопросов, оказывающих наиболее поляризующее влияние (Lee, 2009; Theriault & Rohde, 2011).

За изучением поляризации в федеральных законодательных органах последовали работы, сосредоточившие свое внимание на легислатурах штатов. Оказалось, что и в них идеологические расхождения становятся выше, причем одна часть ассамблей менее поляризована по сравнению с Конгрессом, а другая – более (Shor et al., 2015). Работы, посвященные поляризации на уровне штатов, по большей части перепроверяли гипотезы, которые рассматривались при ее изучении в Палате представителей (Garlick & 2017; Olson & Rogowski, 2020; Shor et al., 2010; Shor & McCarty, 2011; Zingher & Richman, 2019).

Обращение к законодательным органам штатов предоставляет дополнительные возможности для изучения партийной поляризации на сравнительной основе, однако обширная литература, посвященная причинам этого явления, не лишена пробелов. В частности, пока еще остаются нерассмотренными условия, являющиеся необходимыми и/или достаточными для более высокого уровня поляризации в легислатурах штатов. Данная статья предлагает ответ на этот вопрос.

Теоретические рамки

Автор фокусируется на четырех условиях, варьирующихся между штатами: безопасность округов, ограничения сроков полномочий законодателей, индивидуальные взносы кандидатам и иммиграция. Их набор определяется исследовательским вопросом, так как автора в первую очередь интересует вариация в степени поляризации на уровне региональных легислатур, а не общая причина положительного тренда.

Автор не рассматривает принадлежность к Южному региону в качестве одного из условий, поскольку перегруппировка Юга в конечном счете затронула всю страну. Если посмотреть на средние показатели поляризации на уровне легислатур штатов по регионам, то до 2007 г. Юг находился на последнем месте, позднее стал третьим из четырех, оставляя позади себя лишь Северо-Восток (Shor & McCarty, 2022). За рамками анализа автор также оставляет дифференциацию штатов по уровню экономического неравенства. На наш взгляд, исследователи, продвигающие идею о наличии причинно-следственной связи между данным показателем и уровнем партийной поляризации, не предоставили убедительной аргументации (McCarty et al., 2003; 2006; 2016). Они приводят два основных довода в пользу своей позиции: во-первых, наличие статистической связи между уровнем медианного семейного дохода в округе, от которого избирается конгрессмен, и его позицией на либерально-консервативной шкале и, во-вторых, зависимость политических предпочтений избирателей от их дохода. Однако уровень медианного семейного дохода в округе становится значимым предиктором для радикальности законодателя примерно в то же самое время, когда партийная идентификация перестает им быть для отнесенного дохода. Не обосновано, почему распределение партийной идентификации по уровню отнесенного дохода должно способствовать росту поляризации на уровне элит. Если исходить из логики, что политики занимают более радикальные позиции, ориентируясь на избирателей, то последние должны опережать первых по ходу движения к крайним полюсам либерально-консервативного спек-

тра, однако такого движения не происходит: экономическое неравенство никак не связано с уровнем идеологической поляризации среди электората (Dettrey & Campbell, 2013).

Идеологическая однородность избирательных округов связана сразу с несколькими объяснениями роста поляризации: с партийной перегруппировкой, властью лидеров и джерримендерингом. Как гомогенность, так и перераспределение округов предполагают наличие меньшей конкурентности на выборах – кандидатам незачем двигаться к идеологическому центру, и у радикального претендента увеличиваются шансы на победу (Downs, 1957). Данные показывают, что территории, от которых избираются конгрессмены, демонстрируют две тенденции: во-первых, со временем увеличивается стандартное отклонение среди переменных, отражающих их демографические и идеологические характеристики, то есть округа сильнее различаются между собой; во-вторых, они становятся более однородными. В результате в таких округах (далее они именуются как «безопасные») радикальные кандидаты чаще побеждают на выборах (Theriault, 2008).

Оставаясь в рамках описанной логики, автор сосредоточивается на безопасных округах как на наиболее вероятных детерминантах избрания законодателей с крайними взглядами (Kustov et al., 2021). Исследователи, изучающие выборы в законодательные органы штатов, обнаруживают рост числа бесконкурентных округов с течением времени: данные охватывают период с 1968 по 2016 гг. (Burden & Snyder, 2021; Forgette et al., 2009). Собранная электоральная статистика по 33 нижним палатам штатов, задействованная в этой работе, показывает, что с 2010 по 2016 гг. медианная доля бесконкурентных округов колеблется примерно от 30% до 44,7% (рис. 1). Для безопасных округов (разрыв голосов на выборах $\geq 5\%$) ее диапазон составляет от 84,4% до 90,5% (рис. 2). При этом расстояния между минимальными и максимальными значениями по штатам в эти же годы, в первом случае достигает 82,2% (min = 0), а во втором – 30,77% (min = 69,23%, max = 100%). Автор считает, что большее число безопасных округов в штате должно положительно сказываться на уровне поляризации законодательного собрания штата.

Следующий фактор – ограничение сроков полномочий законодателей. Новые депутаты занимают более радикальные позиции по сравнению со своими предшественниками. Ускорить ротацию в законодательном собрании способна мера по ограничению в сроке полномочий. Ее введение влияет на поведение как инкубентов, так и новых кандидатов. Например, депутаты законодательных собраний штатов, которые больше не могут переизбираться на очередной срок, становятся менее активными и продуктивными на службе (Fouirnaies & Hall, 2022). В штатах с ограничением сроков полномочий происходит так называемый Сдвиг Берка – отход от представления узких краткосрочных интересов в качестве «слуги избирателя» в пользу более широких и долгосрочных – коллективного блага – в роли «опекуна народа» (Carey et al., 2006). В результате карьера законодателей начинает в большей степени зависеть от партии, а не от избирателей. Усиливается стимул следовать партийной линии, и ослабляется склонность к двухпартийному сотрудничеству (Swift & Vander-Molen, 2016).

Исследование на уровне штатов показывает, что ограничение срока полномочий ведет к большей поляризации в нижней законодательной палате штата (Olson & Rogowski, 2020). На уровне партий анализ демонстрирует, что ограничение положительно влияет на консерватизм республиканцев, но не на либерализм демократов. В целом это согласуется с тенденцией более резкого отхода Республиканской партии от идеологического центра по сравнению с инверсным движением Демократической партии.

В другой работе рассматривается проблема партийной поляризации в рамках модели Даунса (Barber, 2016; Downs, 1957). Автор не отвергает теорию медианного избирателя, а добавляет в нее новые компоненты в лице заинтересованных групп. При построении своей политической карьеры кандидаты во многом зависят от сбора средств. Немалую роль для победы в политической борьбе играют финансовые ресурсы, которые обеспечивают избирательную кампанию кандидата. Деньги тратятся на повышение узнаваемости кандидата, его предвыборный штаб, мобилизацию избирателей. Однако ответ на вопрос, насколько сильное влияние оказывают доноры на политический процесс, остается дискуссионным (Powell, 2014). Основными игроками, совершающими денежный вклад в избирательную кампанию, являются индивидуальные доноры и комитеты политических действий. В то время как первые в большей степени руководствуются идеологией при финансировании кандидатов, вторые распределяют средства исходя из стратегических соображений (Sorauf, 1988; Rudolph, 1999; Brunell, 2005). Анализ того, как законы, обуславливающие размер возможной внесенной суммы, влияют на поляризацию законодателей в легислатурах штатов, демонстрирует, что отсутствие ограничений на индивидуальные взносы увеличивает поляризацию и ведет к появлению более радикальных республиканцев. Увеличение или отмена лимитов для PAC имеет обратный эффект, снижа-

ющий разночтения. При этом индивидуальные доноры более радикальны, чем активные сторонники партии (Powell et al., 2003). Первые преобладают среди спонсоров у радикальных законодателей, а РАС составляют основу финансовой поддержки для идеологически умеренных народных представителей. Исследователь сообщает, что средний федеральный кандидат теперь получает 80 % своих средств от индивидуальных доноров по сравнению со всего лишь 20 % два десятилетия назад. Этим объясняется рост поляризации.

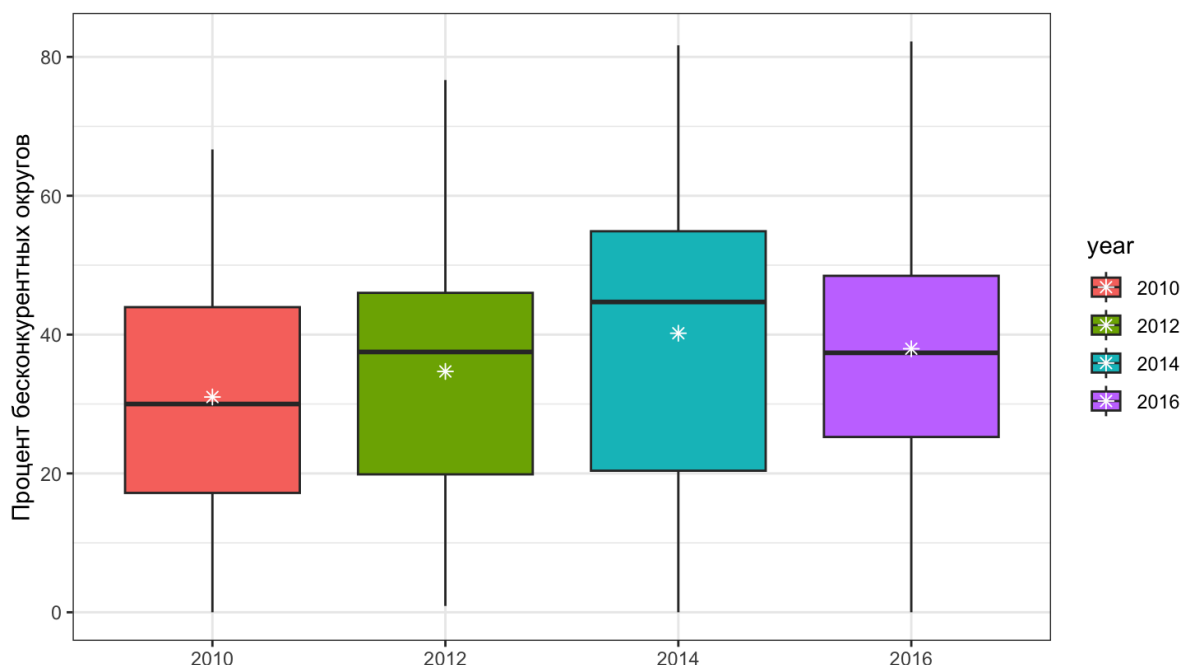

Рис. 1. Процент бесконкурентных округов по годам
(звездочки отражают среднее значение)

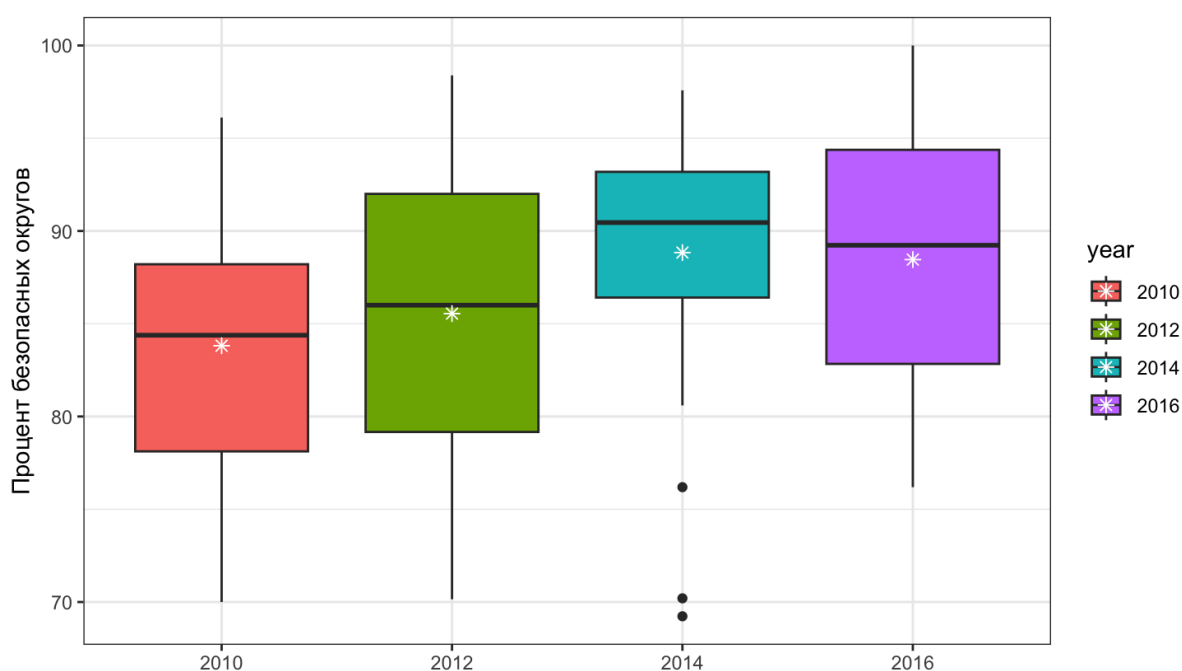

Рис. 2. Процент безопасных округов по годам
(звездочки отражают среднее значение)

Наконец, американские политологи обратили внимание на иммиграцию как возможную причину партийной поляризации (McCarty et al., 2003; 2006). Исследователи рассматривали изменение в потенциальной выгоде граждан от политики перераспределения экономических благ в условиях увеличения доли иммигрантов. С 1990-го г. доля лиц, не обладающих правом голоса, стала достаточной в нижней части распределения доходов, чтобы оказать существенное влияние на предпочтения избирателей с медианным доходом относительно политики перераспределения.

Следует отметить, что до середины 1990-х гг. «ни одна из двух партий не продвигала последовательной миграционной политики» (Waltres & Skocpol, 2024). Реформа 1996 г. была принята в условиях республиканского большинства в Конгрессе при президенте от демократов. Она стала последним серьезным двухпартийным консенсусом по вопросу иммиграции. В 2000-х годах Республиканская партия довольно резко склонилась в сторону рестриктивных мер, тогда как демократы постепенно развивали инклюзивные принципы в рамках иммиграционной политики. Эти тенденции согласуются с тем, как протекала (и протекает) поляризация в Конгрессе: республиканцы быстрее сдвигались вправо по сравнению со скоростью движения демократов влево. К 2008 году количество незарегистрированных выходцев из Мексики достигло своего пика, дойдя до отметки в 7,03 миллиона человек. Таким образом, мексиканцы совместно с иммигрантами из стран Центральной Америки составили три четверти от общего числа нелегалов (Massey et al., 2008). В результате партии стали уделять все больше внимания этой проблеме (Waltres & Skocpol, 2024). Логично предположить, что вопросы иммиграции внесли дополнительный вклад в рост партийной поляризации.

Таким образом, автор фокусируется на четырех факторах, наличие которых (возможно, в связке друг с другом) может быть как необходимым, так и достаточным условием для того, чтобы легислатуры штатов относились к группе более поляризованных ассамблей. В следующих частях работы описаны метод, данные, их калибровка и представлены результаты анализа.

Метод и данные

В статье анализируются условия, которые сами по себе или в комбинации друг с другом могут служить причинами расширенной партийной поляризации. Метод, к которому автор обращается, – это качественный сравнительный анализ (QCA) (Ragin, 2014). Он позволяет работать с таким числом случаев, которое является малым для статистического анализа и вместе с тем довольно большим для тематического исследования. QCA предоставляет возможность устанавливать, какие сочетания условий (конфигураций) – их наличие и/или отсутствие – значатся достаточными для положительного исхода. Путем сравнения всевозможных конфигураций и исходов выявляются обобщенные закономерности. Метод предусматривает наличие множественной причинности (эквивинальности) – один и тот же исход может быть вызван различными комбинациями условий.

Поляризация – явление динамическое, обладающее темпоральным характером. Ввиду этого автор строит модель Cluster QCA с использованием панельных данных (Bhattacharya, 2024; Castro & Ariño, 2016). Хронологические рамки анализа определяются доступными данными: Census Bureau предоставляет сведения о количестве неграждан по штатам с 2010 г., а результаты выборов в законодательные органы штатов по округам ограничиваются 2016 г., в связи с чем исследование проводится на временном отрезке с 2010 по 2016 г.

Доля иммигрантов рассчитывается на основе данных Census Bureau¹ как отношение заверенного числа неграждан штата к общему количеству его населения. В переписи отсутствуют необходимые сведения по следующим штатам: Аляска, Мэн, Миссисипи, Монтана, Северная Дакота, Южная Дакота, Вермонт, Западная Вирджиния и Вайоминг, – в связи с чем они не входят в число анализируемых случаев.

Для определения безопасных округов автор использует набор данных о результатах выборов в законодательные органы штатов по системе относительного большинства с одним победителем, собранных с Ballotpedia². Под безопасными округами понимаются те, в которых кандидат от Демократической или Республиканской партии на всеобщих выборах в нижнюю палату штата набирает не менее 55% голосов. Соответственно, бесконкурентные округа также входят в число безопасных. Некоторые штаты, присутствующие в переписи, используют электоральную систему относительного большинства в многомандатных округах: Аризона, Айдахо, Мэриленд, Нью-Хэмпшир и Нью-

¹ United States, Native and Foreign-Born [online]. URL: [https://data.census.gov/table?q=United%20States&t=Native%20and%20Foreign-Born&g=010XX00US\\$0400000](https://data.census.gov/table?q=United%20States&t=Native%20and%20Foreign-Born&g=010XX00US$0400000) (Accessed: 20.12.2024)

² State legislative historical elections by state [online]. URL: https://ballotpedia.org/State_legislative_historical_elections_by_state (Accessed: 20.12.2024)

Джерси. Они исключены из ряда рассматриваемых случаев. Вне рамок исследования находится штат Луизиана, применяющий избирательную систему абсолютного большинства в одномандатных округах. Штат Небраска имеет только одну законодательную палату, в связи с чем не попадает к отобранному случаю. В Вирджинии региональные выборы проводятся в нечетные годы. Для удобства анализа я записываю время выборов в этом штате, как если бы они проходили годом ранее. Все остальные данные – как например количество неграждан – соответствуют реальному году проведения выборов. Нижняя палата в Алабаме переизбирается один раз в четыре года. Поэтому Алабама присутствует только в двух из четырех фиксируемых моментах времени: в 2010 и в 2014 гг.

Финансирование избирательных кампаний подчиняется правилам, которые различаются от штата к штату: в части из них установлены денежные пределы на пожертвования со стороны индивидуальных доноров, в других частные лица имеют возможность предоставлять средства любых размеров. Данные о лимитах со стороны индивидуальных доноров доступны на сайте The Campaign Finance Institute (CFI)³. Ограничения сроков полномочий в нижней палате legislatures в период с 2010 по 2016 гг. присутствуют в 12 штатах, однако с учетом исключения некоторых из них из анализа таких насчитывается лишь девять. Надлежащие сведения взяты из Ballotpedia⁴.

Оценки поляризации в нижних палатах legislatures основаны на результатах поименного голосования и рассчитаны таким образом, чтобы быть сопоставимыми по штатам и времени⁵ (Shor & McCarty, 2011). Показатель поляризации законодательного органа отражает дистанцию между медианными значениями партийной идеологии на либерально-консервативной шкале. Среди величин, отражающих оценки поляризации для законодательных собраний штатов, присутствуют пропущенные значения. Автор решает эту проблему с помощью линейной интерполяции, заполняя таким образом пробелы в данных.

Качественный сравнительный анализ требует калибровки анализируемых условий и исхода. Калибровка подразумевает распределение данных по множествам, формируемым исследователем. Существует два типа множеств: четкие и нечеткие. Первые характеризуются полным включением или невключением тех или иных значений в свое членство. Нечеткие множества, напротив, определяются степенью членства распределяемых величин. Калибровку интервальных переменных возможно провести двумя способами: прямым и косвенным. Прямой метод требует наличия теоретических оснований для включения переменных в одну из категорий множеств. Косвенный метод применяется, если отсутствует подходящая теория, устанавливающая пороговые значения. В таком случае сначала задается количество косвенных калибровочных категорий, после чего с помощью регрессионного анализа предсказываются оценки членства по множествам.

Информация о наличии безлимитных индивидуальных пожертвований и об ограничении сроков полномочий представляет собой набор категориальных данных, калибровка которых опирается на теорию четких множеств. Отсутствие или наличие безлимитных индивидуальных пожертвований кодируется как 0 и 1 соответственно. Таким же образом калибруется условие об ограничении сроков полномочий. Два других рассматриваемых условия – доля неграждан и процент безопасных округов, а также наблюдаемый исход изначально представлены в виде интервальных значений. Поскольку нет теории, устанавливающей порог, за которым оценки доли неграждан и процента безопасных округов считаются высокими, как и нет теории, определяющей аналогичный порог для показателя поляризации, автор прибегает к косвенному методу калибровки. Автор обращается к шести качественным категориям, которые принято использовать в подобных случаях: полностью вне множества (0); по большей части вне множества (0.2); больше вне множества, чем во множестве (0.4); больше во множестве, чем вне множества (0.6); по большей части во множестве (0.8); полностью во множестве (1) (Ragin, 2009). Затем сравниваются результаты, полученные путем применения биномиального и бета-регрессионного моделирования, и выбираются наименее ассиметричные (Bhattacharya, 2024; Oana et al., 2021).

Отсутствие некоторых демографических и электоральных данных совместно со специальным отбором последних задает количество анализируемых случаев (всего 134): 34 legislatures в четырех временных промежутках. В онлайн-приложении графически представлены результаты калибровки по нечетким множествам, вся предварительная работа с данными и изображения кросс-секционных и межвременных оценок⁶.

³ State Campaign Finance Laws [online]. URL: <http://cfinst.org/law/states.aspx> (Accessed: 20.12.2024)

⁴ State-by-state comparison of campaign finance requirements [online]. URL: https://ballotpedia.org/State-by-state_comparison_of_campaign_finance_requirements (Accessed: 20.12.2024)

⁵ Aggregate State Legislator Shor-McCarty Ideology Data, April 2023 update [online]. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/WI8ERB> (Accessed: 20.12.2024)

⁶ PARTISAN-POLARIZATION-IN-THE-STATE-LEGISLATURES [online]. URL: <https://github.com/efremov96/PARTISAN-POLARIZATION-IN-THE-STATE-LEGISLATURES> (Accessed: 20.12.2024)

Результаты анализа

Прежде всего автор проверяет по отдельности каждое условие на предмет его необходимости. Согласно конвенции, при проверке условия показатель согласованности должен быть не ниже 0.9, иначе условие нельзя считать необходимым. В рамках Cluster QCA автор обращается к параметру объединенной согласованности (аналог обычной согласованности в простом QCA), обозначенному здесь как Cons.Nec, однако ни для одной отдельно взятой потенциальной причины он не превышает пороговый минимум (табл. 1). Следовательно, никакое из рассматриваемых условий (как и его отсутствие) само по себе не является необходимым для положительного исхода.

Таблица 1

Результаты анализа на необходимость

Условие	Cons.Nec	Cov.Nec	RoN
SAFE	0.54	0.54	0.68
TERM	0.33	0.61	0.88
UNL_DON	0.33	0.60	0.87
NON_CIT	0.61	0.61	0.72
~SAFE	0.61	0.62	0.72
~TERM	0.67	0.46	0.40
~UNL_DON	0.68	0.46	0.41
~NON_CIT	0.57	0.56	0.69

Примечание: SAFE – множество кейсов, характеризующееся большим процентом безопасных округов, TERM – ограничением сроков полномочий, UNL_DON – безлимитными индивидуальными пожертвованиями, NON_CIT – высокой долей неграждан.

На следующем этапе автор анализирует критерий достаточности. Прежде всего необходимо построить таблицу истинности, строки которой отображают всевозможные конфигурации условий, соответствующие им исходы, количество случаев и показатели (табл. 2).

Таблица 2

Таблица истинности

№ п/п	SAFE	TERM	UNL_DON	NON_CIT	OUT	n	incl	PRI
1	0	0	0	0	0	17	0.64	0.49
2	0	0	0	1	0	17	0.56	0.38
3	0	0	1	0	0	7	0.67	0.37
4	0	0	1	1	1	9	0.97	0.94
5	0	1	0	0	0	7	0.64	0.47
6	0	1	0	1	0	10	0.70	0.61
7	0	1	1	0	?	0	-	-
8	0	1	1	1	?	0	-	-
9	1	0	0	0	0	13	0.66	0.37
10	1	0	0	1	0	19	0.46	0.19
11	1	0	1	0	0	7	0.53	0.15
12	1	0	1	1	1	9	0.88	0.81
13	1	1	0	0	0	9	0.36	0.12
14	1	1	0	1	1	6	0.89	0.85
15	1	1	1	0	1	4	1	1
16	1	1	1	1	?	0	-	-

Примечание: OUT – исход; n – количество случаев в конфигурации; incl – sufficiency inclusion score; PRI – proportional reduction in inconsistency.

Некоторые конфигурации существуют только теоретически. Они не обнаруживаются в действительности, и их исход нам неизвестен. Их принято называть логическими остатками. В этом случае на месте исхода стоит знак вопроса, а количество случаев равняется нулю (строки 7–8 и 16). Все строки, в которых значение в столбце OUT равняется единице (4, 12, 14 и 15), содержат комбинацию достаточных условий для заданного исхода. Однако в них могут быть заключены условия, которые никак не влияют на результат. Если посмотреть на четвертую и двенадцатую строки, то можно заметить, что они различаются только по условию SAFE и в обоих результат предстает положительным. Отсюда следует, что категория безопасности округов является избыточной – ее можно устранить, сведя таким образом две комбинации к одной.

Исключение избыточных условий – первый из двух шагов по упрощению формулы достаточности. На втором шаге редуцируются первичные импликанты там, где это возможно. Первичные импликанты составляют выражение достаточности, образованное после прохождения первого шага. Импликант рассматривается как избыточный, если после его удаления из решения он все равно является его подмножеством. Комплекс описанных действий известен под названием «логическая минимизация». Логические остатки также могут быть задействованы в процедуре минимизации. Если этого не происходит, то полученное решение именуется консервативным. Если включаются все те остатки, которые позволяют получить кратчайшее возможное решение, то последнее называется простым. Промежуточное решение учитывает наши теоретические ожидания.

Консервативное решение, как правило, самое сложное, что затрудняет его интерпретацию. Оно целесообразно, если основной задачей исследователя выступает подробное описание кейсов. Автор же стремится найти, с одной стороны, наименее противоречивое, а с другой – наиболее точное и в то же время простое объяснение принадлежности множеству легислатур с высоким уровнем поляризации. Приоритеты такого рода обычно склоняют исследователей к выбору промежуточного решения. В нашем случае промежуточное и простое решения совпадают (табл. 3). Ввиду этого автор отбрасывает только консервативное решение.

Таблица 3

Результаты промежуточного решения

№ п/п	Достаточное условие	inclS	PRI	covS	covU
1	UNL_DON*NON_CIT	0.905	0.865	0.197	0.195
2	SAFE*TERM*UNL_DON	1.000	1.000	0.048	0.045
3	SAFE*TERM*NON_CIT	0.889	0.854	0.095	0.093
	M1	0.912	0.883	0.335	
M1: UNL_DON*NON_CIT + SAFE*TERM*UNL_DON + SAFE*TERM*NON_CIT -> POLAR					

Найденная формула, состоит из трех комбинаций условий, являющимися достаточными для положительного исхода. Во-первых, безлимитные индивидуальные пожертвования совместно с высокой долей неграждан в штате служат причиной, что законодательные собрания имеют более высокий уровень поляризации. Во-вторых, высокая доля безопасных округов в совокупности с ограничением сроков полномочий и безлимитными индивидуальными пожертвованиями приводят положительному исходу. Другое объяснение проявляется в одновременном присутствии следующих трех условий: наличие высокой доли безопасных округов и неграждан и присутствие ограничения сроков полномочий.

Чтобы удостовериться в правильности и надежности полученных результатов, следует выявить и устранить ошибки, связанные с несостоятельными допущениями. Автор не находит противоречивых упрощающих подмножеств, в связи с чем результаты решения остаются неизменными.

На рисунках 3–5 проиллюстрированы результаты теста на достаточность. Параметр включения (inclS) для условия UNL_DON*NON_CIT равняется 0.905 – это довольно высокая оценка, поскольку в литературе 0.8 считается нижней границей для согласованности (включения) (Ragin, 2009; Schneider & Wagemann, 2012). Коэффициент покрытия (covS) равен 0.197: почти 20% от всего набора случаев, демонстрирующих положительный исход. Показатель одновременных упрощающих подмножеств составляет 0.865, что выступает дополнительным подтверждением достаточности. Вторая конфигурация (SAFE*TERM*UNL_DON) показывает максимально возможные значения для параметров inclS и PRI, достигая единицы в обоих случаях, одновременно с небольшим коэффициентом покрытия (covS = 0.048). Третья часть решения (SAFE*TERM*NON_CIT) имеет более низкие оценки по каждому из параметров: включение (InclS = 0.889), покрытие (covS = 0.095) и одновременное отношение подмножеств (PRI = 0.854), – однако они остаются выше нижних пределов, позволяющих считать решение достаточным. Параметры уникального покрытия у всех трех комбинаций условий практически эквивалентны их общему покрытию, поскольку между конфигурациями нет пересечений по случаям.

На графиках видно немало случаев, у которых значения по оси X меньше 0.5, а по оси Y выше 0.5 – это примеры кейсов, состоящих во множестве с высоким уровнем поляризации, однако найденные условия не являются для них достаточными. Следовательно, стоит задуматься, какие еще факторы могут объяснять принадлежность законодательных собраний штатов к группе наиболее поляризованных.

Метод, используемый в анализе, охватывает два измерения: кросс-секционное и межвременное. Соответственно, необходимо рассматривать, меняется ли влияние условий на исход как между случаями, так и во времени. В этом помогают оценки согласованности, разработанные для Cluster QCA: внутренняя согласованность (WCONS), промежуточная согласованность (BECONS) и объединенная согласованность (POCONS) (Castro & Ariño, 2016). Параметр WCONS измеряет, насколько согласована связь с течением времени для каждого случая. В свою очередь, BECONS показывает, насколько согласована связь для каждого года среди всех случаев. Значение POCONS отражает общую согласованность, при которой штат, как в нашем случае, и время не принимаются в качестве постоянной величины.

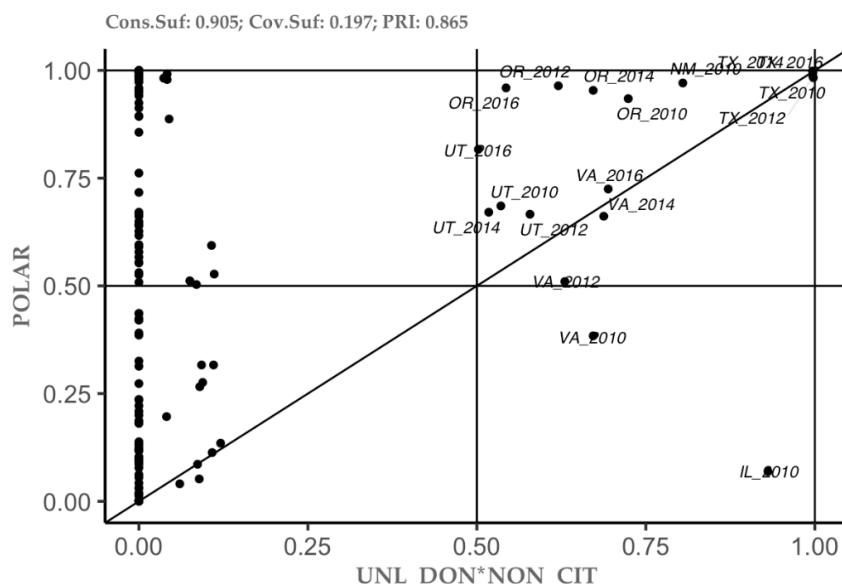

Рис. 3. Первое достаточное условие

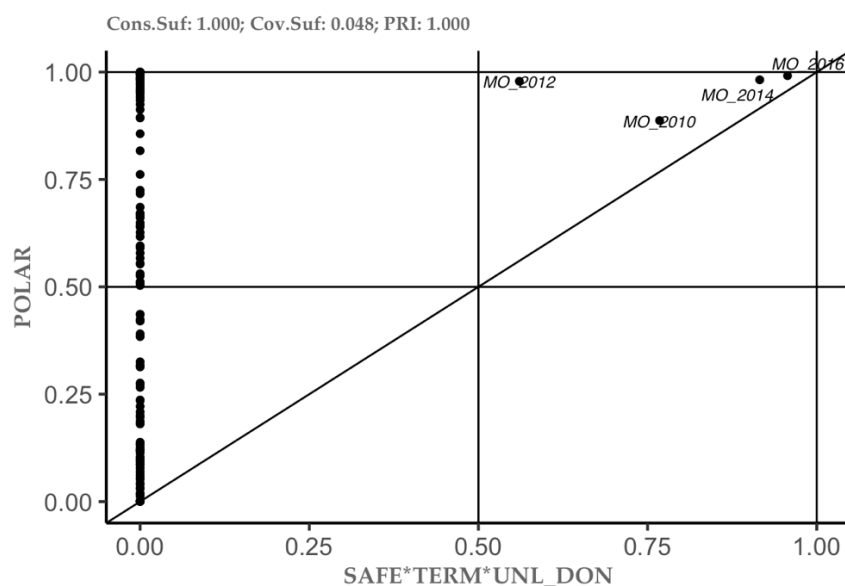

Рис. 4. Второе достаточное условие

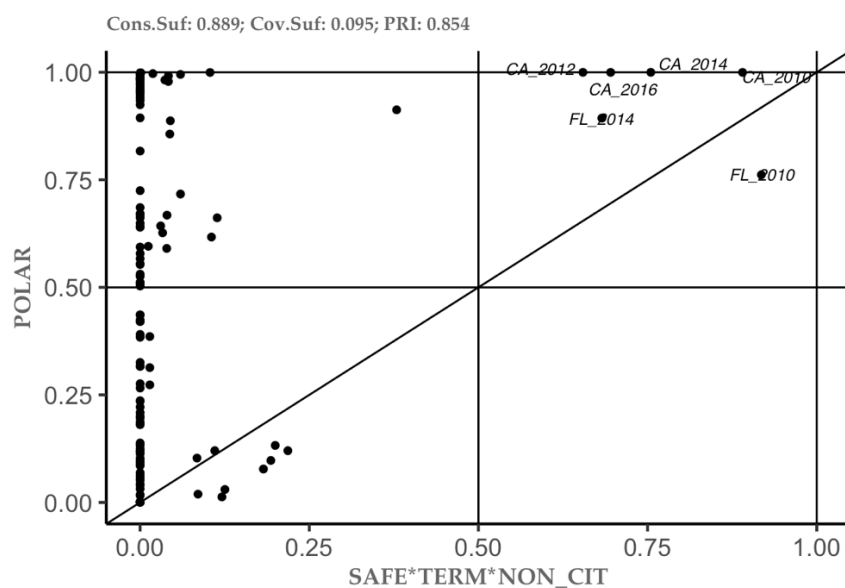

Рис. 5. Третье достаточное условие

Выше указаны показатели включения для двух конфигураций – это и есть POCONS достаточного условия. Все три оценки – WICONS, BECONS и POCONS – варьируются от нуля до единицы. Если вычислить расстояние между векторами WICONS и BECONS с одной стороны и соответствующими векторами POCONS, с другой стороны, можно проследить изменчивость согласованности с течением времени и между штатами. Для условия UNL_DON*MIGR величина WICONS distance равна 0.029, тогда как BECONS distance достигает 0.053, что говорит о незначительном доминировании временных эффектов над кросс-секционными. Для условия SAFE*TERM*UNL_DON оба значения не отличаются от нуля. Для условия SAFE*TERM*NON_CIT величины WICONS и BECONS довольно близки друг к другу и равняются 0.023 и 0.026 соответственно. Промежуточное решение (UNL_DON*NON_CIT + SAFE*TERM*UNL_DON + SAFE*TERM*NON_CIT), выраженное в виде дизъюнкции трех комбинаций, также характеризуется относительно невысокими межвременными (BECONS = 0.039) и кросс-секционными (WICONS = 0.037) показателями.

Заключение

Это исследование, посвященное партийной поляризации в законодательных собраниях штатов, несомненно, имеет свои ограничения, касающиеся хронологических рамок, выборки и метода. В рамках работы автору приходится прибегать к косвенному способу калибровки, поскольку пока еще не разработана теория, на которую он мог бы опереться в процессе кодирования данных. Тем не менее полученные результаты не выглядят противоречивыми, а использованный подход предоставляет возможность по-новому взглянуть на объяснение феномена партийной поляризации. Вместо того, чтобы сосредоточиваться на величинах эффектов отдельных переменных, следует посмотреть на то, как структурные и институциональные факторы действуют в связке между собой.

Проведенный анализ показывает, что ни одно из выдвинутых само по себе условий нельзя считать необходимым, однако, находятся конфигурации, которые оказываются достаточными для обнаружения положительного результата. Это три комбинации, первая из которых обусловлена сочетанием высокого уровня неграждан на территории штата и разрешения на безлимитные пожертвования со стороны индивидуальных спонсоров на финансирование избирательных кампаний, вторая – сочетанием высокой доли безопасных округов, ограничением сроков полномочий и разрешения на безлимитные пожертвования со стороны индивидуальных спонсоров, третья – сочетанием высокой доли безопасных округов, ограничением сроков полномочий и высоким уровнем неграждан. Вторая комбинация обладает самой высокой оценкой согласованности, затем следует первая и третья. В то же время первая комбинация имеет наивысший коэффициент покрытия по сравнению с остальными. Основываясь на результатах анализа, можно заключить, что временной эффект немного превалирует над кросс-секционным, однако кажется, что оба они невысоки.

Поскольку величина покрытия формулы достаточности составляет 0.328, существует немало случаев, для которых требуется другое объяснение их принадлежности множеству законодательных собраний с высоким уровнем поляризации. Дальнейшие работы должны развиваться в том числе по этому пути – поиска новых причин. Другим направлением, задающим развитие исследований в области партийной поляризации в США, может служить более подробное изучение типичных случаев найденных конфигураций, чтобы установить причинно-следственные механизмы.

Список литературы / References

- Согрин, В. В. (2003) 'Двухпартийная система США: преемственность и обновление', *ПОЛИС. Политические исследования*, (3), pp. 164–170. [Sogrin, V. V. (2003) 'The US Two-Party System: Continuity and Renewal' [Dvuhpartijnaja sistema SShA: preemstvennost' i obnovenie]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, (3), pp. 164–170. DOI: 10.17976/jpps/2003.03.16]
- Aldrich, J. H., & Rohde, D. W. (2000) *The logic of conditional party government: Revisiting the electoral connection*. PIPC.
- Barber, M. J. (2016) 'Ideological donors, contribution limits, and the polarization of American legislatures', *The Journal of Politics*, 78(1), pp. 296–310, DOI: 10.1086/683453
- Bhattacharya, P. (2024) *An Introduction to Panel Data QCA in R*. CRC Press, DOI: 10.1201/9781003384595
- Bonica, A., McCarty, N., Poole, K. T., & Rosenthal, H. (2013) 'Why hasn't democracy slowed rising inequality? ', *Journal of Economic Perspectives*, 27(3), pp. 103–124, DOI: 10.1257/jep.27.3.103
- Brunell, T. L. (2005) 'The relationship between political parties and interest groups: Explaining patterns of PAC contributions to candidates for congress', *Political Research Quarterly*, 58(4), pp. 681–688, DOI: 10.2307/3595653
- Burden, B. C., & Snyder, R. (2021) 'Explaining Uncontested Seats in Congress and State Legislatures', *American Politics Research*, 49(3), pp. 247–258, DOI: 10.1177/1532673X20960565
- Canen, N. J., Kendall, C., & Trebbi, F. (2021) *Political parties as drivers of us polarization: 1927–2018*, w28296. National Bureau of Economic Research, DOI: 10.2139/ssrn.3803669
- Carey, J. M., Niemi, R. G., Powell, L. W., & Moncrief, G. F. (2006) 'The effects of term limits on state legislatures: a new survey of the 50 states', *Legislative Studies Quarterly*, 31(1), pp. 105–134, DOI: 10.3162/036298006X201742
- Carson, J. L., Crespin, M. H., Finocchiaro, C. J., & Rohde, D. W. (2003) Linking congressional districts across time: Redistricting and party polarization in Congress. In:

- Annual Meeting of the Midwest Political Science Association.*
- Carson, J. L., Crespin, M. H., Finocchiaro, C. J., & Rohde, D. W. (2007) 'Redistricting and party polarization in the US House of Representatives', *American Politics Research*, 35(6), pp. 878–904, DOI: 10.1177/1532673X07304263
- Castro, R. G., & Ariño, M. A. (2016) 'A general approach to panel data set-theoretic research', *Journal of Advances in Management Sciences & Information Systems*, 2, pp. 63–76, DOI: 10.6000/2371-1647.2016.02.06
- Cox, G. W., & McCubbins, M. D. (1994) 'Bonding, structure, and the stability of political parties: party government in the House', *Legislative Studies Quarterly*, pp. 215–231.
- Dettrey, B. J., & Campbell, J. E. (2013) 'Has growing income inequality polarized the American electorate? Class, party, and ideological polarization', *Social Science Quarterly*, 94(4), pp. 1062–1083, DOI: 10.1111/ssqu.12026
- Downs, A. (1957) *An economic theory of democracy*. Happer & Row.
- Duša, A. (2018) *QCA with R: A comprehensive resource*. Springer.
- Forgette, R., Garner, A., & Winkle, J. (2009) 'Do Redistricting Principles and Practices Affect US State Legislative Electoral Competition?', *State Politics & Policy Quarterly*, 9(2), pp. 151–175, DOI: <https://doi.org/10.1177/1532440009009002>
- Fouirnaies, A., & Hall, A. B. (2022) 'How do electoral incentives affect legislator behavior? Evidence from US state legislatures', *American Political Science Review*, 116(2), pp. 662–676, DOI: 10.1017/S0003055421001064 EDN: NYBXKV
- Garlick, A. (2017) 'National policies, agendas, and polarization in American state legislatures: 2011 to 2014', *American Politics Research*, 45(6), pp. 939–979, DOI: 10.1177/1532673X17719719
- Hill, S. J., & Tausanovitch, C. (2018) 'Southern realignment, party sorting, and the polarization of American primary electorates, 1958–2012', *Public Choice*, 176(1), pp. 107–132, DOI: 10.1007/s11127-017-0478-0 EDN: XNOPMI
- Jacobson, G. C. (2000) Party polarization in national politics: The electoral connection. In: *Polarized politics: Congress and the president in a partisan era*, 5, pp. 17–18.
- Kustov, A., Cerda, M., Rajan, A., Rosenbluth, F., & Shapiro, I. (2021) *The rise of safe seats and party indiscipline in the us congress*. Midwest Political Science Association, Chicago, IL.
- Lang, C., & Pearson-Merkowitz, S. (2015) 'Partisan sorting in the United States, 1972–2012: new evidence from a dynamic analysis', *Political Geography*, 48, pp. 119–129, DOI: 10.1016/j.polgeo.2014.09.015
- Layman, G. C., Carsey, T. M., Green, J. C., Herrera, R., & Cooperman, R. (2010) 'Activists and conflict extension in American party politics', *American Political Science Review*, 104(2), pp. 324–346, DOI: 10.1017/S000305541000016X
- Layman, G. C., Carsey, T. M., & Horowitz, J. M. (2006) 'Party polarization in American politics: Characteristics, causes, and consequences', *Annu. Rev. Polit. Sci.*, 9(1), pp. 83–110, DOI: 10.1146/annurev.polisci.9.070204.105138
- Lee, F. E. (2009) *Beyond ideology: Politics, principles, and partisanship in the US Senate*. University of Chicago Press, DOI: 10.7208/chicago/9780226470771.001.0001
- Levendusky, M. (2009) *The partisan sort: How liberals became democrats and conservatives became republicans*. University of Chicago Press, DOI: 10.7208/chicago/9780226473673.001.0001
- Martin, G. J., & Webster, S. W. (2020) 'Does residential sorting explain geographic polarization?', *Political Science Research and Methods*, 8(2), pp. 215–231, DOI: 10.1017/psrm.2018.44
- Massey, D. S., Kalter, F., & Pren, K. A. (2008) 'Structural economic change and international migration from Mexico and Poland', *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 60(48), 134.
- McCarty, N., Poole, K. T., & Rosenthal, H. (2003) Political polarization and income inequality. Available at SSRN 1154098.
- McCarty, N. M., Poole, K. T., & Rosenthal, H. (2006) *Polarized America: The dance of ideology and unequal 411 riches*.
- McCarty, N., Poole, K. T., & Rosenthal, H. (2016) *Polarized America: The dance of ideology and unequal riches*. mit Press.
- Shor, B., & McCarty, N. (2022) 'Two decades of polarization in American state legislatures', *Journal of Political Institutions*

- and *Political Economy*, 3(3–4), pp. 343–370, DOI: 10.1561/113.000000063 EDN: TQDVLO
- Oana, I. E., Schneider, C. Q., & Thomann, E. (2021) *Qualitative comparative analysis using R: A beginner's guide*. Cambridge University Press, DOI: 10.1017/9781009006781
- Olson, M. P., & Rogowski, J. C. (2020) 'Legislative term limits and polarization', *The Journal of Politics*, 82(2), pp. 572–586, DOI: 10.1086/706764 EDN: VFVUKA
- Poole, K. T., & Rosenthal, H. (1985) 'A spatial model for legislative roll call analysis', *American journal of political science*, pp. 357–384, DOI: 10.2307/2111172
- Poole, K. T., & Rosenthal, H. (1984) 'The polarization of American politics', *The journal of politics*, 46(4), pp. 1061–1079.
- Powell, L. W. (2014) 'The influence of campaign contributions on the legislative process', *Duke J. Const. L. & Pub. Pol'y*, 9, 75, DOI: 10.1515/for-2013-0047
- Powell, L. W., Wilcox, C., Francia, P. L., Herrnson, P. S., & Green, J. C. (2003) *The financiers of congressional elections: Investors, ideologues, and intimates*. Columbia University Press, DOI: 10.7312/fran11618
- Ragin, C. C. (2009) *Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond*. University of Chicago Press, DOI: 10.7208/chicago/9780226702797.001.0001
- Ragin, C. C. (2014) *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. Univ of California Press.
- Roberts, J. M., & Smith, S. S. (2003) 'Procedural contexts, party strategy, and conditional party voting in the US House of Representatives', 1971–2000, *American Journal of Political Science*, 47(2), pp. 305–317, DOI: 10.1111/1540-5907.00021 EDN: BGPCYV
- Rohde, D. W. (1991) *Parties and leaders in the postreform House*. University of Chicago Press, DOI: 10.7208/chicago/9780226724058.001.0001
- Rudolph, T. J. (1999) 'Corporate and labor PAC contributions in House elections: Measuring the effects of majority party status', *The Journal of Politics*, 61(1), pp. 195–206, DOI: 10.2307/2647782 EDN: EQAMRX
- Schaffner, B. F. (2011) *Party polarization. The Oxford Handbook of the American Congress*. Oxford University Press, pp. 527–549. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199559947.003.0023
- Shor, B., Thurber, J. A., & Yoshinaka, A. (2015) Polarization in American state legislatures. *American gridlock: the sources, character, and impact of political polarization*, 203–21.
- Shor, B., Berry, C., & McCarty, N. (2010) 'A Bridge to Somewhere: Mapping State and Congressional Ideology on a Cross-Institutional Common Space', *Legislative Studies Quarterly*, 35(3), pp. 417–448, DOI: 10.3162/036298010792069198
- Shor, B., & McCarty, N. (2011) 'The ideological mapping of American legislatures', *American Political Science Review*, 105(3), pp. 530–551, DOI: 10.2139/ssrn.1676863
- Sorauf, F. J. (1988) Money in American elections. (No Title)
- Swift, C. S., & VanderMolen, K. A. (2016) 'Term limits and collaboration across the aisle: An analysis of bipartisan cosponsorship in term limited and non-term limited state legislatures', *State Politics & Policy Quarterly*, 16(2), pp. 198–226, DOI: 10.1177/1532440015608760
- Theriault, S. M. (2008) *Party Polarization in Congress*. Cambridge University Press.
- Theriault, S. M., & Rohde, D. W. (2011) 'The Gingrich senators and party polarization in the US Senate', *The Journal of Politics*, 73(4), pp. 1011–1024, DOI: 10.1017/S0022381611000752
- Walters, K., & Skocpol, T. (2024) 'Immigration clashes, party polarization, and republican radicalization: Tracking shifts in state and national party platforms since 1980', *Studies in American Political Development*, 38(1), pp. 1–15, DOI: 10.1017/S0898588X23000056 EDN: MFYLGE
- Zingher, J. N., & Richman, J. (2019) 'Polarization and the nationalization of state legislative elections', *American Politics Research*, 47(5), pp. 1036–1054, DOI: 10.1177/1532673X18788050

Статья поступила в редакцию: 29.12.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

PARTISAN POLARIZATION IN THE US REGIONAL LEGISLATURES

D. Efremov

Daniil Efremov, Master of Political Science, third year Postgraduate Student, Department of Political Science, European University, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: efremoff96@yandex.ru (ORCID: 0009-0008-5296-8810).

Abstract

This paper examines party polarization in the United States. The approach used in the study has never been applied to the issue in question before. I focus on the lower houses of state legislatures and select four conditions that hypothetically influence the level of party polarization in such a way that one group of states is more likely to have a higher level of polarization of their legislatures than another. The research method used is Cluster QCA, a qualitative comparative analysis that allows working with panel data. The chronological framework of the study is limited to 2010–2016. According to the analysis, none of the conditions are specifically necessary. However, I find two configurations that serve as sufficient conditions for the stated positive outcome: first, a high level of non-citizens in the territory of the state along with the permission of unlimited donations from individual donors to finance election campaigns; second, a high proportion of safe districts along with term limits and a permission for unlimited donations from individual donors; third, a high proportion of safe districts together with term limits and a high level of non-citizens. However, the results obtained do not only confirm the importance of certain determinants in relation to the degree of party polarization but also indicate the significance of their presence in the form of the identified combinations.

Keywords: party polarization; qualitative comparative analysis; non-citizens; safe districts; term limits; donations.

УДК-328

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-34-43

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ: ФАКТОР ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. С. Шустров

Шустров Александр Сергеевич, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

Аннотация

Институциональные факторы считаются одними из важнейших при рассмотрении деятельности законодателей в легислатурах. В качестве главного объясняющего механизма выступает теория о конкурирующих принципах, предполагающая вариации в поведении депутатов в зависимости от типа избирательной системы, в рамках которой последние избираются в парламент. Анализируется партийная дисциплина депутатов Государственной Думы РФ VI и VII созывов на основании данных о поименном голосовании. Предыдущие исследования партийной дисциплины в российском парламенте не дали однозначных результатов, а современные работы сосредоточились на неинституциональных факторах. В связи с этим главный вопрос статьи – влияют ли такие институциональные факторы, как тип избирательной системы, на деятельность депутатов в Государственной Думе. Изменение законом 2014 г. типа избирательной системы с полностью пропорциональной на смешанную представляет собой естественный эксперимент, дающий возможность использовать метод каузального анализа «разность разностей» (difference-in-differences). Использование квазиэкспериментального дизайна позволяет перейти от описания взаимосвязей к обоснованным предположениям о причинно-следственных связях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что депутаты, избранные в рамках одномандатных округов, демонстрируют меньшую партийную дисциплину по сравнению с депутатами, прошедшими в законодательный орган по спискам. Полученные выводы дают основание формулировать и проверять более сложные гипотезы для уточнения знаний о том, какие институциональные факторы оказывают влияние на деятельность депутатов в современном российском парламенте.

Ключевые слова: законодательная деятельность депутатов; партийная дисциплина; избирательная система; Государственная Дума РФ; конкурирующие принципы; поименное голосование; естественный эксперимент; разность разностей.

Макрополитические эффекты различных дизайнов избирательных систем, такие как количество политических партий, стабильность правительств, электоральная конкуренция, поведение избирателей, давно находятся в фокусе внимания политологов. Тем не менее только в недавнее время у исследователей появился интерес к изучению взаимосвязи между электоральными институтами и непосредственным поведением законодателей. При этом основная часть исследований посвящена функционированию этого механизма в странах с демократическими институтами, в то время как электоральные автократии являются наиболее распространенными авторитарными государствами в современном мире (Brancati, 2014). Это обуславливает необходимость изучения законодательного поведения депутатов в странах как с демократическими, так и с недемократическими режимами. Исследователи последних ушли от мнения, что законодательные собрания в автократиях представляют собой просто «фасады», лишённые какого-либо содержания, вследствие чего их изучение лишено смысла (Williamson & Magaloni, 2020). На самом деле внутри таких легислатур происходят процессы, представляющие интерес для рассмотрения (Noble, 2020; Truex, 2020).

В политической науке также сложилось конвенциональное представление, что отличия в избирательных правилах влияют на законодательную деятельность парламентариев. Для депутатов, избирающихся по пропорциональной избирательной системе, есть веские стимулы следовать партийной повестке и быть более дисциплинированными по двум причинам. Во-первых, поскольку их избрание зависит от популярности их партии в целом, для них важно следовать позиции партии. Во-

вторых, потому что их выдвижение и позиционирование в партийном списке также целиком зависит от партии. С другой стороны, при мажоритарной системе у кандидатов меньше стимулов следовать партийной линии, поскольку их шансы на переизбрание зависят от настроений избирателей округов, которые они представляют. Напротив, у парламентариев больше стимулов представлять локальные интересы, которые зачастую могут быть противоположны партийной линии, что, однако, не означает, что депутаты-одномандатники всегда будут игнорировать партийные интересы (Thames, 2001). Эмпирические подтверждения в основном были получены на чистых типах электоральных систем: либо на полностью мажоритарных, либо полностью пропорциональных (Morgenstern & Swindle, 2005), однако такие подходы с трудом дают возможность отследить причинно-следственные связи правил вследствие того, что институциональные различия могут быть обусловлены и другими факторами, трудными для измерения, например политической культурой и историческим наследием (Olivella & Tavits, 2014: 301). Второй подход измеряет различия в законодательном поведении после резкой смены избирательных правил с пропорциональной на мажоритарную систему или наоборот (Gherghina & Chiru, 2014). В этом случае в изменениях в поведении могут вмешиваться факторы, которые и побудили изменения в электоральных институтах. Третий, на наш взгляд, более продуктивный подход – измерение различий между законодательным поведением депутатов, избирающихся по разным избирательным правилам, в рамках одной страны, то есть в рамках смешанной избирательной системы (Rich, 2014).

В литературе предпринимались попытки выяснить, имеют ли место подобные различия в партийной дисциплине в российском парламенте, и, если Ф. Темс обнаружил различия в поведении депутатов, основываясь на исследовании поименных голосований по проектам бюджета (Thames, 2001), другая группа авторов (Haspel et. al., 1998) не нашла существенных расхождений между одномандатниками и «списочниками». Кроме того, что авторы пришли к различным выводам, валидность результатов этих работ не совсем удовлетворяет нас в настоящее время еще и потому, что они были написаны в начале 2000-х гг. на эмпирическом материале середины 1990-х гг. С тех пор российская политическая система претерпела значительные изменения, в том числе влияющие на законодательное поведение депутатов. Во-первых, во второй половине 90-х гг. российская партийная система еще не была полностью сформирована: имели место большое количество независимых депутатов, неустойчивость и неоформленность партий, а также возможность депутатов менять фракционную принадлежность без сдачи мандата, что позже было запрещено. Во-вторых, проведенные реформы и появление «Единой России» в качестве партии власти сильно изменили партийную систему России. В частности, из-за необходимости «национализации» партийной системы, то есть повышения роли Государственной Думы как представителя общенациональных интересов, а не сугубо региональных, укрупнения и стабилизации партий, а также повышения партийной подотчетности депутатов в 2005 г. была проведена реформа, заменяющая смешанную систему на пропорциональную (Макаркин, 2009). По мнению части исследователей и публицистов, итогом данных реформ и политических процессов, происходящих в стране, стало уменьшение роли Государственной Думы как самостоятельного политического актора и фактическое превращение ее в проводника решений, спущенных исполнительной властью. Если это так, то можно предположить, что различий между законодательным поведением депутатов, избранных по разным избирательным правилам, не существует. Тем не менее вопрос остается открытым и есть основания полагать, что в действительности различия в законодательном поведении депутатов, зависящие от типа мандата, все же существуют.

В данной работе мы тестируем эту гипотезу, используя метод разности разностей (difference-in-differences). Выбор метода был обусловлен, во-первых, наличием подходящего естественного эксперимента, связанного со сменой полностью пропорциональной избирательной системы на смешанную в результате реформы в феврале 2014 г. Во-вторых, метод разности разностей является методом каузального анализа, что позволяет перейти от описания взаимосвязей между типом избирательной системы и партийной дисциплиной к обоснованным выводам о наличии причинно-следственных связей между этими явлениями.

Партийная дисциплина и избирательные системы

Литература о законодательном поведении депутатов строится на том, что различные избирательные системы создают разнообразные стимулы для депутатов, которые и формируют их поведение. В то же время достижение их целей напрямую зависит от принципов. Принципы в литературе по партийному поведению определяются как политические субъекты, от которых непосредственно

зависит номинирование депутата, результаты выборов и карьерное продвижение. В качестве главных принципов в первую очередь рассматриваются партийное руководство с одной стороны, и избиратели – с другой. Хотя принципами могут выступать и другие типы агентов, такие как губернаторы, гражданское общество или лоббистские группы, мы сосредоточимся на избирателях и партийном руководстве. Депутат, переизбрание которого зависит от избирателей округа, имеет стимулы представлять локальные интересы, поскольку, если избиратели ориентируются на результаты деятельности законодателя, а последний не представляет их интересы, у них будут веские стимулы «штрафовать» законодателя за его поведение.

Пропорциональная система, с другой стороны, дает большую вариативность в стимулировании депутатской деятельности. В основе этого различия лежит идея, что контроль руководства партии над законодателем определяется ее властью над формированием списка кандидатов на следующих выборах. В общем случае руководству партии, которое контролирует ранжирование имен в партийном списке, выгодно выдвигать на первые позиции тех кандидатов, которые были солидарны с общей позицией партии, в то время как наименее согласным стоит предоставлять наименее предпочтительные места (Carroll & Nalepa, 2020). С одной стороны, пропорциональные избирательные системы с открытым списком культивируют так называемый феномен личного голоса (Shugart & Carey, 1995). В системах с открытым партийным списком избиратели могут ранжировать или отдавать предпочтение тому или иному кандидату в списке, поэтому в его интересах создать личную репутацию, которая позволит ему достичь более хороших результатов, чем у его однопартийцев. В то же время пропорциональные избирательные системы с закрытым списком предоставляют большие возможности контроля над поведением законодателей для партийного руководства, поскольку место в партийном списке кандидатов напрямую зависит от последнего.

Несмотря на то, что депутат-одномандатник также зависит от партийных ресурсов, он все же больше зависит от предпочтений избирателей своего округа. В случае, если законодатель демонстрирует низкую партийную дисциплину в условиях пропорциональной избирательной системы, он рискует вообще не быть номинированным на выборах либо получить такое место в списке, которое не гарантирует ему попадание в законодательный орган (Norris, 2004). Эти суждения описывают центральную идею о конкурирующих принципах, которая гласит, что наличие более чем одного источника влияния на законодательное поведение депутата приводит к снижению партийного единства и, соответственно, партийной дисциплины (Carey, 2007).

Партийная сплоченность как мера того, насколько сильно отличаются позиции представителей партии при поименном голосовании, впрочем, обеспечивается не только описанными рычагами давления партийного руководства. Кроме этого, она может обеспечиваться как идеологической близостью законодателей внутри партии или фракции, так и контролем за повесткой, выносимой на обсуждение или голосование. Партийная сплоченность крайне важна для законодательной деятельности партий и фракций, поскольку она определяет возможность блокировать или принимать политические решения, а значит, участвовать в отправлении властных полномочий и сдерживать обещания, данные избирателям (Bowler & Farrell, 1999). Кроме того, если партия не может обеспечить партийную сплоченность и голосование не отвечает той позиции, которая представлена на ее партийной платформе, то для избирателя становится менее важна партийная идентичность, а на первое место выходит индивидуальное голосование (Carey, 2007). В этом смысле партийная дисциплина каждого отдельного законодателя определяется как степень, в которой он при голосовании ориентируется на позицию той партии или фракции, к которой он принадлежит. Поскольку мы предполагаем, что большинство членов той или иной партии или фракции будет голосовать в соответствии с тем, как голосует партийное руководство (это может быть как ориентация непосредственно во время голосования, так и в ходе внутрипартийных обсуждений), мы будем считать партийной линией ту позицию, за которую проголосовало большинство представителей фракции или партии.

При этом важность партийной дисциплины для разных парламентов не одинакова и зависит от правила принятия решений. В парламентах, где нужно набрать относительное большинство голосов, чтобы принять или отклонить решение, то есть получить большее количество голосов, чем противоположная позиция, каждый голос важен для победы. В этом случае «воздержался» или «не голосовал» будет наносить партии ущерб, в то время как за или против, отданные вопреки партийной линии, будут наносить еще больший ущерб партии. В то же время в парламентах, где для принятия решения требуется абсолютное большинство голосов от всех депутатов парламента (обычно 50 % плюс один голос для обычных законопроектов или решений), голоса за, против, «воздержался» и «не голосовал» примерно одинаковы для результатов. В этой конфигурации за будет соответствовать партий-

ной дисциплине, если партия добивается принятия решения, в то время как три остальных варианта будут работать прямо против, поэтому «не голосовал» в системах с абсолютным большинством будет всегда соответствовать голосу против по своему вкладу в результат голосования (Carey, 2007), но не всегда – сути.

Есть важные содержательные обоснования, объясняющие, почему стоит учитывать «не голосовал» как голос законодателя против (Rich, 2014). Есть основания полагать, что депутаты в определенных случаях воздерживаются от голосования против, когда они действительно хотят проголосовать против. Вместо этого они не голосуют за определенный законопроект, и электронные системы регистрации голосования засчитывают в качестве результата «не голосовал». Такое поведение может объясняться тем, что, несмотря на желание депутата проголосовать против, есть существенные репутационные риски в связи с таким голосованием по резонансным законопроектам. В таком случае депутат скрывает свои истинные намерения. Это также может являться формой протеста (Центр политической конъюнктуры, 2019). Кроме того, партийному руководству неголосование будет выгоднее, чем открытый голос против, поскольку это позволяет скрыть расколы внутри партии (Carey, 2007). Даже несмотря на эти содержательные замечания в пользу учета таких случаев, не все авторы включают голоса «не голосовал» в свой анализ (Sieberer, 2010). Данный подход не является идеальным, поскольку для некоторых депутатов и их голосов учет неголосования как голоса против будет справедливо, однако для других ситуаций это будет не так. Тем не менее неприятие во внимание неголосования будет игнорировать часть важной информации, содержащейся в голосованиях депутатов. Вдобавок к этому существуют подходы (Haspel et. al., 1998), позволяющие если не полностью решить данную проблему, то значительно нивелировать, что может быть реализовано в дальнейших исследованиях российского парламента. С обоснованием, почему стоит учитывать голос «воздержался», дело обстоит немного проще, если речь идет о парламентах, в которых решения принимаются абсолютным большинством (Государственная Дума является таковым) членов парламента. Чтобы достичь принятия решения, нужно набрать определенное количество голосов за, и поэтому любой другой голос препятствует этой цели.

Существуют различные трактовки того, что считать партийным большинством (или партийной линией). Часть авторов считают партийным большинством медианный голос по определенному законопроекту (Rich, 2014), часть – 50 % и больше (Olivella & Tavits, 2014), часть рассчитывает корреляцию (Haspel et. al., 1998), а кто-то более 50, но не более 75 % голосов (Thames, 2001). В настоящей статье будет использоваться три порога для определения партийного большинства: 70, 75 и 80 %. На наш взгляд, выбранный интервал представляется наиболее удачным с учетом включения в зависимую переменную «не голосовал», поскольку если повышать порог, то значение зависимой переменной будут сильно определять такие голосования, где в действительности «не голосовал» не будет означать против, а также те голосования, где определенное количество депутатов от одной фракции прогуляли голосование. В то же время представляется, что порог, начинающийся с 50 %, включает в себя такие голосования, которые поляризовали мнения членов партии или фракции, а потому партийная линия в таких случаях неочевидна.

Данные и метод

В 2005 году был принят законопроект, который отменял смешанную систему и устанавливал полностью пропорциональные выборы в Государственную Думу. Подобным способом избиралась Государственная Дума VI созыва: депутаты избирались по пропорциональной системе закрытого списка. В 2014 году был подписан закон, возвращающий смешанную избирательную систему, и уже в 2016 г. 225 депутатов избирались по мажоритарной избирательной системе, 225 – по пропорциональной закрытого списка. Также есть группа депутатов, которая присутствовала в обоих созывах Государственной Думы (VI и VII созыве). Исходя из этого, у нас есть группа депутатов, которая присутствовала в VI и VII созывах Государственной Думы, одна часть из которой в Государственную Думу VII созыва избиралась по пропорциональной избирательной системе, а вторая часть – по мажоритарной. Таким образом, у нас есть квази-экспериментальные данные, для анализа которых подходит метод «разность разностей» (difference-in-differences).

В базовой спецификации модель выглядит следующим образом:

$$y_{i,t} = \beta_0 + \beta_1 * Period_t + \beta_2 * Group_i + \beta_3 * Period_t * Group_i + \epsilon_{i,t} ,$$

где Group – дамми-переменная для контрольной и экспериментальной групп (0 – для депутатов, продолживших избираться по партийным спискам, и 1 – для депутатов, сменивших тип избрания на одномандатный округ); Period – дамми-переменная для временного периода до и после смены избирательной системы (0 – для периода до смены системы, то есть 2011–2016 гг., 1 – для периода после смены системы, то есть 2016–2021 гг.); индекс «*i*» означает конкретного депутата, а индекс «*t*» – временные периоды до и после воздействия (Седашов, 2021).

В качестве контрольной переменной также была выбрана фракционная принадлежность депутата. Как отмечается, реже всего против голосуют представители «Единой России» (Центр политической конъюнктуры, 2019), поэтому можно ожидать, что депутаты оппозиционных партий будут проявлять меньшую партийную дисциплину.

Мы будем оценивать модели 1, 2 и 3, в которых кодировка зависимой переменной соответствует разным порогам партийного большинства – 70, 75 и 80 %. Кроме того, мы учитываем результат «не голосовал» в связи с описанными выше соображениями. Кодировка поименного голосования на предмет отклонения от партийной линии происходила следующим образом. Для начала устанавливался порог партийного большинства. Если большинство депутатов (в соответствии с выбранным порогом) из фракции парламентария проголосовали за, а он проголосовал против, воздержался или не голосовал, то этот голос считается отступлением от партийной линии. Верно и обратное: если результаты голосования большинства его однопартийцев – против, «воздержался» или «не голосовал», а парламентарий проголосовал за, это также считается отступлением от партийной линии. Для каждого депутата мы считаем количество таких голосов за отдельный созыв, а после считаем, какой процент такие голоса составляют от всего количества голосов за отдельный созыв. Таким образом, во-первых, зависимая переменная может принимать значение от 0 до 100; во-вторых, чем выше значение зависимой переменной, тем ниже партийная дисциплина отдельного депутата (поскольку увеличивается количество голосов, которые противоречат партийной линии).

Данные поименного голосования были собраны с сайта Государственной Думы РФ. Они имеют панельную структуру, поскольку для каждого депутата, который присутствовал в VI и VII созывах Государственной Думы, у нас есть два наблюдения (за оба созыва). Итого в контрольной группе оказалось 148 депутатов, в экспериментальной – 86. Размер всей выборки, таким образом, составил 234 депутата.

Результаты

С полученными результатами можно ознакомиться в табл. 1. Результат оказался устойчивым для разных порогов партийного большинства – мажоритарный мандат повышает процент голосов, которые были отданы вопреки партийной линии. Во всех трех моделях переменная взаимодействия Convocation*Group, отвечающая за смену депутатом избирательной системы с пропорциональной на мажоритарную на выборах в ГД VII созыва, статистически значима как минимум на 5%-ном уровне. Эффект оказался не очень большой, но ощутимый. Он составляет около 2 % при среднем значении зависимой переменной от 4 до 5 % (в зависимости от ее операционализации) по всей выборке за оба периода. Интересно, что статистическая значимость переменной, отвечающей за различия между депутатами-одномандатниками и депутатами-«списочниками» в области партийной дисциплины, повышается вместе с повышением порогового значения партийного большинства. Нужно, однако, понимать, что повышение порогового уровня сокращает количество законопроектов и иных решений, которые были размечены для депутата как те, при голосовании за которые он отступил от партийной линии. В связи с этими рассуждениями и традицией в литературе по партийной дисциплине оптимальной стоило бы выбрать модель с пороговым значением 70 %. Мы также видим, что вопреки ожиданиям фракционная принадлежность к оппозиционным партиям не прошла проверку на устойчивость при повышении порогового значения, хотя оценка коэффициента для КПРФ в моделях с 70%-ным и 75%-ным пороговым значением является статистически значимой, а в модели с 80%-ным порогом она имеет пограничное значение статистической значимости. Если все же ориентироваться на модель с 70%-ной значимостью, как более теоретически обоснованную, то мы видим, что принадлежность к фракции «Справедливой России» повышает процент таких голосов примерно на 2, а к КПРФ примерно на 2,4.

Таблица 1

Оценки регрессионных моделей, %

<i>Переменная</i>	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>	<i>Модель 3</i>
Созыв	6.7295*** (0.551)	5.6591*** (0.514)	4.5366*** (0.476)
Группа	-0.5352 (0.668)	-0.6956 (0.623)	-0.8808 (0.577)
Созыв * Группа	1.8437* (0.909)	2.2601** (0.847)	2.6691** (0.785)
СР	2.0401* (0.862)	0.9986 (0.803)	-0.1057 (0.745)
ЛПДР	0.7936 (0.682)	0.3435 (0.636)	-0.3207 (0.590)
КПРФ	2.3998*** (0.639)	1.2160* (0.596)	-0.0392 (0.552)
Константа	1.0832* (0.459)	1.3034** (0.428)	1.5749*** (0.396)
Количество наблюдений	468	468	468
R-квадрат	0.402	0.366	0.329

Стандартные ошибки в скобках

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Вместе с тем можно предположить, что на высокие показатели зависимой переменной влияет такой фактор, как пропуск депутатами заседаний парламента (Центр политической конъюнктуры, 2019). Чтобы проверить это, мы исключаем из анализа те наблюдения, для которых значение зависимой переменной больше 15 % в любом из двух рассматриваемых созывов Государственной Думы. В этих моделях мы используем те же пороговые значения для партийного большинства. В зависимости от порогового значения количество исключенных из выборки депутатов варьируется от 20 до 38, в связи с чем мы исключаем от 40 до 76 наблюдений (поскольку на каждого депутата у нас есть два наблюдения). Результаты представлены в табл. 2.

Мы видим схожую картину. Различие между депутатами-одномандатниками и депутатами-списочниками все так же статистически значимо, хотя эффект стал немного скромнее – в среднем различия в партийной дисциплине составляют около 1,5 %. Эффект мандата от КПРФ также на самом высоком пороговом значении находится на пограничном значении статистической значимости. Небольшое отличие лишь в том, что на 70%-ном пороговом значении партийного большинства эффект мандата от ЛДПР также становится статистически значимым.

Таблица 2

Оценки регрессионных моделей, %

<i>Переменная</i>	<i>Модель 4</i>	<i>Модель 5</i>	<i>Модель 6</i>
Созыв	4.8864*** (0.346)	4.2325*** (0.340)	3.6063*** (0.322)
Группа	-0.4247 (0.419)	-0.5411 (0.415)	-0.7018 (0.397)
Созыв * Группа	1.2186* (0.570)	1.6207** (0.565)	1.7138** (0.540)
СР	1.8869*** (0.535)	1.1265* (0.534)	0.0179 (0.517)
ЛДПР	0.8965* (0.409)	0.4023 (0.413)	-0.3631 (0.399)
КПРФ	1.5667*** (0.418)	1.6549*** (0.390)	0.6259 (0.366)
Константа	1.0209*** (0.286)	1.1401*** (0.284)	1.3960*** (0.269)
Количество наблюдений	392	414	428
R-квадрат	0.516	0.460	0.401

Стандартные ошибки в скобках

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

В целом результаты ожидаемы по нескольким причинам. Во-первых, исходя из сложившейся теории, мы предполагали, что депутаты, избранные по мажоритарной избирательной системе, будут менее дисциплинированы по сравнению с депутатами, избранными по пропорциональной системе закрытого списка, из-за того, что их принципалом также становятся местные избиратели.

Во-вторых, это связано и с самой конфигурацией сил в российском парламенте. «Единая Россия» обладает таким количеством мест в парламенте, которое необходимо ей для принятия любых обычных решений или законов (не берем в расчет те решения, для которых требуется квалифицированное большинство). Такая ситуация может снижать мотивацию руководства оппозиционных партий затрачивать усилия на дисциплинирование депутатов-одномандатников, потому что для принятия решений, по которым эта партия солидарна с позицией «Единой России», ей хватит голосов самой «Единой России», а в случае необходимости и части своей. Для принятия же решения, против которого выступает «Единая Россия», ей не хватит голосов даже в совокупности с другими оппозиционными партиями. Это подтверждает то, что по сравнению с «Единой Россией» («Единая Россия» выбрана в качестве референтной категории в моделях) у оппозиционных партий уровень дисциплинированности депутатов в среднем ниже. Кроме того, мы видим существенное снижение партийной дисциплины в Государственной Думе VII созыва, даже несмотря на решение штрафовать депутатов, пропускающих заседания без уважительной причины, на что косвенно указывает, что в моделях статистически значима переменная, отвечающая за фиксированный эффект VII созыва Государственной Думы (уровень партийной дисциплины снижается примерно на 4–5 %). В Государственной Думе VI созыва «Единая Россия» имела не такое большое преимущество в количестве мандатов: 238 при 226 необходимых для принятия решения голосах, что заставляло руководство «Единой России» мобилизовывать голоса депутатов, входящих во фракцию. В Государственной Думе следующего со-

зыка «Единая Россия» занимала уже 343 места, что могло снижать партийную дисциплину уже среди представителей «Единой России».

В-третьих, на партийную дисциплину депутатов-одномандатников влияет еще один фактор, который не был упомянут ранее: их «безопасность» в округе (Fetaga, 2014). Если избранный кандидат столкнулся с сильным соперником в своем округе, он будет менее уверен в своем переизбрании на следующих выборах. По этой причине у него есть стимулы подкорректировать свое голосование таким образом, чтобы надеяться на благосклонность партийного руководства к его номинации и хорошему расположению в списке, то есть не нарушать партийную дисциплину. Эти стимулы должны усиливаться вместе с увеличением сопротивления депутату со стороны других кандидатов на выборах. Однако, как показывает Р. Туровский (Turovsky, 2018), для российского парламента в среднем разрыв между победителем и кандидатом, занявшим второе место, в одномандатном округе неукоснительно растет и для VII созыва достигает отметки примерно 33. Это говорит о том, что избранные депутаты-одномандатники чувствуют себя достаточно безопасно, а потому у них нет жестких стимулов следовать партийной линии по этой причине.

Обсудим основные ограничения исследования. Первое и главное ограничение состоит в том, что не совсем обосновано предположение о параллельности трендов. Чтобы быть уверенными в причинно-следственных связях, необходимо сравнить динамику партийной дисциплины контрольной и экспериментальной групп в период VI созыва Государственной Думы (например, динамику агрегированной по годам партийной дисциплины). Вторым ограничением, несмотря на содержательное обоснование такого выбора, является включение результата «не голосовал» как голоса против, поскольку, как отмечалось выше, для некоторых голосов и депутатов такое включение будет справедливым, в то время как для других – нет. Третье ограничение состоит в допущении каузальной модели Рубина (Rubin, 1980), а именно «допущения о стабильности эффекта воздействия на объект», или *stable unit treatment value assumption* – SUTVA. Как отмечается, в смешанных системах, предоставляющих возможность выдвигаться одновременно в одномандатном округе и по партийному списку, поведение депутатов, предполагающих возможность попасть в парламент в рамках любого из типов избирательной системы, может не соответствовать текущему типу избрания (Carey, 2000). Соответственно, при такой ситуации депутат может испытывать не чистое воздействие типа избирательной системы, а смесь различных стимулов, мотивируя выбирать более нейтральную стратегию поведения.

Заключение

В статье исследуется влияние избирательных систем на партийную дисциплину депутатов Государственной Думы. Мажоритарные и пропорциональные избирательные системы с закрытым списком создают разные стимулы для депутатов, потому что их переизбрание зависит от разных принципов: от локальных избирателей и партийного руководства соответственно. Предполагается, что вследствие этого депутаты, избранные по мажоритарной системе, будут в меньшей степени следовать партийной линии, чем депутаты, избранные по пропорциональной системе закрытого списка. Российский парламент удобен для проверки наших гипотез относительно взаимосвязи избирательных систем и партийной дисциплины. Во-первых, избирательная система на выборах в Государственную Думу в настоящее время является смешанной, что позволяет обойти проблему значимых пропущенных переменных, которые неизбежно возникают при рассмотрении парламентов разных стран и периодов. Во-вторых, смена избирательной системы с полностью пропорциональной на смешанную в 2014 г. представляет собой естественный эксперимент, удобный для использования квазиэкспериментального дизайна исследования, являющегося достаточно редким для данной области политической науки. Используя квазиэкспериментальный метод разности разностей, который повышает внутреннюю валидность исследования и при соблюдении определенных допущений позволяет говорить о наличии причинно-следственных связей, мы проанализировали данные о партийной дисциплине депутатов Государственной Думы VI и VII созывов. Результаты свидетельствуют, что избрание депутата по мажоритарной избирательной системе уменьшает его партийную дисциплину. Обнаруженное влияние оказалось небольшим, но ощутимым, что соответствует другим исследованиям партийной дисциплины депутатов российского парламента (Kunicova & Remington, 2008; Thames, 2005; Thames, 2001).

Список литературы / References

- Макаркин, А. В. (2009) 'Партийная система современной России и начало кризиса', *Неприкосновенный запас*, 1(63) [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/partijnaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-nachalo-krizisa.html> (дата обращения: 4 марта 2022). [Makarkin, A. V. (2009) 'The Party System of Modern Russia and the Beginning of the Crisis' [Partijnaja sistema sovremennoj Rossii i nachalo krizisa], *Neprikosnovennyj zapas*, 1(63) (In Russ.) [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/partijnaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-nachalo-krizisa.html> (Accessed 4th March 2022)].
- Седашов, Е. А. (2021) 'Методы каузного анализа в современной политической науке', *Политическая наука*, 1, сс. 98–155. [Sedashov, E. A. (2021) 'Methods of causal analysis in modern political science' [Metody kauzal'nogo analiza v sovremennoj politicheskoy nauke], *Political Science (RU)*, 1, pp. 98–155. (In Russ.)].
- Центр политической конъюнктуры (2019) 'Бездействующая Дума' [Электронный ресурс]. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/bezdeystvuyushchaya-duma/> (дата обращения: 21 марта 2022). [Centr politicheskoy konjunktury (2019) 'Inactive Duma' [Bezdeystvujushhaja Duma] (In Russ.) [Online]. Available at: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/bezdeystvuyushchaya-duma/> (Accessed 21st March 2022)].
- Bowler, S., Farrell, D. M. and Katz, R. S. (1999) *Party Discipline and Parliamentary Government*. Columbus: The Ohio State University Press.
- Brancati, D. (2014) 'Democratic Authoritarianism: Origins and Effects', *Annual Review of Political Science*, 17, pp. 313–326. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052013-115248
- Carey, M. J. (2000) 'Parchment, Equilibria, and Institutions', *Comparative Political Studies*, 33(6-7), pp. 735–761. DOI: 10.1177/001041400003300603 EDN: JRCDOT
- Carey, M. J. (2007) 'Competing Principals, Political Institutions, and Party Unity in Legislative Voting', *American Journal of Political Science*, 51(1), pp. 92–107. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00239.x
- Carroll, R. and Nalepa, M. (2020) 'The personal vote and party cohesion: Modeling the effects of electoral rules on intraparty politics', *Journal of Theoretical Politics*, 32(1), pp. 36–69. DOI: 10.1177/0951629819892336 EDN: YZIWYR
- Ferrara, F. (2004) 'Frogs, Mice and Mixed Electoral Institutions: Party Discipline in Italy's XIV Chamber of Deputies', *Journal of Legislative Studies*, 10, pp. 10–31. DOI: 10.1080/1357233042000322454
- Gherghina, S. and Chiru, M. (2014) 'Determinants of legislative voting loyalty under different electoral systems: Evidence from Romania', *International Political Science*, 35(5), pp. 523–541.
- Haspel, M., Remington, T. and Smith, S. (1998) 'Electoral Institutions and Party Cohesion in the Russian Duma', *Journal of Politics*, 60(2), pp. 417–439. DOI: 10.2307/2647916 EDN: EPZXMN
- Kunicova, J. and Remington, T. (2008) 'Mandates, parties and dissent. Effect of electoral rules on parliamentary party cohesion in the Russian State Duma, 1994–2003', *Party Politics*, 14(5), pp. 555–574. DOI: 10.1177/1354068808093390
- Morgenstern, Sc. and Swindle, S. (2005) 'Are Politics Local? An Analysis of Voting Patterns in 23 Democracies', *Comparative Political Studies*, 38(2), pp. 143–170. DOI: 10.1177/0010414004271081 EDN: JRCHQX
- Noble, B. (2020) 'Authoritarian amendments: Legislative institutions as intra-executive constraints in post-Soviet Russia', *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1417–1454. DOI: 10.1177/0010414018797941 EDN: VEZYFT
- Norris, P. (2004) *Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511790980
- Olivella, S. and Tavits, M. (2014) 'Legislative Effects of Electoral Mandates', *British Journal of Political Science*, 44(2), pp. 301–321. DOI: 10.1017/S0007123412000828
- Rich, T. (2014) 'Party Voting Cohesion in Mixed Member Legislative Systems: Evidence from Korea and Taiwan', *Legislative Studies Quarterly*, 39(1), pp. 113–135. DOI: 10.1111/lsq.12035

- Rubin, D. (1980) 'Randomization Analysis of Experimental Data: The Fisher Randomization Test Comment', *Journal of the American Statistical Association*, 75(371), pp. 591–593. DOI: 10.2307/2287653
- Shugart, M. and Carey, M. J. (1995) 'Incentives to Cultivate a Personal Vote: a Rank Ordering of Electoral Formulas', *Electoral Studies*, 14(4), pp. 417–439.
- Sieberer, U. (2010) 'Behavioral Consequences of Mixed Electoral Systems: Deviating Voting Behavior of District and List MPs in the German Bundestag', *Electoral Studies*, 29, pp. 484–496. DOI: 10.1016/j.electstud.2010.04.012
- Thames, F. (2001) 'Legislative Voting Behaviour in the Russian Duma: Understanding the Effect of Mandate', *EUROPE-ASIA STUDIES*, 53(6), pp. 869–884. DOI: 10.1080/09668130120078531
- Thames, F. (2005) 'A House Divided: Party Strength and the Mandate Divide in Hungary, Russia, and Ukraine', *Comparative Political Studies*, 38, pp. 282–303. DOI: 10.1177/0010414004272526 EDN: XOCZDR
- Truex, R. (2020) 'Authoritarian gridlock? Understanding delay in the Chinese legislative system', *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1455–1492.
- Turovsky, R. (2018) 'Institutionalization versus personalization: electoral effects of the mixed-member electoral system in Russia', *European Politics and Society*, 19(5), pp. 595–622. DOI: 10.1080/23745118.2018.1492197 EDN: WTNJCC
- Williamson, S. and Magaloni, B. (2020) 'Legislatures and Policy Making in Authoritarian Regimes', *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1525–1543. DOI: 10.1177/0010414020912288 EDN: CLPJBB

Статья поступила в редакцию: 11.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

PARTY DISCIPLINE OF THE RUSSIAN STATE DUMA DEPUTIES: ELECTORAL SYSTEM FACTOR

A. Shustrov

Alexander Shustrov, PhD Student,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

Abstract

Institutional factors are important when considering deputies' legislative behavior. The main explanatory mechanism is the theory of competing principals, which suggests that deputies behave differently depending on the type of electoral system under which they are elected to parliament. The article analyzes party discipline of Russian State Duma deputies during the VI and VII convocations based on roll call vote data. Previous studies of party discipline in the Russian parliament have been inconclusive. Contemporary work has focused on non-institutional factors. The main question of the article is whether institutional factors such as the type of electoral system affect the legislative behavior of deputies in the Russian State Duma. The act of 2014, which changed the type of electoral system from fully proportional to mixed, is a natural experiment that provides an opportunity to use the difference-in-difference (DiD) method of analysis. The use of quasi-experimental design allows us to move from describing relationships to making reasonable assumptions about causal links. The study's findings indicate that deputies elected in single-mandate districts demonstrate less party discipline than deputies elected through party lists. The results provide a basis for formulating and testing more complex hypotheses to improve knowledge of what institutional factors influence deputies' legislative behavior in the modern Russian parliament.

Keywords: legislative behavior; party discipline; electoral system; Russian State Duma; competing principals; roll call vote; natural experiment; difference-in-difference.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-44-55

**В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА:
КОНСТРУИРОВАНИЕ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ДИСКУРСАХ УЧАСТНИКОВ ИЗБОРСКОГО КЛУБА**

О. Е. Долгина

Долгина Ольга Евгеньевна, студентка II курса магистратуры факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: dolginaoe@gmail.ru (ORCID: 0009-0006-2179-127X. ResearcherID: LFT-9114-2024).

Аннотация

Изборский клуб, основанный в 2012 г., позиционирует себя как «синтез русских государственников <...> от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов» и представляет собой проект объединения представителей различных государственных течений русского национализма. Внутренняя разнородность, характерная для русского национализма, выступает препятствием на пути к заявленной цели клуба – выработке «новой традиции», что означает конструирование единого идеологического дискурса и представления о русской идентичности. На основе контент-анализа публикаций участников клуба в 2012–2021 гг. рассматриваются транслируемые участниками модели русской идентичности и особенности конструирования единого образа Мы-сообщества. Было обнаружено, что, несмотря на схожие обобщенные представления о территории Мы-сообщества и коллективном прошлом, модели идентичности участников клуба содержат различные представления о природе Мы-сообщества и не сходятся в оценке отдельных периодов российской истории. Идея русской цивилизации, характерная для многих участников клуба, тем не менее не имеет единой трактовки цивилизации как таковой. В результате отсутствия среди участников глубинного консенсуса, выходящего за рамки использования общих терминов и обобщенных представлений, формирование объединительного образа Мы-сообщества в дискурсе Изборского клуба оказывается затруднено.

Ключевые слова: русский национализм; русская идентичность; Мы-сообщество; Изборский клуб; дискурсивное конструирование идентичности.

Современные русские националистические течения представляют собой весьма неоднородное явление. На первый взгляд, объединенные центральностью идеи русского народа, представители русского национализма по-разному определяют границы своего сообщества, факторы включения в него, саму его природу – элементы, составляющие идентичность. В результате идеологической разнородности русский национализм в течение десятилетий оставался довольно раздробленным сегментом российского публичного пространства, не имел единой повестки и не стал оформленной политической силой (Laruelle, 2009). Участие ряда националистических организаций в протестном движении в 2011–2013 гг., массовые акции гражданского протеста на Украине и последовавшие действия российских властей стали поводом для еще больших внутренних размежеваний в среде русского национализма в начале 2010-х гг. (Laine, 2017; Затишье перед бурей..., 2015)¹.

В данном контексте интерес представляет появившийся в 2012 г. Изборский клуб – «собрание патриотически настроенных интеллектуалов»², ставящих своей целью выработку «идеологических концептов, в которых может развиваться сегодняшнее российское государство»³. Участники клуба характеризуют себя как «патриотов-государственников»⁴, стремящихся «постичь, что нужно хранить в

© Долгина О. Е., 2025

¹ Настоящий материал произведен иностранным агентом Исследовательский центр «Сова», либо касается деятельности иностранного агента.

² О клубе [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/about> (Дата обращения: 12.09.2024)

³ XXI век: братание красных и белых (2012) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/898> (Дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Там же.

нашей культуре и цивилизации»⁵, что позволяет рассматривать членов клуба как представителей различных течений русского национализма.

Одним из отправных пунктов своей деятельности участники клуба называют «процесс примирения, оособизования <...> национально ориентированных общественных сил»⁶. С точки зрения идеологов клуба, перспектива развития России лежит в необходимости «соединить идеал социальной справедливости с ценностями традиционализма – направить два этих начала нашей истории <...> в единое русло»⁷. Цель клуба состоит в сплочении различных национал-консервативных течений в формировании единого идеологического дискурса, что на практике проявляется в обращении к тематике самобытности России и ее борьбы за сохранение своей роли в глобальной системе, что является одним из характерных дискурсов для данного идеологического сегмента (Малинова, 2020: 58). Деятельность клуба, таким образом, также подразумевает решение проблемы самоидентификации и конструирование модели русской идентичности, которая была бы способна преодолеть конфликты, присущие русскому национализму.

Вместе с тем, как указывают исследователи, на базе «социального консерватизма»⁸ клуб объединяет идеологически разнородных акторов (Bluhm & Varga, 2019; Laruelle, 2016), что становится очевидным препятствием на пути к заявленной цели клуба – «особизованию патриотов-государственников», означающему выработку единого идеологического дискурса и общей модели идентичности. Таким образом, идеологическая разнородность членов клуба, отсутствие среди них единого представления о русской идентичности, с одной стороны, и провозглашенная цель формирования объединяющей «традиции» – с другой, актуализируют ряд вопросов: как конструируются образы Мы-сообщества в моделях идентичности, репрезентуемых участниками Изборского клуба? происходит ли сближение позиций членов клуба, способствующее выработке единой модели русской идентичности? В данном исследовании предполагается охарактеризовать конструируемые членами клуба дискурсы идентичности и проанализировать процесс выработки объединительного дискурса.

Исследование опирается на теоретическую рамку дискурсивного подхода к конструированию идентичности (Wodak et al., 2009; De Cillia et al., 1999), в котором идентичность понимается как продукт социального конструирования, формирующийся, трансформирующийся и разрушающийся в процессе дискурсивной деятельности. В фокусе работы находятся конкретные формы социальных идентичностей, которые могут быть охарактеризованы как макрополитическая идентичность – совокупность различных способов идентификации с сообществами, «стоящими за» современными государствами; с помощью данной категории становится возможным учитывать различные основания идентификации с тем или иным образом Нас, представленным в публичном пространстве, и анализировать возникающие между ними конфликты (Малинова, 2010: 90). При этом исследование ограничивается изучением конкретной составляющей макрополитической идентичности – образом Мы-сообщества. Эмпирическая база ограничена одной категорией материалов, публикуемых на официальных сайтах Изборского клуба, – докладами наиболее идеологически влиятельных участников. Хронологические границы исследования охватывают период 2012–2021 гг., что позволит рассмотреть как краткосрочные, так и долгосрочные аспекты изучаемых процессов. В следующих двух подразделах приведена концептуализация, операционализация понятий, а также описаны эмпирический материал и стратегия работы с ним. В четвертом подразделе представлены основные находки и их интерпретация. В заключительном подразделе приведены выводы.

⁵ «Красно-белый» союз – будущее России (2013), Изборский клуб: Русские стратегии, 3, р. 40.

⁶ «Красные» и «белые»: инструкция к примирению (2013) [Электронный ресурс]: Институт динамического консерватизма. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1165/> (Дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Там же.

⁸ Идеология Победы как национальный проект (интегральный доклад Изборского клуба) (2021) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/21816> (Дата обращения: 12.09.2024).

Методология исследования

Настоящее исследование нацелено на изучение конструируемых участниками Изборского клуба образов Мы-сообщества в рамках моделей макрополитической идентичности. Под макрополитической идентичностью понимается совокупность способов идентификации с сообществом – будь то нация, цивилизация, этническая группа и др., «стоящим за» государством (Малинова, 2010: 90). Макрополитическая идентичность, как и другие формы социальной идентичности, одновременно содержит утверждение внутригруппового сходства как основы общности и осмысление различий в качестве границ, отделяющих наше сообщество от других (Малинова, 2009: 8; см. также De Cillia et al. 1999: 153; Hall & Du Gay, 1996; Martin, 1995). В рамках данного исследования мы, не умаляя важности образа значимых Других, сосредоточимся только на первой составляющей идентичности – образе Мы-сообщества, который включает представления о Нас как об общности, определяет границы сообщества и принципы принадлежности к нему.

Идентичность рассматривается нами как дискурсивный конструкт. Из этого следует, что идентичность, во-первых, является результатом дискурсивной деятельности социальных акторов; во-вторых, может создаваться, изменяться и разрушаться в результате такой деятельности (De Cillia et al., 1999: 3-4); в-третьих, несет в себе отпечаток того социального, исторического и другого контекста, в котором она конструируется (Hall & Du Gay, 1996: 4). Рамка дискурсивного конструктивизма позволяет операционализировать образ Нас, являющийся частью модели макрополитической идентичности, как набор взаимосвязанных элементов, представленных в дискурсах акторов, которые, будучи взятыми вместе, конструируют образ макрополитического сообщества и определяют, что значит быть его частью. Среди таковых элементов могут быть выделены:

- Наименование и характерные черты Мы-сообщества, обуславливающие его уникальность; представления о «национальном духе», ценностях, культуре и «мировоззрении» сообщества, а также его физических (географических) и трансцендентных границах (см. Wodak et al., 2009; Klerides, 2009; Martin, 1995).
- Коллективное время, включающее общее политическое прошлое (в том числе пантеон исторических героев, эпохи процветания и стабильности, периоды поражений и кризисов), а также текущие и будущие политические проблемы, кризисы и опасности, будущие политические цели и способы их достижения (см. Wodak et al., 2009; Klerides, 2009).
- Представления о государстве, за которым стоит Мы-сообщество, и его институтах, образы элит и политических лидеров (см. Попова, 2018).

На основе перечисленных элементов была разработана аналитическая модель образа Мы-сообщества в рамках идентичности (рис. 1), которая была положена в основу качественного контент-анализа эмпирического материала (таблица).

Рис. 1. Аналитическая модель образа Мы-сообщества в рамках модели идентичности (составлено автором)

Таблица

**Фрагмент рабочей таблицы контент-аналитического исследования,
содержащий примеры эмпирического материала для каждой категории**

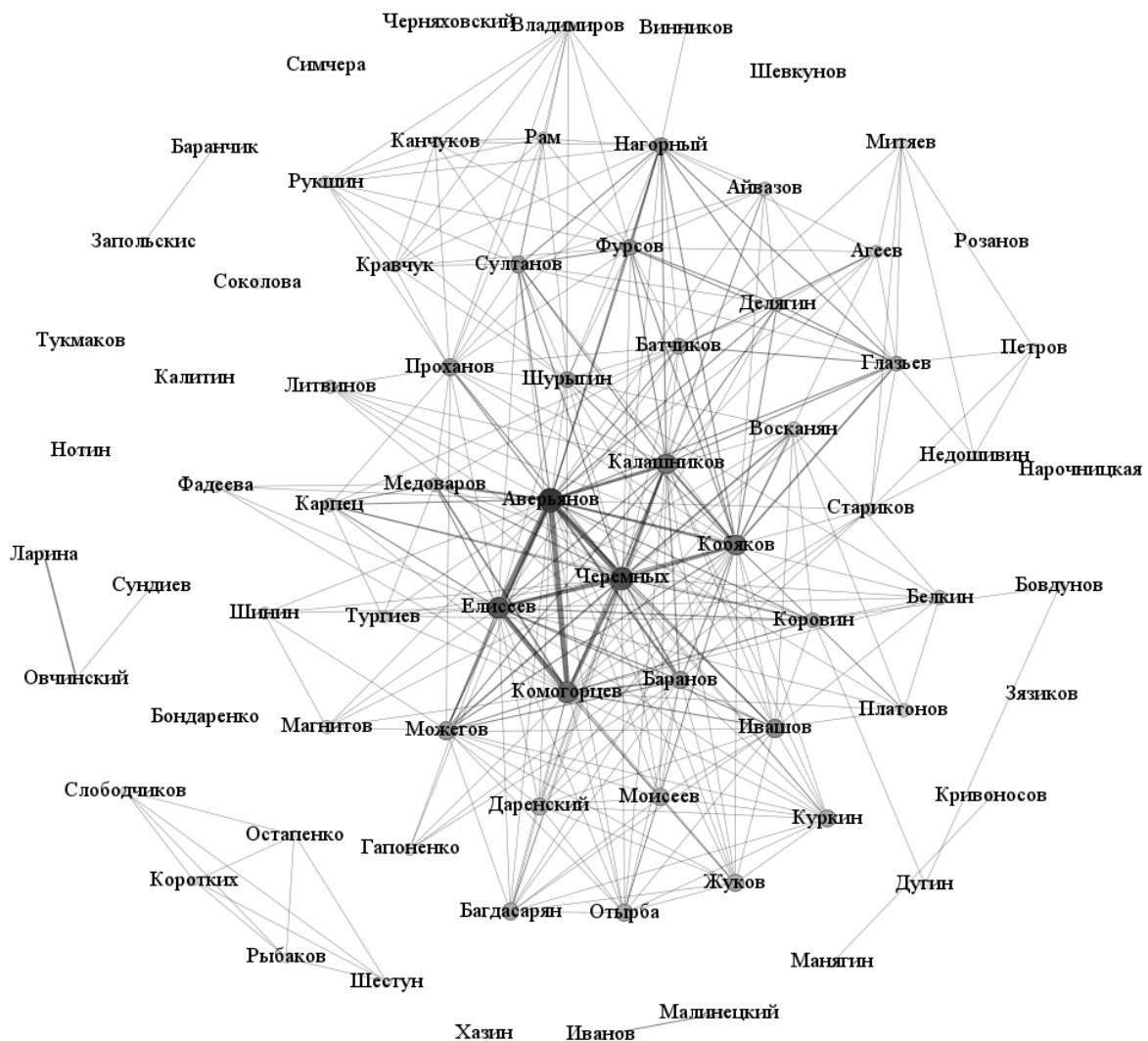
Год, автор	Кто мы? Какие мы?	Наши границы	Наше прошлое	Наше настоящее	Наши государство и элиты
2021, Глазьев, «Экономика русской победы»	«Россия – в авангарде сопротивления западной системе» «Мы – за равноправное партнерство: становления нового интегрального мирохозяйственного уклада, основанного на диаметрально противоположном подходе – выстраивании равноправных и недискриминационных партнерских отношений...»	Крым, Новороссия – исторические части России; Россия и Украина – единое целое.	«Если бы наши цари мыслили таким образом, то не было бы ни Транссиба, ни русского экономического чуда <...> Если бы так думало советское руководство, то мы не пробежали бы по призыву Сталина за 10 лет отрезок пути в развитии экономики <...> и погибли бы в войне европейско-германским фашизмом.»	Состояние гибридной войны; «поражение части элиты на идейно-мировоззренческом, ментальном уровне».	Коллективные либералы [элиты]; «Лидер нации принял волевое решение».

Примечание: составлено автором.

При описании идеологических оснований и концепций идентичности, присущих современным течениям русского национализма, исследователи выделяют несколько идеал-типических моделей: российский национализм, в котором Мы-сообщество составляют граждане Российской Федерации; этнический национализм, ориентированный на русских как этническую группу (Simonsen, 1996; Tolz, 1998; Laruelle, 2018). Также некоторые авторы выделяют в отдельный тип «восточнославянский» национализм, в рамках которого Мы-сообщество включает часть территории Украины, Беларуси и в отдельных случаях Приднестровья и Северного Казахстана (Tolz, 1998; Laruelle, 2018), и культурный русский национализм, в котором под Мы-сообществом понимаются все русскоговорящие, независимо от их этнической принадлежности (Tolz, 1998). Наконец, ряд типов включает понимание Мы-сообщества как империи или цивилизации, в которой русский народ либо занимает главенствующую роль, либо существует наравне с другими группами (Simonsen, 1996; Tolz, 1998; Laruelle, 2018). Таким образом, исследователями отмечается сосуществование нескольких типов национализма, содержащих различные представления о том, что представляет собой «русскость». В то же время на практике внутри данных идеальных типов существует множество вариаций и промежуточных категорий (Ларюэль, 2014; Kolsto, 2016). Тем не менее с аналитической точки зрения данные типы представляют собой полезный инструмент для оценки близости идеологических позиций и характеристики моделей идентичности.

Эмпирические данные. На официальном сайте Изборского клуба представлен широкий спектр материалов, включающий интервью с членами клуба, их художественные произведения, публикации авторов на различных платформах и др. В качестве основного исследуемого жанра были выбраны доклады отдельных участников клуба, представленные Изборскому клубу в период 2012–2022 гг. Данный формат, во-первых, предполагает более детальное отображение авторских идейных позиций и, во-вторых, подразумевает коммуникацию между автором и «слушателями» – другими членами клуба, что также служит необходимым условием в контексте изучения успешности сближения позиций.

М. Ларюэль (2016) описывает внутреннюю структуру клуба как набор шести концентрических кругов, отражающих различное влияние акторов на деятельность клуба и их положение в нем. Для изучения существующих внутри клуба моделей идентичности стоит сконцентрироваться на первых трех категориях участников: они представляют собой наиболее идеологически влиятельных акторов, сильно вовлеченных в деятельность клуба. В качестве таковых М. Ларюэль выделяет (1) «отцов-основателей» клуба, задающих основные идеологические направления; (2) ключевых представителей идеологической сферы, известных журналистов и лиц, формирующих общественное мнение; (3) жур-

Уже в первые годы деятельности клуба формируются малые группы авторов, часто выпускающих доклады вместе. Можно предположить, что наиболее устойчивые малые группы по 3–5 человек образуются в результате идеологической близости позиций участников. Соавторство участников клуба можно представить в виде графа, ребром которого является наличие доклада, опубликованного в соавторстве (рис 2). В общей структуре авторов докладов Изборского клуба выделяется группа, сформировавшаяся вокруг одного из основателей клуба В. Аверьянова. Данная группа авторов является наиболее тесно связанной и за весь рассматриваемый период в том или ином составе выпустила наибольшее число докладов. При этом среди всех членов клуба Аверьянов имеет наибольшее количество совместных докладов с другими участниками.

Другие значимые в рамках настоящего анализа участники клуба оказались в значительно меньшей степени интегрированы в общую сеть соавторов – наличие связей в сети соавторства с другими участниками обусловлено совместным участием в докладах, подразумевающих широкую тематику, и не может свидетельствовать об идеологической близости. Так, в меньшей степени связаны между собой и с другими авторами второй «отец-основатель» клуба А. Проханов, А. Кобяков, М. Калашников, Л. Ивашов, Ш. Султанов, С. Глазьев, И. Фурсов, М. Делягин, Н. Стариков, В. Шурыгин и А. Дугин. Некоторые авторы вовсе не имеют общих докладов с другими участниками клуба: к такому относятся мит. Тихон (Шевкунов) и Н. Нарочницкая.

Доклады участников Изборского клуба, как правило, посвящены двум основным темам. Ряд авторов фокусируется преимущественно на описании и объяснении происходящих в мире процессов, что выражается в обращении к тематике кризиса и упадка системы западных стран как в социально-политическом, так и в экономическом и ценностном аспектах. С точки зрения конструирования макрополитической идентичности обращение к историческим или социально-философским истокам современных процессов конструирует общую рамку, в которой трактуется не только Наше взаимодействие со значимыми Другими, но и сущность Мы-сообщества: в качестве такой рамки выступают, например, идеи противостоящих друг другу цивилизаций, борьбы национальных государств за экономические ресурсы или деятельности стремящихся к мировому господству наднациональных структур и тайных групп. Второй тематический блок докладов в большей степени отражает конструирование образа Мы-сообщества: это тексты, посвященные описанию основ русской «самости» (например, через выделение «духовного генокода» народа⁹) или объяснению исторических процессов и закономерностей в российской истории.

Далее будет рассмотрено, как элементы моделей макрополитической идентичности, описанные ранее, конструируются в докладах участников Изборского клуба.

Кто Мы и где пролегают Наши границы? Конструирование образа Мы-сообщества в рамках модели макрополитической идентичности предполагает определенную интерпретацию природы Нас – как нации, цивилизации и т. п. – и определения границ, в которых Мы существуем. Одно из наиболее частых пониманий природы Мы-сообщества в дискурсах участников – цивилизационное. Обращение к идее цивилизации при описании России и ее роли в мире становится гораздо более заметной тенденцией среди членов клуба в середине 2010-х гг. Однако несмотря на популярность указания на цивилизационную природу России, само понятие *цивилизация* интерпретируется в докладах участников различно.

Так, одна из трактовок русской цивилизации предполагает ее понимание как исторически сформировавшегося пространства, в котором выражен «творческий синтез» культур, определяющий цивилизационную самобытность¹⁰. Синтез культуры, истории и ценностей в единой цивилизации, в представлении некоторых авторов, выражается в существовании общего набора культурных и смысловых элементов, «генетических кодов» цивилизации¹¹. В ином ключе цивилизация, отражением которой является Россия, выступает как геополитический феномен, противостоящий другим цивилизациям¹². Такое понимание цивилизации можно встретить, например, у М. Калашникова: говоря о «современной цивилизации», которую капиталистический мир сознательно разрушает, автор, скорее, подразумевает сложившийся миропорядок и современные культурно-социальные нормы; Калашни-

⁹ Духовный генокод. Витки спирали (2021) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/20695> (Дата обращения: 12.09.2024).

¹⁰ Третий путь и третья сила (2013) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/1300> (Дата обращения: 12.09.2024).

¹¹ Таблица Агеева (2020) / Изборский клуб: Русские стратегии, 8(84); Духовный генокод...

¹² Сетевые войны (2013) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/2319> (Дата обращения: 12.09.2024).

ков пишет о том, что России нужно встать в авангарде создания новой цивилизации. В данном случае под русской цивилизацией понимается не определенная уже сложившаяся культурно-историческая или политическая общность; напротив, русской цивилизации еще только предстоит сформироваться в ответ на деградацию современного мира и его разрушение западными странами¹³.

В то же время обращение к цивилизационному дискурсу в той или иной его интерпретации не является общим для всех участников клуба. В иных случаях Мы-сообщество понимается прежде всего как граждане страны, а Россия описывается государством современного типа, положение и действия которой в большей степени продиктованы объективными политическими и экономическими условиями. Противостояние Нас Другим в таких дискурсах основывается не на экзистенциальной цивилизационной разности, а на стремлении к контролю над экономическими и властными ресурсами¹⁴.

Элементом, объединяющим и тех, кто активно пишет о русской цивилизации, и тех, кто предпочитает говорить о государствах и группах влияния, являются представления о территории Мы-сообщества. Практически во всех случаях это пространство, выходящее за рамки административных границ современной Российской Федерации и включающее часть территорий Российской империи и Советского Союза. В одном случае границы очерчиваются через обращение к историческому и культурному единству цивилизации; в случае же, когда идея цивилизации не используется, границы обосновываются через значимость экономической и геополитической роли России: например, в качестве таковых могут выступать границы ЕАЭС, а Россия, оставаясь государством современного типа, в данном контексте понимается как «евроазиатская держава», обеспечивающая политэкономическую стабильность и развитие в регионе¹⁵.

Таким образом, несмотря на во многом схожие представления о территории в моделях идентичности участников Изборского клуба, их представления о сущности Мы-сообщества довольно разнообразны. Хотя многие участники описывают Нас как русскую цивилизацию, интерпретация понятия цивилизации в моделях идентичности авторов значительно разнится: для одних русская цивилизация – нечто исторически сложившееся, для других – то, что Нам предстоит создать. Сохраняются также и иные представления о природе Мы-сообщества – как о государстве современного типа и его гражданах, границы которого тем не менее определяются геополитической ролью России и ее ключевым положением в регионе.

В целом модели идентичности участников клуба в большей степени тяготеют к концепциям имперского национализма: территория, на которую ориентируются члены клуба в своих моделях идентичности, не ограничивается территорией современной Российской Федерации и включает регионы, входившие в состав российского государства на разных этапах его истории, или культурно близкие территории. В то же время в моделях идентичности авторов клуба смешивается ориентация на интересы русского народа как этнокультурно определяемой общности и ориентация на интересы государства; в первом случае речь идет о восприятии Мы-сообщества как цивилизации, стержнем которой является русский народ, его ценности, культура и история; во втором случае – это образ геополитической сверхдержавы и регионального лидера, противостоящей значимым Другим.

Наше прошлое. Образ общего прошлого сообщества является элементом, связывающим во едино остальные элементы образа Нас: через апелляции к истории происходит утверждение исконности границ сообщества и его характеристик, а конфабуляция прошлого используется для трактовки и оценки современности. Специфически конструируемый образ общего прошлого, таким образом, отражается в остальных элементах образа Мы-сообщества.

Объединительная цель Изборского клуба наиболее ярко проявляется в идее преемственности российской истории: так, ей служит концепция современной России как Пятой империи – наследницы Киево-Новгородской Руси, Московского царства, империи Романовых и Сталинской империи, появляющаяся в работах А. Проханова и развиваемая затем В. Аверьяновым и соавторами¹⁶. Идея

¹³ Зачем создан «Деструктинтерн»? (2014) [Электронный ресурс]: Институт динамического консерватизма. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2440/> (Дата обращения: 12.09.2024).

¹⁴ См., напр.: Психоисторическая война (2014) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/2439>; Настоящее и будущее Евразийской интеграции (2013) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/1299...> (Дата обращения: 12.09.2024).

¹⁵ См., напр.: Настоящее и будущее Евразийской интеграции...

¹⁶ См., напр.: Всплывающая империя (2015) [Электронный ресурс]: Институт динамического консерватизма. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/5201/> (Дата обращения: 12.09.2024).

преемственности истории позволяет также говорить о цикличности, «синусоиде русской истории»¹⁷: позитивно оцениваемые периоды, несмотря на различия в политических и идеологических аспектах, рассматриваются как сущностно одинаковые – это периоды экономического роста или географической экспансии, в которые народ объединен общей идеей, а у власти находится сильный лидер; события, оцениваемые авторами негативно, напротив, связаны с потерей общей идеи и слабостью и ошибками политических элит – таковыми называются Смута XVII в., падение империи Романовых и распад СССР.

Одним из механизмов, позволяющих связать различные эпохи российской истории в непротиворечивый нарратив, является указание на метафизический характер русской истории – история понимается как «божественная данность»¹⁸, при этом указание на роль высших сил в истории переносится и на характеристику Нас как таковых. Сакрализация наблюдается, например, в более подробно рассмотренном ниже дискурсе Русской Победы, который некоторыми авторами трактуется не просто как военная победа, а победа Света над Тьмой. Указание на метафизический характер истории тем не менее не является характерным для всех участников: ряд авторов, в том числе те, кто специализируется на исторических докладах, описывают русскую историю в рамках взаимодействия государств и групп влияния, никак не указывая на роль высших сил.

Дискурс Русской Победы, изначально характерный для А. Проханова и поддержанный впоследствии другими членами, становится общим стержнем для публикаций различных участников клуба¹⁹. Тематика победы, в первую очередь победы в Великой Отечественной войне, присутствует в докладах участников клуба преимущественно в качестве обоснования роли России как сверхдержавы, наследницы СССР, а также в рамках секьюритизации российской истории: к примеру, И. Фурсов в 2014 г. пишет о «битве за историю», которая включает «психоудары по исторической памяти <...> поливание грязью нашей Победы, воинской славы, конкретных лиц, прежде всего Сталина...»²⁰. Кроме того, победа рассматривается как характеристика русской истории и особая черта русского народа. Так, например, А. Проханов пишет: «...Победа и Русская Мечта – это два тождественных понятия. Это не только Победа 1945 г., это Победа всей русской истории – создание общества, где нет зла, нет смерти...»; В. Аверьянов, развивая мысль Проханова, называет победу элементом «русского духовного генокода»: «Русским постоянно приходится сражаться за свою Победу, испытывая огромное напряжение внешнего враждебного мира»²¹. Данный дискурс приобретает большее распространение среди членов клуба в конце 2010-х – начале 2020-х гг.

В контексте Русской Победы Великая Отечественная война является наиболее часто упоминаемым событием и приобретает значение моральной оценки совершенно разнообразных событий и процессов современности: так, например, экономист С. Глазьев, в докладах которого до введения санкций 2014 г. тематика ВОВ практически не присутствовала, в тексте 2021 г. сравнивает современную экономическую политику России с воображаемой ситуацией, в которой «после захвата гитлеровской Германией Украины советское руководство продолжало бы снабжение Третьего рейха советским сырьем за рейхсмарки и давало бы ей кредиты на производство военной техники»²². Война и победа, таким образом, становятся «линзой» для оценки современных событий, в том числе даже не связанных с военным контекстом.

Если победа является главным позитивным референтом в образе прошлого в моделях идентичности большинства участников клуба, то основным негативным событием прошлого, вокруг которого сформировался консенсус участников, является обобщенный образ Смутного времени и его наиболее современное проявление – распад Советского Союза и в большей степени период 1990-х гг. Данный период наделяется сразу несколькими негативными значениями: утрата Россией суверенности и попадание в зависимость от западных стран и структур²³; деидеологизация и потеря объединяющей народ идеи²⁴; притеснение русского народа в странах бывшего СССР и разрушение частей русской

¹⁷ Проханов А. (2017) 'И ми́нул век...' / Изборский клуб: Русские стратегии, 5(51), с. 2-3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., напр.: Идеология Победы как национальный проект...; Экономика русской победы (2021) [Электронный ресурс]: / Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/22458> (Дата обращения: 12.09.2024).

²⁰ Психоисторическая война...

²¹ Духовный генокод...

²² Экономика русской победы...

²³ Необходимо постановление о смыслах (2012) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/646> (Дата обращения: 12.09.2024).

²⁴ Идеология Победы как национальный проект...

цивилизации и «внешнего Русского мира» – империи, выходящей за рамки Российской Федерации²⁵. Образ 1990-х гг. в дискурсах членов клуба приобретает черты коллективной исторической травмы и используется в качестве иллюстрации современных угроз и рисков.²⁶

Тем не менее некоторые участники расходятся в оценке отдельных событий российской истории. Одной из наиболее очевидных точек несогласия становится отношение к позднему периоду Российской империи: в данном случае резко негативная оценка данного периода и лично Николая II (например, в докладах И. Фурсова) резко контрастирует с нейтральным или позитивным отношением большинства участников. Более острые разногласия связаны с оценкой Октябрьской революции 1917 г.: в то время как для одних участников революция – безусловная трагедия, спровоцированная разложением государственной системы или действиями западных стран²⁷, для других – прежде всего прорыв в российской истории, «кульминация и апофеоз деятельности русского народа», выражение «квинтэссенции развития цивилизации суши»²⁸. Таким образом, трактовка роли отдельных событий русской истории становится точкой преткновения в моделях идентичности участников клуба.

В целом для моделей идентичности членов Изборского клуба характерно использование идеи преемственности и цикличности истории, а также обобщенных образов прошлого – образов Русской Победы и Смуты. Вместе с тем вокруг отдельных периодов и событий, таких как правление Николая II и Октябрьская революция, среди членов клуба так и не сформировался консенсус.

Наше настоящее и Наше государство. В дискурсах участников Изборского клуба представления о настоящем Мы-сообщества и его перспективах оказываются тесно связаны с оценкой положения государства и трактовкой деятельности политических элит и лидеров. При этом, как уже было упомянуто ранее, особую роль в конструировании образа настоящего и образа государства и элит приобретают исторические параллели и идея цикличности российской истории, в которой воспроизводятся как события, так и образы политических лидеров и элит.

Оценка настоящего Мы-сообщества в моделях идентичности участников клуба, как правило, тяготеет к одному из двух полюсов: кризис и возрождение. Тематика кризиса, более отчетливо проявляющаяся в первые годы деятельности клуба, обычно рассматривается в контексте последствий событий 1990-х гг. и связывается с утратой объединяющей народ идеологии и приверженностью либеральным принципам. К концу 2010-х гг. более популярным становится дискурс возрождения России, который зачастую рассматривается в контексте морального, политического и экономического противостояния России странам «коллективного Запада». Возрождение России, как правило, связывается авторами с распространением Русского мира (и в качестве объединяющей идеи, и географически), а также восстановлением суверенитета и статуса сверхдержавы.

Образ настоящего сопряжен с оценкой политических элит и лидеров. Кризисы, как правило, связываются с деятельностью элит и объясняются их некомпетентностью и заблуждениями, коррупционностью, предательством или связями с западными странами. Периоды возрождения и расцвета в русской истории, напротив, связываются членами клуба с деятельностью сильного политического лидера. Таким лидером в современной России в представлении участников клуба является президент В. Путин, описанию роли которого клуб даже посвятил отдельный коллективный доклад²⁹. Роль Путина в возрождении России обосновывается через ранее упомянутую идею цикличности российской истории: если современная Россия рассматривается как Пятая империя, то Путин в российской истории – реинкарнация политических лидеров прошлого, приведших империю к расцвету.

Итак, образ настоящего в моделях идентичности участников клуба рассматривается в одном из двух контекстов: настоящее отражает либо кризис, вызванный ошибками политической элиты, либо возрождение, связанное с деятельностью лидера. Хотя обоснование легитимности нынешнего лидера через идею цикличности истории не является общим для всех участников клуба, общим паттерном становится обозначение связи между возрождением страны и сильным лидером.

²⁵ Доктрина Русского мира (2016) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/10269> (Дата обращения: 12.09.2024).

²⁶ См., напр.: Мы перед угрозой возвращения в 90-е (2016) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/8835> (Дата обращения: 12.09.2024).

²⁷ Доклад Изборского клуба под редакцией В. Аверьянова (2014) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/4409> (Дата обращения: 12.09.2024); Идеология Победы как национальный проект...

²⁸ Революция – русская мечта (2017) / Изборский клуб: Русские стратегии, 5(51), с. 2-3.

²⁹ Путин в зеркале Изборского клуба (2014) [Электронный ресурс]: Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/2794> (Дата обращения: 12.09.2024).

Заключение

Реализация основных целей Изборского клуба – выработки объединяющей идеологии и создания «новой традиции» – предполагала создание общего представления о русской идентичности, сближающего позиции представителей различных государственных течений русского национализма. Анализ транслируемых участниками клуба образов Мы-сообщества в рамках моделей макрополитической идентичности позволил выделить ряд особенностей этого процесса.

Участники клуба сходятся в представлениях о территориальных границах Мы-сообщества, стоящего за современным российским государством. Как правило, Мы-сообщество включает территории бывшей Российской империи и Советского Союза (иногда за исключением отдельных регионов). При обосновании границ авторы обращаются как к историческим и культурным, так и к политическим и социально-экономическим факторам, позиционируя Россию как геополитическую силу, гарант стабильности евроазиатского региона и т. д. Подобные представления о границах Мы-сообщества позволяют характеризовать модели идентичности участников клуба как ориентированные на империю: даже в тех случаях, когда авторы клуба эксплицитно не определяют Россию как империю или цивилизацию, их представления о территории Мы-сообщества выходят за рамки «ядра» – современной Российской Федерации.

Точкой консенсуса также выступает представление о преемственности и цикличности российской истории. Члены клуба акцентируют внимание на универсальных символах прошлого, ключевыми среди которых являются образ Русской Победы, чаще всего упоминаемый в контексте Великой Отечественной войны, и образ Смуты. Эти образы трактуются как части циклов российской истории. Идея Русской Победы, кроме того, представляется как основная характеристика российской истории и русского народа в целом, который называется народом-победителем. В то же время авторы Изборского клуба расходятся в оценке ряда отдельных исторических событий, в большей степени затрагивающих разницу их идеологических предпочтений – заката Российской империи и революции 1917 г.

Кроме того, модели идентичности участников клуба содержат различные представления о сущности Мы-сообщества. Так, современная Россия рассматривается и как государство современного типа, и как империя или цивилизация. К концу 2010-х гг. среди членов клуба становится больше авторов, которые явно или косвенно обращаются к идее цивилизации, ранее характерной лишь для некоторых участников. Однако несмотря на возросшую популярность цивилизационной идеи, само понятие цивилизации трактуется авторами по-разному: как существующая культурно-историческая общность, геополитическая сила или миропорядок, который еще только необходимо создать. В различном понимании цивилизации заложено более глубокое внутреннее противоречие, касающееся определения основного объекта ориентации в рамках Мы-сообщества: для одних авторов таким объектом в большей степени выступает исторически сложившаяся этнокультурная общность (например, «русский народ»); для других в центре цивилизации находится государство – геополитическая сверхдержава, противостоящее значимым Другим.

В результате отсутствия глубинного консенсуса в представлениях о Мы-сообществе, выходящего за рамки использования общих терминов и обобщенных концептов, можно говорить об очевидных трудностях в формировании объединительной позитивной модели русской идентичности, поддерживающей комплексный и непротиворечивый образ тех, кем Мы являемся, – образ Мы-сообщества.

Список литературы / References

Альперович, В. & Юдина, Н. (2015) 'Затишье перед бурей? Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2014 году в России', *Исследовательский центр СОВА* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/03/d31575/> (дата обращения: 14.06.2024) [Al'perovich, V. & Yudina, N. (2015) 'The calm before the storm? Xenophobia and radical nationalism and their counteraction in 2014 in Russia'

[Zatish'e pered burej? Ksenofobiya i radikal'nyj nacionalizm i protivodejstvie im v 2014 godu v Rossii'], *Issledovatel'skij centr SOVA* [Online]. Available at: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/03/d31575/> (Accessed 14 June 2024) (In Russ.)]¹.

¹ Настоящий материал произведен иностранным агентом Исследовательский центр «Сова», либо касается деятельности иностранного агента.

- Ларюэль, М. (2014) 'Русский национализм как область научных исследований', *Pro et Contra*, 62, pp. 54–72. [Laruelle, M. (2014) 'Russian nationalism as a field of scientific research' ['Russkij nacionalizm kak oblast' nauchnyh issledovaniy'], *Pro et Contra*, 62, pp. 54–72. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2009) *Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности*. Москва: РОССПЭН. [Malinova, O. (2009) *Russia and the "West" in the twentieth Century: The Transformation of the Discourse on collective identity* ['Rossiya i «Zapad» v XX veke: Transformaciya diskursa o kolektivnoj identichnosti'], Moscow: ROSSPEN (In Russ.)]. ISBN: 978-5-8243-1174-7 EDN: QOJUIH
- Малинова, О. Ю. (2010) 'Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 90–105. [Malinova, O. (2010) 'Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia' ['Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii'], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 90–105. (In Russ.)]. EDN: LADFQJ
- Малинова, О. Ю. (2020) 'Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов', *Вестник Пермского университета*, 14(1), сс. 53–63. [Malinova, O. (2020) 'The theme of the "dashing nineties" in the discourses of Russian Communists and National Patriots' ['Tema «lihih devyanostykh» v diskursah rossijskih kommunistov i nacional-patriotov'], *Vestnik Permskogo universiteta*, 14(1), pp. 53–63. (In Russ.)].
- Паин, Э. А. (2015) 'Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России)', *Общественные науки и современность*, 2, сс. 54–71. [Pain, E. A. (2015) 'Imperial Nationalism (Emergence, Evolution and Political Prospects in Russia)' ['Imperskij nacionalizm (Vozniknovenie, evolyuciya i politicheskie perspektivy v Rossii)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, pp. 54–71. (In Russ.)].
- Попова, О. В. (2018) 'Модели идентичности политических акторов в современной России', *Политическая наука*, 2, сс. 173–194. [Popova, O. V. (2018) 'Models of identity of political actors in modern Russia' ['Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoj Rossii'], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 173–194. (In Russ.)]. EDN: XVAKHJ
- Bluhm, K., & Varga, M. (2019) 'Conservative Developmental Statism in East Central Europe and Russia', *New Political Economy*, pp. 1–18, DOI: 10.1080/13563467.2019.1639146 EDN: PXNJDF
- De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) 'The Discursive Construction of National Identities', *Discourse & Society*, 10(2), pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002 EDN: JRKCZV
- Hall, S., & Du Gay, P. (1996) 'Questions of cultural identity'. Sage Publications, Inc.
- Klerides, E. (2009) 'National Cultural Identities, Discourse Analysis and Comparative Education' in: Cowen, R. & Kazamias, A.M. (eds) *International Handbook of Comparative Education*. Springer International Handbooks of Education, vol 22. Springer: Dordrecht. DOI: 10.1007/978-1-4020-6403-6_76
- Kolstø, P. (2016) 'The ethnification of Russian nationalism' in Kolstø, P. & Blakkisrud, H. (ed.) *The New Russian nationalism: Imperialism, ethnicity and authoritarianism 2000–2015*, Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 18–45.
- Laine, V. (2017) 'Contemporary Russian nationalisms: the state, nationalist movements, and the shared space in between', *Nationalities Papers*, (45), pp. 222–237. DOI:10.1080/00905992.2016.1272562 EDN: YGXRAX
- Laruelle, M. (2009) 'Rethinking Russian Nationalism: Historical Continuity, Political Diversity, and Doctrinal Fragmentation' in Laruelle, M. (ed.) *Russian Nationalism*. London: Routledge, pp. 13–48.
- Laruelle, M. (2016) 'The Izborsky Club, or the New Conservative Avant-Garde in Russia', *The Russian Review*, 4(75), pp. 626–644. DOI: 10.1111/russ.12106 EDN: YDDUKL
- Laruelle, M. (2018) *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*. London: Routledge.
- Martin, D. (1995) 'The choices of identity', *Social Identities*, 1(1), pp. 5–20, DOI: 10.1080/13504630.1995.9959423
- Simonsen, S. G. (1996) 'Raising "the Russian question": Ethnicity and statehood -

Russkie and Rossiya', *Nationalism and Ethnic Politics*, 2(1), pp. 91–110, DOI: 10.1080/13537119608428460

Tolz, V. (1998) 'Forging the nation: National identity and nation building in post-communist Russia', *Europe-Asia Studies*, 50 (6), pp. 993–1022.

DOI: 10.1080/09668139808412578

EDN: YVLLMP

Wodak, R., De Cillia, R., Reisigl, M. & Liebhart, K. (2009) *The Discursive Construction of National Identity*, 2nd ed., Edinburgh: Edinburgh University Press, ISBN: 978-0-7486-3735-5

Статья поступила в редакцию: 27.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

IN SEARCH OF CONSENSUS: RUSSIAN IDENTITY IN THE DISCOURSES OF THE IZBORSKY CLUB MEMBERS

O. Dolgina

Olga Dolgina, Master's Student of the Faculty of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: dolginaoe@gmail.ru (ORCID: 0009-0006-2179-127X. ResearcherID: LFT-9114-2024).

Abstract

The Izborsky Club positions itself as a "synthesis of Russian statist <...> from socialists and Soviet patriots to monarchists and Orthodox conservatives" and aims to unite representatives from diverse statist nationalist movements. The internal heterogeneity of Russian nationalism presents a challenge to the Izborsky Club's goal of developing a "new tradition", which involves constructing a unified understanding of Russian identity. This study, based on a content analysis of the Club members' publications of 2012-2021, examines the models of Russian identity promoted and evaluates the process of creating a unified national Self-image. While members share generalized views on the territory and the collective past, their views differ significantly on the nature of the community and diverge in their assessments of certain periods of Russian history. Although many members embrace the concept of Russian civilization, there is no consensus on what this civilization represents. Due to the lack of deep agreement beyond vague terms and generalized ideas, forming a cohesive identity model remains difficult.

Keywords: Russian nationalism; Russian identity; National Self; the Izborsky club; discursive constructivism.

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-56-65

РЕФЕРЕНДУМЫ О НЕЗАВИСИМОСТИ КАК ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

А. К. Михеев

Михеев Андрей Константинович, младший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Россия.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Аннотация

Управление политико-территориальной гетерогенностью в рамках национальных государств может осуществляться посредством различных стратегий. Одной из них является проведение референдума о независимости. Этот институт характеризуется универсальностью, так как референдумы проводятся в разных регионах по схожей процедуре. Однако их политические, социальные и экономические последствия могут варьироваться от достижения полной независимости части территории до обострения конфликтов. Цель данного исследования – выявить роль влияния политического контекста, в котором принимаются решения о проведении референдумов о независимости, на исход территориального конфликта. Используя теорию институционального изоморфизма П. Димаджо и У. Пауэлла, автор выделил четыре типичных контекста проведения референдумов о независимости: 1) референдумы в условиях военных действий; 2) односторонние референдумы в контексте существования де-факто государства; 3) односторонние референдумы в условиях мирного времени; 4) референдумы, проведенные в рамках конвенционального политического процесса. Сравнительный анализ референдумов о независимости, проведенных в конце XX – начале XXI века, показывает, что они ведут к снижению интенсивности конфликта при соблюдении следующих условий: 1) на проведение референдума согласны как сепаратисты, так и национальный центр; 2) международное сообщество выполняет посредническую функцию и признает результаты голосования; 3) большинство граждан проголосовало за независимость и произошла сецессия.

Ключевые слова: политико-территориальная гетерогенность; институциональный изоморфизм; референдум о независимости; движения за самоопределение; этнический конфликт; право на самоопределение; территориальная целостность.

Референдумы о независимости играют важную роль в современном мире. Они служат значимым механизмом самоуправления народов и разрешения территориальных споров, сопровождавшихся длительными противоречиями. В начале 1990-х гг. мир стал свидетелем волны подобных голосований. Как утверждает в работе А. В. Шубина, распад СССР стал эффектом домино, побудившим этнические и региональные группы требовать автономии, что ранее было невозможно из-за жесткого контроля над территориальной целостностью государства (Шубин, 2016: 26). Однако после этого последовал спад в количестве таких инициатив. Причинами этого снижения стали стабилизация международной системы, укрепление существующих стран и уменьшение остроты этнических конфликтов (Qvortrup, 2022: 54-59). С начала 2000-х гг. подобные референдумы вновь стали актуальными. Ф. Палермо утверждает, что «референдумы стали не только основным, но часто и исключительным средством рассмотрения претензий на независимость» (Palermo, 2019: 268).

Референдум о независимости может быть адаптирован к специфическим нуждам и требованиям политических акторов из разных концов света. Так, за последние 40 лет подобные голосования проводились в Европе, Африке, Океании и на Ближнем Востоке. При этом формулировка вопроса в бюллетене и процедура проведения голосования были схожи среди разных государств. Это говорит об универсальности данного института. Теория институционального изоморфизма П. Димаджо и У. Пауэлла (Di Maggio & Powell, 1983) позволяет углубить понимание того, как плебисциты о независимости становятся схожими по своей форме и функциям. Авторы выделили три стимула к заимство-

ванию устойчивых практик. Первый тип – принудительный изоморфизм – возникает в результате внешнего давления, которое может быть как прямым, так и косвенным. Второй тип – нормативный изоморфизм – формируется благодаря общности ценностей, идеалов, стандартов. В отличие от принудительного изоморфизма этот процесс происходит без вмешательства извне и базируется на внутренних убеждениях и установках. Третий тип – подражательный изоморфизм – основывается на копировании институциональных моделей. Этот механизм особенно актуален в ситуациях неопределенности. Таким образом, политический контекст определяет, какой именно тип изоморфизма будет преобладать в случае проведения референдума о независимости. Решение о плебисците может зависеть от исторической специфики региона, уровня политической и социальной стабильности, а также от степени влияния международных организаций.

Последствия референдумов о независимости могут варьироваться: от мирного выхода территории из государства (Черногория в 2006 г.) до эскалации военных действий (Курдистан в 2017 г.). Почему у института, выполняющего схожую задачу, возникают такие разные исходы? В данном исследовании анализируется, как политический и социальный контексты принятия решения о референдуме, особенности его проведения и достигнутые результаты влияют на окончательный исход этой процедуры.

Эволюция права на самоопределение

Концепция самоопределения нации начала формироваться в конце XVIII в., во время Американской и Французской революций. Эти события заложили основу для заявлений о том, что народ имеет право на самостоятельное управление и на выбор своей политической судьбы. В XIX в. идеи суверенитета стали развиваться под влиянием национализма, либерализма и социализма. Национализм провозгласил, что каждая нация должна иметь возможность создать собственное государство, основанное на общих языке, культуре и историческом опыте. Либерализм, в свою очередь, предложил концепцию суверенитета как выражения воли народа, подчеркивая значимость гражданских свобод и участия общества в принятии политических решений. Социализм сосредоточился на аспектах социальной справедливости и равенства, рассматривая суверенитет как средство борьбы с угнетением.

Во время Первой мировой войны концепция самоопределения получила поддержку на международном уровне благодаря президенту США Вудро Вильсону. В своем манифесте «Четырнадцать пунктов» он заявил, что «народы... должны получить широчайшую возможность автономного развития»¹. Этот подраздел документа был использован при создании новых государств после распада Австро-Венгерской, Османской и Российской империй – Чехословакии, Югославии, Польши (Mazower, 2000: 7). Однако универсальным юридическим правом для всех наций самоопределение стало только после Второй мировой войны. В статьях 2(1) и 55 Устава ООН² был закреплен принцип самоопределения народа. На момент принятия в 1945 г. он, скорее, понимался как моральная концепция, способствующая развитию международного сотрудничества и поддержанию мира. В 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (Резолюция 1514 (XV))³. Она утверждала, что все нации имеют неотъемлемое право на полную свободу, территориальную целостность и осуществление своего суверенитета. В частности, подчеркивалось, что «должен быть положен конец колониализму и связанной с ним любой практике сегрегации и дискриминации». Появление этой декларации способствовало волне движений за независимость в Африке, Азии и Латинской Америке в 1960-е гг. (Cassese, 1995: 310–311).

Дальнейшее утверждение принципа самоопределения в международном праве произошло с принятием в 1966 г. «Международного пакта о гражданских и политических правах»⁴ и «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах»⁵. Статья 1 обоих документов гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавли-

¹ The Fourteen Points. Woodrow Wilson and the U.S. Rejection of the Treaty of Versailles [online]. URL: <https://www.theworldwar.org/learn/peace/fourteen-points> (accessed 15 December 2024).

² Устав ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 15.12.2024).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.12.2024).

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 15.12.2024).

вают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Таким образом, этот принцип стал обязательным для государств – участников ООН и расширил сферу применения за пределы колониальных стран. Принятие в 1970 г. «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (Резолюция 2625 (XXV))⁶ закрепило дальнейшее развитие права на самоопределение. Этот документ подтвердил, что каждый народ имеет право самостоятельно определять свой политический статус и развиваться в экономическом, социальном и культурном аспектах без вмешательства извне.

Важно отметить, что в указанных документах подчеркивался и принцип территориальной целостности государств, что создавало определенное напряжение между правом на самоопределение и принципом нерушимости границ (Crawford, 2006). Международные документы не регламентируют конкретные механизмы реализации права на самоопределение. Отсутствие универсальных правил оставляет пространство для различных интерпретаций и политических маневров. Государства, стремящиеся сохранить территориальную целостность, используют этот пробел, чтобы оспорить легитимность стремлений к суверенитету со стороны региона. Одновременно движения за независимость обращаются к противоречиям в международном праве для обоснования своих действий, что нередко провоцирует военные конфликты. В этих условиях референдум становится ключевым инструментом реализации права на самоопределение.

Роль референдумов о независимости в этнических конфликтах

Референдумы о независимости приобрели особую актуальность в конце XX – начале XXI века, став важным инструментом для легитимации стремлений регионов к самоуправлению или изменению статуса внутри существующих государств. М. Квортруп утверждает, что многие страны все чаще прибегают к референдумам как основному способу разрешения споров о суверенитете и территориальных претензиях (Qvortrup, 2020: 80–91). С. Тирни отмечает, что референдумы играют ключевую роль в определении вопросов суверенитета, особенно в контексте территориальных и национальных конфликтов (Tierney, 2012). Референдумы о независимости служат важным инструментом для легитимации политических изменений, поскольку они основаны на волеизъявлении народа (Руденко, 2003; Guibernau, 2014; Qvortrup, 2014). В этом контексте подобные плебисциты не просто определяют будущий политический статус территории, но и укрепляют доверие между сторонами конфликта. Проведение голосования в условиях, когда акторы могут свободно выразить свои позиции, снижает вероятность насильственных действий и создает основу для долгосрочного урегулирования противоречий (Germann, 2022: 418–420).

Вместе с тем референдумы, проводимые в условиях неравенства сил и де-факто контроля территории сепаратистами, нередко выполняют иную функцию, чем изначально предполагается. Плебисциты могут легитимировать существующие политические реалии, создавая лишь видимость демократического процесса (Qvortrup, 2013: 5). Р. Алберт и Р. Стэсэй отмечают, что такое голосование зачастую служит инструментом манипуляции, направленным на закрепление существующих условий, что подрывает подлинное демократическое волеизъявление (Albert, Stacey, 2022: 15–17). Подобное мнение разделяет М. Уолкер, который подчеркивает, что референдумы в условиях неравенства сил создают иллюзию демократии, укрепляя статус-кво (Walker, 2003: 16–18).

Свободное волеизъявление требует согласия всех ключевых сторон, включая национальное правительство и международное сообщество, на проведение референдума о независимости. Это обеспечивает легитимность голосования и снижает риски политической напряженности. Сон Ен Ли и Р. М. Джинти считают, что при отсутствии четких процедур проведения или признания результатов референдумы могут стать триггером для насильственных конфликтов (Lee, Ginty, 2012). В случаях, когда референдум проводится без согласования с центральными властями и внешними акторами, его результаты подвергаются сомнению, а регион может столкнуться с серьезными последствиями: международной изоляцией, санкциями и экономической дестабилизацией (Collier, Hoeffler, 2002). М. Фазал и Р. Гриффитс (Fazal, Griffiths, 2014) подтверждают, что односторонние референдумы часто вызывают негативную реакцию международного сообщества, которое применяет меры давления, включая санкции. Таким образом, согласие всех сторон является ключевым фактором не только для при-

⁶ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 15.12.2024).

знания итогов референдума, но и для обеспечения стабильности региона. При отсутствии консенсуса голосование рискует стать катализатором конфликта, подчеркивая существующие разногласия и усиливая чувство отчуждения среди этнических или национальных групп (Levy, 2018: 1272–1274).

Таким образом, можно предполагать, что референдум является универсальным инструментом для достижения независимости, но его результат и политические последствия зависят от целого ряда факторов, включая политическую волю акторов к разрешению конфликтов, международное признание и способность обеспечить демократический процесс голосования. Сам контекст, в котором было принято решение о проведении референдума, и его процесс определяют последствия голосования. При соблюдении демократических процедур референдум, как правило, приводит к мирным последствиям. Под демократической процедурой понимается: проведение в мирных условиях (то есть без активных боевых действий); свободное волеизъявление граждан (то есть отсутствие контроля части государства военными формированиями); согласие национального центра и международного сообщества на проведение референдума (то есть не односторонний референдум); консенсус среди избирателей (то есть высокая явка и подавляющее большинство голосует за один исход). Эти факторы создают основу для легитимности результатов референдума и способствуют минимизации конфликтов, связанных с его последствиями.

С целью выявления влияния политического контекста на исход референдумов были проанализированы 15 референдумов по вопросу независимости, которые состоялись в разных странах мира после 1993 г.: Эритрея (1993), Невис (1998), Восточный Тимор (1999), Сомалиленд (2001), Токелау (2006 и 2007), Черногория (2006), Южный Судан (2011), Шотландия (2014), Курдистан (2017), Каталония (2017), Новая Каледония (2018, 2020 и 2021), Бугенвиль (2019). Под исходом понимается не только результат самого голосования, но и политические последствия, связанные с обострением или разрешением конфликта. Сецессия определяется как «процесс выхода территории и ее населения из существующего государства и создание нового государства на этой территории» (Pavkovic & Radan, 2007: 1). В результате анализа было выделено четыре типичных контекста, которые ведут к разным исходам.

Референдумы в контексте военных действий

Референдум о независимости является ключевым механизмом урегулирования затяжных конфликтов внутри государства. В условиях, когда ни одна из сторон не обладает явным военным преимуществом, противоречие трудно разрешить на поле боя, что требует поиска иных стратегий. Плебисцит позволяет противоборствующим группам выразить свои позиции в рамках демократического процесса, что снижает напряженность и способствует мирному сосуществованию. При этом международное сообщество играет важную роль, оказывая дипломатическое давление, применяя санкции и выступая посредником и наблюдателем на референдумах.

После более чем тридцати лет вооруженного конфликта в 1993 г. Эритрея провела референдум, который стал решающим шагом к суверенитету. Конфликт между Эритреей и Эфиопией, начавшийся в 1960-х гг., сопровождался масштабными военными действиями и значительными потерями. После окончания Второй мировой войны Эритрея, ранее находившаяся под управлением Италии, была передана под опеку ООН. В 1952 г. территорию присоединили к Эфиопии в рамках федерации. Однако в 1962 г. национальный центр аннексировал Эритрею, лишив ее автономии, что вызвало недовольство местного населения. Эритрейцы, имеющие свою культуру, языки и религиозные традиции, сопротивлялись централизации власти, навязанной федеральным правительством, которое стремилось установить контроль над регионом. В ответ на аннексию началась война за независимость, инициированная Фронтом освобождения Эритреи. ООН активно участвовала в урегулировании конфликта, поддерживая проведение референдума и обеспечив соблюдение международных стандартов. В результате подавляющее большинство эритрейцев проголосовало за независимость, и страна получила официальное признание. Референдум в Эритрее продемонстрировал важность международного вмешательства для разрешения затяжных конфликтов, где стороны не могли достичь мира самостоятельно. Участие ООН обеспечило легитимность процесса и признание результатов на наднациональном уровне.

Схожая ситуация произошла в Восточном Тиморе, где после вторжения Индонезии в 1975 г. разгорелся длительный и кровопролитный конфликт. Международное сообщество оказывало активную поддержку движению за независимость, вводя санкции и применяя дипломатическое давление на Индонезию. В 1999 г. под эгидой ООН состоялся референдум, на котором жители Восточного Ти-

мора проголосовали за независимость. Это событие стало поворотным моментом, завершившим конфликт. Э. Смит подчеркивает, что референдум в Восточном Тиморе показал силу международного сообщества в урегулировании конфликтов, где стороны не смогли достичь соглашения самостоятельно. Участие ООН стало катализатором для мирного разрешения, обеспечив прозрачность процесса и признание результатов (Smith, 2001).

Еще один пример – референдум в Южном Судане, где гражданская война длилась десятилетиями, унесла миллионы жизней и разрушила инфраструктуру. Конфликт был вызван этническими, религиозными и экономическими противоречиями. Арабское и мусульманское северное правительство в Хартуме противостояло преимущественно христианскому и анимистскому населению юга, стремившемуся к автономии. Важную роль сыграли споры за контроль над нефтяными ресурсами. Мирные переговоры при участии международных организаций, таких как Африканский Союз и ООН, привели в 2005 г. к мирному соглашению, на основании которого в 2011 г. был проведен референдум о независимости. Это голосование стало кульминацией мирного процесса, в результате которого Южный Судан получил независимость и конфликт был завершён. Х. Роландсен считает, что мирный процесс, завершившийся референдумом 2011 г., показал, что при поддержке международного сообщества возможно разрешение даже самых ожесточенных конфликтов. Санкции и дипломатическое давление сыграли решающую роль в соблюдении договоренностей (Rolandsen, 2011).

Примером успешного урегулирования также является референдум на острове Бугенвиль в 2019 г. Конфликт между центральным правительством Папуа-Новой Гвинеи и сепаратистами длился десятилетиями. Гражданская война началась из-за экономического неравенства, связанного с эксплуатацией местных медных рудников иностранными компаниями, а также требований самоопределения острова Бугенвиль. Мирный процесс, поддержанный ООН и другими международными организациями, включал референдум как ключевой этап урегулирования. Большинство населения проголосовало за независимость, а участие международных наблюдателей обеспечило легитимность результатов и предотвратило возобновление конфликта. А. Реган отмечает, что референдум в Бугенвиле стал важным шагом на пути к миру благодаря поддержке международного сообщества, которое обеспечило его проведение и признание результатов (Regan, 2020: 101).

Мировое сообщество часто выступает в роли третьей стороны, способствующей мирному урегулированию конфликтов через референдумы. Когда стороны не могут прийти к соглашению самостоятельно, ООН и ведущие мировые державы применяют дипломатическое давление и санкции, чтобы побудить стороны к проведению голосования. Подобную стратегию можно охарактеризовать как принудительный изоморфизм. Международные организации и наблюдатели играют решающую роль в обеспечении честности и прозрачности референдума, предотвращая возможные манипуляции и насилие. ООН, например, выступала в роли главного посредника и наблюдателя плебисцита в Восточном Тиморе и Южном Судане, обеспечив легитимность их результатов. Кроме того, международное сообщество играет важную роль в признании результатов референдума и в обеспечении соблюдения достигнутых договоренностей, что помогает предотвратить возобновление конфликта.

Односторонние референдумы в контексте существования государства де-факто

Односторонние референдумы, проводимые в условиях военных конфликтов, часто используются как инструмент легитимации де-факто контроля над территорией и создания иллюзии демократического процесса. Однако это провоцирует ряд серьезных проблем, поскольку результаты зачастую не признаются ни национальными правительствами, ни международными организациями, что ведет к усилению конфликта и дальнейшей изоляции контролирующей стороны.

Конфликт между Сомали и самопровозглашенным Сомалилендом обусловлен историческим контекстом. В 1960 г. британские и итальянские колонии Африканского Рога были объединены в одно государство Сомали. Противоречия между ними, однако, сохранялись, и в условиях коллапса центрального правительства, который произошел в 1991 г., Сомалиленд провозгласил независимость. В 2001 г. на территории Сомалиленда был проведен референдум, на котором большинство голосующих поддержало новую конституцию, провозгласившую независимость региона от Сомали. Несмотря на проведение референдума и провозглашение независимости, международное сообщество не признало результаты голосования. Референдум в Сомалиленде был попыткой легитимировать де-факто независимость, но отсутствие международного признания продолжает удерживать регион в состоянии правовой неопределенности. Этот пример демонстрирует, как односторонние плебисциты могут создать иллюзию демократического процесса, но без признания со стороны

межнациональных институтов остаются юридически недействительными, что ведет к длительной политической изоляции региона.

В 2017 году Курдистан провел референдум о независимости, на котором подавляющее большинство участников проголосовало за отделение от Ирака. Курды контролировали свою территорию с 1990-х гг. и стремились к официальному признанию своего статуса. Давние стремления этого народа к созданию независимого государства были основаны на их этнической идентичности, исторической маргинализации, а также на спорах о контроле над богатым нефтью регионом Киркук. Однако референдум не был признан ни иракским правительством, ни международным сообществом, включая ключевых международных акторов, таких как ООН и США. В итоге, несмотря на высокий уровень поддержки среди местного населения, референдум привел лишь к усилению конфронтации с центральным правительством Ирака и ухудшению отношений с соседними государствами. В ответ на референдум иракское правительство начало военные действия, чтобы восстановить контроль над спорными территориями, что привело к эскалации конфликта.

Односторонние референдумы часто сталкиваются с непризнанием со стороны международного сообщества, что ставит под сомнение их легитимность. Это может привести к усилению конфронтации и углублению конфликта, так как национальные правительства могут воспринять референдум как угрозу своему суверенитету и принять меры для восстановления целостности государства. Это, в свою очередь, провоцирует возникновение новых витков насилия и ухудшение международных отношений. Кроме того, односторонние референдумы могут привести к изоляции региона, который стремится к независимости, так как международное сообщество может применить санкции и другие формы давления. Пример Курдистана показал, что даже значительная международная поддержка до референдума не гарантирует признания его результатов. Таким образом, односторонние референдумы в условиях военного конфликта скорее служат источником дальнейшей дестабилизации, нежели мирного урегулирования. Вместо того чтобы способствовать стабильности и урегулированию, они могут усиливать конфликты, приводя к международной изоляции и дальнейшей эскалации напряженности.

Односторонний референдум в контексте мирного времени

Односторонние референдумы могут проводиться не только на территории де-факто государства. Если для таких территорий основной стимул заключается в легитимации существующего статус-кво, то в условиях мирной ситуации мотивация для проведения односторонних референдумов может существенно различаться. Ярким примером является конфликт между Барселоной и Мадридом, вылившийся в референдум о независимости Каталонии в 2017 г. Конфликт имеет длительную историю, он связан не только с интенсивной региональной идентичностью каталонцев, но имеет и экономические причины: Каталония, являясь одним из самых богатых регионов государства, требует большей финансовой самостоятельности.

Референдум о независимости Каталонии 2017 г. имеет ряд особенностей. Во-первых, голосование проходило в мирное время, однако не получило согласия со стороны национального правительства Испании и не было признано международным сообществом. Отсутствие консенсуса поставило под сомнение его легитимность и усилило политическую напряженность как внутри страны, так и на международной арене. Во-вторых, контроль со стороны регионалистских сил в Каталонии был политическим, а не военным. Это подчеркивает мирный характер движения за независимость, основанного на институциональных возможностях и поддержке части населения региона. Несмотря на это, руководство Каталонии столкнулось с серьезным противодействием со стороны центрального правительства, что привело к правовым и административным мерам, направленным на подавление сепаратистских инициатив. В-третьих, хотя доля голосов за независимость была достаточно высока среди участников голосования, явка на референдуме оказалась сравнительно низкой. Это свидетельствует о разделении мнений внутри самого каталонского общества и о возможной апатии или протестном игнорировании голосования со стороны противников независимости. Снижение явки может также быть связано с давлением со стороны центральных властей и правовыми ограничениями, наложенными на проведение референдума.

Референдум о независимости Каталонии 2017 г. имел серьезные последствия как для региона, так и для Испании в целом. Он обострил политический кризис между регионом и центральным правительством, что выразилось в применении статьи 155 Конституции. Это решение временно приостановило автономию региона и позволило Мадриду взять под контроль управление Каталонией.

Отношения между каталонскими сепаратистами и испанскими властями значительно ухудшились, что привело к судебным преследованиям лидеров каталонского движения, включая бывшего президента Каталонии Карлеса Пучдемона. Референдум вызвал раскол в общественном мнении как в самой Каталонии, так и в Испании, где дебаты о независимости остаются предметом острых споров. Таким образом, референдум в Каталонии стал примером сложного взаимодействия региональных и национальных интересов в демократическом контексте. Его анализ позволяет понять, как отсутствие согласия всех сторон и международного признания может обострять конфликты, даже если они проходят в мирных условиях.

Референдум в контексте конвенционального политического процесса

Референдумы, проводимые в контексте мирных событий и инициированные как национальными правительствами, так и регионами, можно охарактеризовать как легитимные инструменты для принятия решений. В таких условиях достигается взаимоприемлемое урегулирование конфликта, отражающее волю большинства и учитывающее интересы всех заинтересованных сторон.

В 1998 году на острове Невис состоялся референдум, на котором жителям предстояло решить, следует ли отделиться от федерации с Сент-Китсом и стать независимым государством. Этот вопрос долгое время вызывал острые дебаты в связи с историческими и культурными различиями между двумя островами. Большинство избирателей поддержало идею независимости, однако для принятия решения требовалось получить не просто большинство, а две трети голосов, и, таким образом, Невис остался частью федерации с Сент-Китсом.

Токелау, небольшой и отдаленный архипелаг в Тихом океане, который находится под управлением Новой Зеландии, в 2006 и 2007 гг. провел два референдума, на которых его жители решали вопрос о будущем политическом статусе архипелага: полная независимость или сохранение текущего статуса. В ходе обоих референдумов значительное большинство жителей проголосовало за суверенитет, демонстрируя желание местного населения к самоопределению и независимости. Однако, как и в Невисе, для победы необходимо было преодолеть порог в две трети голосов, а этого не случилось.

В 2014 году состоялся исторический референдум, целью которого было определить, должна ли Шотландия стать независимым государством и отделиться от Соединенного Королевства. Этот референдум стал результатом многолетних политических дебатов и растущего движения за независимость, возглавляемого Шотландской национальной партией. Идея референдума получила поддержку как шотландских властей, так и правительства Великобритании. В 2012 г. между премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном и первым министром Шотландии Алексом Салмондом было подписано Эдинбургское соглашение, которое установило условия проведения референдума. В итоге 55,3 % проголосовавших высказались против независимости, в то время как 44,7 % поддержали идею отделения от Великобритании, и Шотландия осталась частью Соединенного Королевства.

Референдумы о независимости, проводимые в мирных условиях, часто рассматриваются как важный инструмент демократического волеизъявления, который позволяет населению определять будущее своей территории. Однако такие голосования нередко приводят к возникновению значительной проблемы – поляризации общества. Когда возникает вопрос о суверенитете, который затрагивает национальную идентичность, экономические интересы и будущее поколений, общество может разделиться на два лагеря: сторонников и противников независимости. В таких ситуациях даже в мирных условиях может возникнуть напряженность, которая перерастает в политический и социальный кризис, вплоть до открытых конфликтов. Ярким примером такого развития событий является ситуация в Новой Каледонии.

Новая Каледония, французская заморская территория в Тихом океане, провела два референдума о независимости в 2018 и 2020 гг. Большинство проголосовавших – 56,7 и 53,3 % соответственно – высказались против. На референдуме в 2021 г. канакские лидеры призвали к бойкоту голосования, утверждая, что пандемия COVID-19 и ее последствия сделали невозможным проведение честного и равноправного референдума. В результате голосование было отмечено низкой явкой, и подавляющее большинство оставшихся избирателей (96 %) проголосовало за сохранение территориальной принадлежности к Франции. Однако такой исход не привел к урегулированию конфликта, а, напротив, усугубил разделение между сообществами, что вновь продемонстрировало опасность поляризации в мирных референдумах. Тринадцатого мая 2024 г. в Нумеа начались беспорядки. Они были вызваны одобрением парламентом Франции законопроекта, который предусматривал предоставление права участвовать в региональных выборах лицам, проживающим на территории Новой Каледонии.

более 10 лет. К 17 мая 2024 г. как минимум пять человек погибли, сотни пострадали (среди них более 60 полицейских)⁷.

Таким образом, демократический референдум в мирное время может быть эффективным инструментом только тогда, когда его результат обеспечивает независимость территории и поддерживается большинством населения. Доказательством этого тезиса может служить случай Черногории. Референдум о независимости Черногории, проведенный в 2006 г., стал важным этапом на пути мирного распада Союзной Республики Югославия. Голосование прошло под строгим наблюдением международных организаций, включая Европейский союз, который установил высокие стандарты для признания результатов. Более 55 % избирателей поддержали независимость, что позволило Черногории мирно отделиться от Сербии.

Следовательно, поляризация общества по вопросу независимости является ключевым фактором, влияющим на общий исход, так как она отражает глубину разделения взглядов в регионе. Движения за независимость, как правило, представляют собой активные группы, чья деятельность направлена не только на организацию референдума, но и на консолидацию поддержки среди местного населения, а также привлечение внимания международного сообщества. Если территория не получает независимость при полярном распределении голосов, это указывает на наличие устойчивого конфликта интересов, который может стать основой для дальнейших политических переговоров или новых попыток добиться самоопределения, включая проведение повторного референдума. В случае успешного получения независимости, как это произошло с Черногорией, цели движений за независимость достигаются, что демонстрирует возможность разрешения территориальных споров мирным путем при условии активного диалога между сторонами и международной поддержки.

* * *

Референдумы о независимости являются важным механизмом демократического волеизъявления, но их результаты и последствия могут значительно варьироваться в зависимости от контекста и целей. В одних случаях они ведут к созданию нового государства и стабильности, в других – усиливают существующую власть или углубляют конфликты. Так, референдумы, которые проводятся для достижения независимости после затяжных конфликтов, могут быть решающим шагом к миру. Восточный Тимор и Южный Судан – яркие примеры, где референдумы легитимировали новую государственность и способствовали урегулированию многолетних конфликтов. В этих случаях голосование стало не просто политическим инструментом, но и механизмом, позволившим завершить кровопролитие и заложить основу для стабильности. Референдумы, проводимые в одностороннем порядке, как правило, усиливают конфликт. Примеры Каталонии, Курдистана и Сомалиленда демонстрируют, что это происходит вне зависимости от того, проводится ли референдум в условиях мирного времени или на фоне военного противостояния. Одним из ключевых факторов, препятствующих разрешению конфликта, является отсутствие международного признания таких референдумов. Это подчеркивает важность согласования референдума со всеми заинтересованными сторонами – региональными властями, национальным центром и международным сообществом. Референдумы, проводимые в мирных условиях, часто сталкиваются с другой проблемой – поляризацией общества. В Новой Каледонии, где имеет место глубокий раскол по вопросу о независимости, референдумы привели лишь к обострению политической ситуации. Таким образом, референдум может стать инструментом мирного разрешения конфликта только тогда, когда он проводится по согласию обеих сторон конфликта и в рамках международно признанных демократических норм. Однако в этом случае его результатом зачастую становится сецессия и создание нового государства.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

⁷ Ситуация в Новой Каледонии и история референдумов о независимости [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/20832313> (дата обращения: 15.12.2024).

Список литературы / References

- Руденко, В. Н. (2003) *Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты*. Екатеринбург: УрО РАН. [Rudenko, V. N. (2003) *Direct Democracy: Models of Government, Constitutional and Legal Institutions* [Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitutsionno-pravovyye instituty], Ye-katerinburg: UrO RAN (In Russ.)].
- Шубин, А. В. (2016) 'Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы', *Россия и АТР*, 3 (93), с. 23–48. [Shubin, A. V. (2016) 'The collapse of the USSR: objective reasons and subjective factors' [Raspad CCCR: obyektivnyye prichiny i subyektivnyye faktory], *Rossiya i ATR*, 3 (93), pp. 23–48 (In Russ.)].
- Alterman, J., Todman, W. (2018) *Independence Movements and Their Aftermath: Self-Determination and the Struggle for Success*. New York: Center for Strategic & International Studies
- Bradbury, M. (2008) *Becoming Somaliland. Africa Issues*. Bloomington: Indiana University Press; Oxford: James Currey; London: Progression
- Cassese, A. (1995) *Self-Determination of Peoples. A Legal Reappraisal*. Cambridge, New York: Cambridge University Press
- Collier, P., Hoeffler, A. (2002) 'Greed and grievance in civil war', *Oxford Economic Papers*, 56(4), pp. 563–595. DOI: 10.2307/3488799
- Crawford, J. (2006) *The Creation of States in International Law*. Oxford: Clarendon Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199228423.001.0001
- Di Maggio, P., Powell, W. (1983) 'The Iron Cage Revisted: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields', *American Sociological Review*, 48, pp. 147–160.
- Fazal, M., Griffiths, R. 'Membership Has Its Privileges: The Changing Benefits of Statehood' *International Studies Review*, 16 (1), pp. 79–106. DOI: 10.1111/misr.12099
- Germann, M. (2022) 'Pax populi? An analysis of the conflict resolution potential of referendums on self-determination', *European Political Science Review*, 14, pp. 403–423.
- Guibernau, M. (2014) 'Prospects for an Independent Catalonia', *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 27(1), pp. 5–23. DOI: 10.1007/s10767-013-9165-4 EDN: LKQPIK
- Lee Sung, Yong, Mac Ginty, R. (2012) 'Context and Postconflict Referendums', *Nationalism and Ethnic Politics*, 18, pp. 43–64.
- Levy, R. (2018) 'Shotgun Referendums: Popular Deliberation and Constitutional Settlement in Conflict Societies', *Melbourne University Law Review*, 41(3), pp. 1237–1277.
- Mazower, M. (2000) *Dark Continent. Europe's twentieth century*. New York: Vintage Books
- McEvoy, J. (2018) 'Letting "the people(s)" decide: peace referendums and power-sharing settlements', *Democratization*, 25(5), pp. 864–881. DOI: 10.1080/13510347.2018.1426568
- Palermo, F. (2019) 'Towards a Comparative Constitutional Law of Secession?' In Delledonne, G. & Martinico, D. (ed.) *The Canadian Contribution to a Comparative Law of Secession: Legacies of the Quebec Secession Reference*. Cham, Switzerland: Springer International, pp. 265–282.
- Qvortrup, M. (2014) *Referendums and Ethnic Conflict*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. DOI: 10.9783/9780812209327 EDN: XYQHOZ
- Qvortrup, M. (2013) 'The "Neverendum"? A History of Referendums and Independence', *Political Insight*, 4(2), pp. 4–7. DOI: 10.1111/2041-9066.12013
- Regan, A. (2019) *The Bougainville referendum: Law, administration and politics*. Canberra: ANU Department of Pacific Affairs.
- Richard, A., Stacey, R. (2022) *The Limits and Legitimacy of Referendums*. Oxford: Oxford Academy
- Rolandsen, H. (2011) 'A quick fix? A retrospective analysis of the Sudan Comprehensive Peace Agreement', *Review of African Political Economy*, 38(130), pp. 551–564. DOI: 10.1080/03056244.2011.630869
- Smith, A. (2001) 'The role of the united nations in East Timor's path to independence', *Asian Journal of Political Science*, 9(2), pp. 25–53. DOI:10.1080/02185370108434190
- Tierney, S. (2012) *Constitutional referendums: The theory and practice of republican deliberation*. Oxford: University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199592791.001.0001
- Walker, M. (2003) *The Strategic Use of Referendums: Power, Legitimacy, and Democracy*. New York: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781403973771

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

INDEPENDENCE REFERENDUMS AS AN INSTITUTION FOR MANAGING ETHNO-TERRITORIAL CONFLICTS

A. Mikheev

Andrey Mikheev, Junior Research Fellow, Perm Federal Research Center,
Ural Branch, RAS, Russia.

E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Abstract

One way of managing political-territorial heterogeneity within nation-states is to hold an independence referendum. This institution is characterized by its universality. However, their political, social, and economic consequences can vary from achieving full independence of a part of the territory to the aggravation of military conflicts. This study aims to identify how the political context in which decisions to hold independence referendums are made influences the outcome of a territorial conflict. Political context includes: peaceful/military conditions, consent of all actors to hold a referendum/unilateral plebiscite, and voting results. Using the theory of institutional isomorphism by P. DiMaggio and W. Powell, this paper identifies four typical contexts for holding independence referendums: 1) referendums in the context of military action; 2) unilateral referendums in the context of the existence of a de facto state; 3) unilateral referendums in peacetime; 4) referendums held within the framework of a conventional political process. Such plebiscites lead to a bloodless outcome if the following conditions are met: 1) both the separatists and the national center agree to hold a referendum; 2) the international community acts as an intermediary and recognizes the results of the vote; 3) the majority of citizens voted for independence and separation occurred.

Keywords: political-territorial heterogeneity; institutional isomorphism; independence referendum; self-determination movements; ethnic conflict; right to self-determination; territorial integrity.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-316.3

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-66-79

ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ПО ПОВОДУ КОНФЛИКТОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПОТЕНЦИАЛ ПРОЦЕССНОГО И ПРОЕКТНОГО ПОДХОДОВ

И. В. Мирошниченко, А. И. Кольба, Л. А. Шпиро

Мирошниченко Инна Валерьевна, проректор по стратегическому развитию, заведующая кафедрой государственной политики и публичного управления,
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.
E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Кольба Алексей Иванович, профессор кафедры государственной политики и публичного управления,
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.
E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890. ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Шпиро Лаура Артуровна, старший преподаватель кафедры государственной политики и публичного управления,
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.
E-mail: laurok98@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5409-2922).

Аннотация

Обосновывается авторская концепция использования процессного и проектного подходов к участию локальных сообществ в принятии решений, связанных с конфликтами территориального развития. Наличие возможности влияния на принятие решений через институциональные механизмы согласования интересов является одним из ключевых условий использования конструктивного потенциала конфликтности. Ограничение или отсутствие таких возможностей приводит к деструктивному сценарию развития конфликтности, связанному с затягиванием реализации проектов развития или же отказом от них. Процессный подход предполагает вовлечение сообществ в рамках рутинных политико-управленческих процедур, его потенциал при реализации проектов развития ограничен. Проектный подход позволяет вовлекать сообщества на всех этапах проектирования и реализации проектов, что обеспечивает учет их интересов и поддержку. По результатам исследования выделены основные механизмы вовлечения в рамках каждого из подходов, ожидаемые результаты участия сообществ и различия между подходами. Определены также типичные ошибки в процессе вовлечения сообществ и негативные последствия. На основе анализа трех конфликтных ситуаций из практики управления проектами развития города Краснодара проведена оценка перспектив развития данных конфликтов при использовании проектного подхода. Выделены возможности дальнейшего развития авторской концепции и ее использования при реализации проектов развития регионального масштаба.

Ключевые слова: локальные сообщества; проекты развития; конфликты; принятие решений; процессный подход; проектный подход; развитие территорий.

Введение

Конфликты, возникающие в ходе реализации политики развития территорий, оказывают существенное влияние как на публично-политические процессы, так и на достижение поставленных целей развития. Как правило, они связаны с согласованием интересов различных субъектов развития и не имеют какой-либо политико-идеологической составляющей. На первый план в конфликтах такого рода выходят проблемы участия заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в принятии решений по поводу проектов развития. Возможность не только выразить свои надежды и опасения, но и повлиять на проектирование на как можно более ранних этапах, начиная с обсуждения идей и альтернатив развития, является важным преимуществом, тогда как ее отсутствие практически приводит к снижению уровня субъектности. Это, в свою очередь, препятствует развитию в них гражданской солидарности.

Особенно важна данная проблема для локальных сообществ, как правило, имеющих меньший ресурсный потенциал и инструментарий влияния, нежели органы власти, бизнес-структуры, экспертные сообщества и другие субъекты развития. Зачастую они находятся в спящем состоянии, что обусловлено относительно низким уровнем осознания коллективных интересов и рутинным характером процессов в социальном пространстве. Однако изменения, связанные с реализацией проектов развития без их предварительной проработки с сообществом, в большинстве случаев воспринимаются как негативные и приводят к росту деструктивной конфликтности.

Таким образом, социальные и политико-управленческие аспекты данной проблематики связаны конфронтационным характером взаимодействия между локальными сообществами и другими субъектами развития (прежде всего властными структурами). С научной точки зрения проблемой является недостаточный уровень развития концептуальных представлений о возможностях консенсусного подхода к развитию и недостаточной разработкой прикладных механизмов конструктивного вовлечения локальных сообществ в процессы принятия решений по поводу возникающих конфликтов. Целью данного исследования является теоретическая интерпретация процессного и проектного подходов взаимодействия с сообществами и обоснование преимуществ последнего при реализации проектов развития.

Исследования различных аспектов участия граждан и гражданских сообществ в принятии решений по поводу конфликтов, возникающих при реализации программ и проектов развития, ведутся в рамках нескольких теоретических подходов современной политической науки. Публичная политика как зонтичный концепт (Мирошниченко, 2014) позволяет рассматривать коммуникативный, дискурсивный, институциональный, сетевой и ряд других аспектов обсуждения политической повестки и согласования интересов в публичном пространстве. В рамках данного концепта исследуются проблемы политического поведения в публичной сфере, субъектности коллективных акторов политики (в том числе и локальных сообществ) и возможности их политической мобилизации и участия (Мирошниченко, 2006; Гомеров, 2016; Маленков, 2019).

Особенности согласования интересов участников политического дискурса отражает концепция делиберативной политики (Wagenaar, 2022; Bartels, Wagenaar, Li, 2020). Она, в частности, позволяет оценить потенциал влияния структур гражданского общества и его нематериальных ресурсов (человеческий и социальный капитал, лидерство, локальная идентичность и др. (Мирошниченко, 2023)) на развитие территорий.

В теории принятия политических решений рассматриваются такие аспекты указанной проблематики, как роль публичных и латентных структур в их разработке, утверждении и реализации (Соловьев, 2018; Соловьев, 2022; Миллер, 2016), практики лоббирования интересов заинтересованных сторон во властных структурах, влияние общественного мнения, обеспечение прямой и обратной связи на различных этапах политико-управленческого цикла (Anderson, 2015; Mortensen, Seeberg, 2016; Дегтярёв, 2023) и т. д.

В теории городского конфликта достаточно хорошо разработаны такие направления, как коллаборативное (Purbani, 2017; Tan, Altrock, Liang, 2023; Шохина, 2021) и адвокативное (Sager, 2022; Reardon, Raciti, 2019; Акимов, 2015) планирование развития городов. Относительно новым направлением исследований является анализ потенциала соучаствующего проектирования, основанного на принципах партисипаторной демократии (Санофф, 2015). Также рассматриваются возможности конкуренции и согласования интересов, создания коалиций и альянсов между городскими сообществами, бизнесом, органами власти и другими «пользователями» городского пространства при реализации их «права на город» (Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024). Особое внимание уделяется городским сообществам как акторам локальной политики и гражданского участия, формированию их политической субъектности (Глухова, Кольба, Соколов, 2021; Мирошниченко, Морозова, 2021). Проблематика политики развития тесно связана с субъектами социальных изменений, которые являются «носителями» публичных смыслов и ценностей (Морозова, Мирошниченко, 2023).

Принятие решений по поводу конфликтов является одним из ключевых аспектов процесса политического управления городскими конфликтами (Глухова, Кольба, Соколов, 2018). Возможности и ресурсы отстаивания интересов сообществ исследуются на основе концепции оспаривания городского пространства (Тыканова, Хохлова, 2015; Григоричев, 2020). В более широком ключе эта проблематика рассматривается в рамках концепта «публичного оспаривания интересов» (Савенков, 2022) и исследований «синдрома NIMBY» («Только не на моем заднем дворе!»), отражающего противоречия между общими и частными интересами при реализации проектов развития. Менее исследована тематика конфликтов в развитии сельских территорий (Woods,

1998; Yang, Niu, Zhu, 2012; Rahman, Korobi, 2024), а в российских исследованиях она практически не представлена.

Ряд ученых рассматривает практики использования проектного подхода в контексте государственного управления (Žurga, 2018; Dolata, 2019; Savović, Petrović, 2021; Bezerra, Amorim, Melo, 2021). Исследован опыт применения проектного подхода в государственном управлении зарубежных стран (Мирошниченко, Шпиро, 2019), факторы (институциональные и субъективные), влияющие на успешность реализации проектов в системе публичного управления РФ (Miroshnichenko, Tereshina, Shpiro, 2021). Отдельные механизмы проектного подхода описаны зарубежными учеными: инфраструктурные проекты как важнейший элемент стратегического планирования в развивающихся странах (на примере Северного Пакистана) (Khan, Waris, Ismail and oth., 2019), механизмы государственно-частного партнерства в странах Африки (Arimoro, 2018), механизм государственного бюджетирования и межведомственного взаимодействия в рамках стратегического развития в Республике Польша (Janka, Kosieradzka, 2019). При этом конфликты, возникающие в процессе реализации проектов развития, и возможности управления ими не являются предметом отдельных исследований.

Таким образом, несмотря на то, что проблематика согласования интересов в процессе развития территорий и управления возникающими при этом конфликтами так или иначе представлена во многих направлениях исследований современной политической науки, пока что не сложилось единой концептуальной модели для обоснования решений научных и социальных проблем в данной сфере. В данной статье представлен авторский подход к концептуализации указанной проблемы.

Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают положения теории публичной политики, теории делиберативной политики, теории партисипаторной демократии. В рамках первой из них мы рассматриваем взаимодействие информационных и дискурсивных составляющих публичного пространства, что создает предпосылки для вовлечения локальных сообществ в деятельность по развитию территорий. Теория делиберативной политики позволяет интерпретировать взаимодействие сообществ с другими субъектами развития территорий с позиций формирования общественного мнения в ходе дискуссий по поводу проектов и программ предполагаемых изменений. Партисипаторная демократия как концепт необходима для оценки успешности и эффективности участия сообществ в принятии решений по поводу возникающих конфликтов.

Субъектность локальных сообществ рассматривается в контексте их способности выступать носителями определенных интересов и смыслов, артикулировать их, отстаивать в публично-политическом пространстве и на основе развития процессов групповой сплоченности и группового конструирования проблемной ситуации проводить политическую мобилизацию, добиваясь признания проблемы актуальной.

На основе концепций коллаборативного и адвокативного планирования, соучаствующего проектирования рассматриваются формы и механизмы вовлечения локальных сообществ в принятие решений на различных этапах реализации проектов и программ развития территорий. Анализ конкретных ситуаций как метод исследования позволяет выявить типичные проблемы реализации проектов развития, связанные с нарушением принципов взаимодействия между локальными сообществами и органами власти, приводящим к деструктивным конфликтам.

Процессный и проектный подходы к участию локальных сообществ в принятии решений

Внедрение проектного подхода в практику органов государственной и муниципальной власти обусловлено национальными приоритетами и стратегическими задачами развития РФ. Помимо решения непосредственных задач развития, проекты призваны выступать инструментами снижения социальной напряженности, солидаризации граждан (объединения вокруг возникающих как социально-политических угроз, так и проблем «бытового» уровня). Однако при их реализации нередки случаи возникновения конфликтов, в первую очередь на местном уровне.

В настоящее время можно выделить несколько типов проектов, реализуемых на региональном и локальном уровнях в РФ:

- Национальные проекты, направленные на достижение стратегических целей развития РФ¹. Механизмом их реализации на местном уровне выступают соглашения между муниципалитетом и региональным руководителем проекта.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>

- Проекты инициативного бюджетирования, направленные на развитие территорий (инициативы граждан по решению вопросов местного значения при поддержке местных властей), выступающие инструментом для решения проблем граждан конкретных территорий за счет бюджетов различного уровня.

- Социальные проекты в рамках инициатив, поддерживаемых субъектами публичного управления грантовыми механизмами регионального и федерального уровней (субъектами поддержки могут выступать Фонд президентских грантов, Центр развития гражданского общества Краснодарского края, Росмолодежь и др.). Здесь могут быть поддержаны инициативы физических лиц, юридических лиц, некоммерческих организаций.

- Проекты, иницилируемые гражданами (лидерами местных сообществ), формирующими вокруг себя «команды изменений», местным бизнесом, участвующим в развитии территорий (собственные инициативы).

Сложившиеся подходы к проектированию отражают возможности инициатив снизу, когда группы граждан (активистов) объединяются вокруг конкретных проблем местного сообщества, отражают свою позицию и продвигают ее в публичном пространстве. Такие инициативы часто поддерживаются органами местного самоуправления и отражают практики солидаризации местных жителей, способствующие усилению конструктивной составляющей проектирования. С другой стороны, инициативы сверху, когда местная администрация или другие субъекты транслируют свою позицию гражданам, при недостаточной согласованности интересов не всегда находят поддержку, могут восприниматься в качестве угроз и вызвать протестные настроения в локальных сообществах.

Идеология проектного подхода в публичном управлении предполагает использование механизмов вовлечения граждан и локальных сообществ на различных этапах проектирования и реализации проекта. Они институционализированы и в российских практиках проектного управления. При реализации национальных проектов (например, в рамках национального проекта «Жилье и городская среда») используются механизмы онлайн-голосования по выбору проектов благоустройства общественных пространств муниципальных образований, что позволяет гражданам оказывать влияние на развитие городской среды. При реализации инициативного бюджетирования в рамках региональных программ жители муниципального образования принимают участие в разработке проектов для подачи заявки на участие в региональном конкурсе. В случае победы муниципалитет получает средства на его реализацию.

Таким образом, проектная составляющая публичного управления предусматривает элементы прямой и обратной связи с локальными сообществами, которые выступают в качестве акторов и стейкхолдеров реализуемых инициатив. Однако в настоящее время эта составляющая проектной деятельности представлена фрагментарно, что не дает возможности полномасштабного включения ресурсов сообществ в развитие территорий. На наш взгляд, как на уровне теории, так и на уровне управленческих практик недостаточно осмыслены особенности реализации проектов развития, требующих учета и согласования позиций заинтересованных сторон на всех этапах политико-управленческого цикла. Это является одной из причин возникновения деструктивных конфликтов при формировании и реализации политики развития территорий.

Нами разработана авторская концепция участия локальных сообществ в принятии решений по поводу конфликтов, отражающая специфику артикуляции и отстаивания их интересов в проблемных ситуациях различного типа. В ее основе лежит идея выделения проектов развития как ситуаций особого типа, требующих включения локальных сообществ в процессы предполагаемых изменений на наиболее ранних этапах. Для систематизации представлений о способах регулирования конфликтности в процессе территориального развития целесообразно выделить два подхода к взаимодействию с городскими сообществами в зависимости от ситуаций, которые требуют их вовлеченности в принятие решений.

Процессный подход предполагает, что вовлечение локальных сообществ происходит в рамках «рутинной» политико-управленческой деятельности, предполагающей возникновение типовых ситуаций и разрешение проблем, как правило, с использованием постоянно действующих механизмов муниципальной демократии и консультаций. Проектный подход предусматривает вовлечение локальных сообществ в рамках проектирования для решения определенной проблемы развития. Механизмы их вовлечения и развития конструктивного потенциала будут различаться для каждого из подходов. Для первого из них важно наличие на этапе формирования повестки дня дискуссионных площадок с участием представителей органов власти, прежде всего городских администраций. В рамках проектного подхода могут быть использованы другие механизмы вовлечения локальных сообществ,

эффективность которых связана со спецификой данного вида деятельности (формирование проектных команд, создание проектных заявок, краудсорсинг, краудфандинг, аутсорсинг и др.).

В соответствии с концепцией политико-управленческого цикла можно выделить для каждого из этапов возможные механизмы и предполагаемые результаты вовлечения локальных сообществ (табл. 1, 2).

Для процессного подхода это будут:

- На этапе формирования политической повестки дня: создание дискуссионных площадок, конструирование сообществ как механизмы – формулирование проблем как результат.
- На этапе разработки решения: работа экспертных площадок при органах законодательной и исполнительной власти как механизм – выработка альтернативных вариантов и далее проектов решения как результат.
- На этапе принятия решения: проведение массовых опросов, организация референдумов как механизмы – принятие решения как результат.
- На этапе реализации решения: проведение публичных слушаний, работа общественных советов и экспертных площадок, сетевые инструменты коммуникации и сотрудничества как механизмы – возможная корректировка решения как результат.
- На этапе оценки результатов: включение гражданского и общественного контроля как механизмы – получение обратной связи от сообществ, позитивного общественного мнения, роста институционального доверия и поддержки власти как результат.

Таблица 1

**Вовлечение локальных сообществ в принятие решений по поводу конфликта
(процессный подход)**

Этапы политико-управленческого цикла	Механизмы вовлечения сообществ	Результаты управленческой деятельности
Формирование политической повестки дня	Создание дискуссионных площадок, конструирование сообществ	Формулирование проблем
Разработка решения	Экспертные площадки при органах законодательной и исполнительной власти	Альтернативы решений, проекты решений
Принятие решения	Изучение общественного мнения, опрос, референдум	Принятое решение, утвержденное нормативными актами
Реализация решения	Публичные слушания, общественные обсуждения, общественные советы и экспертные площадки, сетевые механизмы коммуникации	Корректировка решений
Оценка результатов	Общественный и гражданский контроль	Позитивное общественное мнение, институциональное доверие / поддержка власти

Для проектного подхода это будут:

- На этапе формирования политической повестки дня: создание дискуссионных площадок, конструирование сообществ, их участие в конкурсах, грантовых проектах как механизмы – формулирование идей проектной заявки как результат.
- На этапе разработки решения: работа экспертных площадок при проектных структурах, работа проектных команд как механизмы – создание проектных заявок с пакетом документации, а также сложившихся проектных команд как результат.
- На этапе принятия решения: краудсорсинг, краудфандинг, аутсорсинг как механизмы – утвержденный проект, готовый к реализации и имеющий ресурсное обеспечение, как результат.
- На этапе реализации решения: PR-механизмы – сформированное общественное мнение как результат.
- На этапе оценки результатов: включение гражданского и общественного контроля как механизм – получение обратной связи от сообществ, позитивного общественного мнения, поддержки проектной команды как результат.

Таблица 2

**Вовлечение локальных сообществ в принятие решений по поводу конфликта
(проектный подход)**

Этапы политико-управленческого цикла	Механизмы вовлечения сообществ	Результаты управленческой деятельности
Формирование политической повестки дня	Создание дискуссионных площадок, конструирование сообществ, участие в конкурсах	Идея проекта, проектной заявки
Разработка решения	Экспертные площадки при проектных структурах, проектные команды	Проектная заявка, комплект проектной документации, сформированные проектные команды
Принятие решения	Краудсорсинг, краудфандинг, аутсорсинг	Утвержденный проект, готовый к реализации и имеющий ресурсное обеспечение
Реализация решения	PR-технологии	Сформированное общественное мнение
Оценка результатов	Общественный и гражданский контроль	Позитивное общественное мнение, поддержка команды

Сравнительный анализ указанных подходов позволил выявить ряд существенных различий между ними (табл. 3):

- При использовании процессного подхода формирование повестки дня происходит преимущественно в реактивном режиме, тогда как проектный подход нацелен на ее проактивное формирование.
- Процессный подход предполагает разработку решения проблемы в условиях конфликта, проектный – в условиях сотрудничества сторон, заинтересованных в ее решении.
- Исходя из этого, принятие решения при использовании первого подхода происходит в условиях кризисной ситуации, характеризующейся недостатком времени и других ресурсов. При использовании второго подхода принятие решений имеет плановый характер, происходит в установленные сроки.
- Ожидаемым результатом для процессного подхода является урегулирование конфликта по итогам противоборства сторон, для проектного – на стадии формирования конфликтной ситуации.

Таблица 3

Различия между подходами

Этапы политико-управленческого цикла	Процессный подход	Проектный подход
Формирование политической повестки дня	Реактивное	Проактивное
Разработка решения	В условиях конфликта	В условиях сотрудничества
Принятие решения	Форс-мажорное	Плановое
Реализация решения	В сжатые сроки	В установленные сроки
Оценка результатов	Урегулирование конфликта	Отсутствие конфликта

Применение принципов проектного подхода к вовлечению представителей локальных сообществ в принятие решений по поводу конфликтов при реализации проектов развития, избегание указанных ошибок будут способствовать развитию механизмов коллаборативного, соучаствующего и адвокативного планирования в политико-управленческих практиках.

Потенциал проектного подхода: анализ конкретных ситуаций

Первый из рассматриваемых нами конфликтов развернулся с началом обсуждения проекта масштабной реконструкции исторического центра города Краснодара, который городская администрация представила под названием «Семь улиц» (2020). Он предполагал трансформацию ряда центральных кварталов в преимущественно пешеходные зоны, где могли бы размещаться велодорожки, летние кафе, места отдыха и другие элементы «прогулочной» инфраструктуры². Проект был представлен без предварительных консультаций с городской общественностью и вызвал в большинстве своем критические отзывы. В первую очередь нарекания вызывали планы сократить автомобильный трафик, значительная часть которого проходит через указанные кварталы, и потенциальные неудобства для жителей, владельцев и арендаторов недвижимости в данном районе³. Власти города, видя общественное недовольство, попытались провести общественные обсуждения, однако на них были в большей степени представлены позиции группы гражданских активистов, поддерживающей проект⁴. Реализация пилотного проекта в рамках одного из центральных кварталов с целью продемонстрировать его видение администрацией усилила недовольство. Уже летом 2021 г. дальнейшие шаги по проекту были приостановлены по решению главы региона, а в 2023 г. уже при новом главе города от него было решено отказаться «в связи со сменой приоритетов»⁵.

Конфликт также сформировался в связи с проектом строительства новой ветки трамвая до улицы Восточно-Кругликовской. При утверждении генплана Краснодара в 2020 г трамвайные пути было запланировано проложить по одной из центральных автомобильных артерий в этой части города (улице Жлобы). После общественных обсуждений было принято решение изменить генплан и провести трамвай по новому маршруту, который позволил бы оставить ее только для движения автотранспорта, однако предполагал снос значительного количества домов в частном секторе (по разным оценкам – от 30 до 60), что вызвало резкое недовольство их владельцев⁶. Образовалось сплоченное протестное сообщество, предпринявшее ряд шагов по защите своих интересов⁷ (массовые акции, обращения в администрацию города, надзорные органы и вышестоящие властные структуры, формирование общественного мнения через СМИ и социальные медиа и др.). Администрация города не принимала попыток активного взаимодействия с протестующими, откладывая принятие принципиальных решений относительно проекта. Несмотря на то, что и властные структуры, и городские общественные активисты оценивают проект как необходимый для развития города, после периода неопределенности в 2024 г. было объявлено о переносе его реализации на неопределенный срок⁸.

Еще один конфликт произошел по поводу строительства автодороги в Юбилейном микрорайоне города Краснодара. Городские власти предполагали с ее помощью соединить два городских района и разгрузить одну из сложных для движения автомобильных развязок. Впервые план был представлен в публичном пространстве города в 2017 г., что быстро привело к формированию протестно настроенных групп активистов из числа жителей микрорайона. Они утверждали, что проект не решит проблем автомобильного трафика, но при этом существенно ухудшит условия жизни в микрорайоне. Часть краснодарской общественности поддержала проект, исходя из того, что общегородские интересы важнее частных. Городские власти выступили с заявлением, что экспертиза проекта уже проведе-

² Главный архитектор Краснодара предложила в два раза сузить дороги в центре города (2020) [Электронный ресурс], *Юга.ру*, 18 дек. URL: <https://www.yuga.ru/news/454970-glavnyj-arkhitektor-krasnodara-predlozhila-v-dva-raza-suzit-dorogi-v-centre-goroda/> (Дата обращения: 02.10.2024).

³ Город для автомобилей или людей? Как собираются развивать улицы в историческом центре Краснодара (2021) [Электронный ресурс], *Юга.ру*, 2 мар. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/9365.html> (Дата обращения: 02.10.2024).

⁴ Скорее в плюс: эксперты оценили проект «Семь улиц» в Краснодаре (2021) [Электронный ресурс], *РБК*, 20 июля. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/20/07/2021/60f6c7be9a7947fee1f25c63> (Дата обращения: 02.10.2024).

⁵ Мэр Краснодара назвал «бесперспективным» и закрыл проект «7 улиц» (2023) [Электронный ресурс], *КоммерсантЪ. Кубань-Черноморье*, 27 февр. URL: <https://kubantv.ru/obshhestvo/mer-krasnodara-nazval-besperspektivnym-i-zakryl-proekt-7-ulic> (Дата обращения: 02.10.2024).

⁶ Снос 60 домов возможен: проект скандальной трамвайной ветки в Краснодаре доработают (2022) [Электронный ресурс], *Блокнот Краснодар*, 7 март. URL: <https://bloknot-krasnodar.ru/news/snos-60-domov-otklozhili-proekt-skandalnoy-tramvay-1454829> (Дата обращения: 02.10.2024).

⁷ В Краснодаре жители улицы Восточно-Кругликовской попросили решить вопрос с новой трамвайной веткой (2022) [Электронный ресурс], *Кубань 24*, 16 февр. URL: <https://kuban24.tv/item/v-krasnodare-zhiteli-ulitsy-vostochno-kruglikovskoj-porposili-reshit-vopros-s-novoj-tramvajnoj-vetkoj> (Дата обращения: 02.10.2024).

⁸ Власти Краснодара перенесли стройку трамвая в мкр Восточно-Кругликовский на неопределенный срок (2024) [Электронный ресурс], *Кубань Информ*, 16 авг. URL: <https://kub-inform.ru/news/2024-08-16-vlasti-krasnodara-perenesli-stroyku-tramvaya-v-mkr-vostochno-kruglikovskiy-na-neopredelennyj-srok/> (Дата обращения: 02.10.2024).

на и внесение изменений невозможно⁹. Активизация конфликта произошла в 2020 г., когда было объявлено о намерении реализовать проект в 2022 г. Несмотря на попытки представителей администрации города «проводить разъяснительную работу» с жителями, конфликт перешел в стадию судебного разбирательства¹⁰. Суды первоначально поддерживали намерения городских властей, однако по итогам кассационного иска дело было направлено на пересмотр. После этого реализация проекта была заморожена¹¹.

Нами был выделен ряд типичных ошибок, допускаемых органами власти при взаимодействии с городскими сообществами в ходе конфликта и снижающих потенциал его конструктивного урегулирования (табл. 4):

- Легитимация городских сообществ как субъектов конфликта подменяется их маргинализацией, вытеснением на периферию городской политики.
- Институционализации конфликтов с участием сообществ через создание диалоговых площадок противопоставляется их деинституционализация, выражающаяся в отказе от совместного планирования городских решений и раскалывании городского социального пространства через противопоставление одних сообществ другим. Это препятствует агрегированию интересов различных групп горожан и нахождению баланса между ними.
- Часть городских сообществ на основе аффилиации с органами власти получает преимущества в манифестировании своих требований, тогда как требования другой части властные структуры могут игнорировать или учитывать в меньшей степени.
- В совокупности указанные действия приводят не к редукции, а к эскалации городских конфликтов, что ведет к усилению протестной активности, в некоторых случаях – к вмешательству более высоких властных инстанций (прежде всего региональных органов власти) и препятствует реализации проектов развития.
- В большинстве случаев на городском уровне слабо развиты системы мониторинга развития и результатов конфликтов, постконфликтных ситуаций, что приводит к искажению восприятия конфликтов, дезинформированию не только горожан, но и самих властных структур о фактическом положении дел.

Таблица 4

Вовлечение сообществ в принятие решений: типичные ошибки

№ п/п	Порядок действий	Типичные ошибки
1	Легитимация	Маргинализация
2	Институционализация	Деинституционализация
3	Агрегирование интересов	Внесение хаоса
4	Манифестирование	Игнорирование
5	Редукция	Эскалация
6	Мониторинг	Дезинформация

Во всех рассмотренных ситуациях можно отметить проявление «синдрома NIMBY», который является распространенной и предсказуемой реакцией на проекты трансформации городских пространств. При этом отказ от предварительного (до этапа анонсирования) обсуждения проекта или имитационный характер такого обсуждения практически неизбежно приводит к формированию деструктивного конфликта, что и проявилось в каждом из указанных случаев. Во многом этой связано с использованием принципов процессного подхода: в городскую повестку дня проекты попадают в порядке информирования общественности, что запускает конфронтационный сценарий взаимодействия с локальными сообществами, чьи интересы оказываются затронутыми. Дискурс обсуждения проблем имеет отчетливо конфликтный характер, действия органов власти преимущественно являются реакцией на общественное недовольство. Следует также отметить, что на этапе обсуждения возникших

⁹ Нам не нужна дорога в никуда! – против новой трассы протестуют жители ЮМП в Краснодаре [Электронный ресурс], *KrasnodarMedia.su*. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/635321/> (Дата обращения: 02.10.2024).

¹⁰ Жители ЮМП судятся из-за строительства новой дороги в сторону Елизаветки. Что не так с проектом? (2022) [Электронный ресурс], *93.ru*, 21 апр. URL: <https://93.ru/text/transport/2022/04/21/71255924/> (Дата обращения: 02.10.2024).

¹¹ Кассационный суд запретил строить четырехполосную дорогу в Юбилейном микрорайоне Краснодара (2023) [Электронный ресурс], *Юга.ру*, 5 апр. URL: <https://www.yuga.ru/news/467523-kassacionnyj-sud-zapretil-stroit-chetyrekhpolosnuyu-dorogu-v-yubilejnom-mikrorajne-krasnodara/> (Дата обращения: 02.10.2024).

проблем при использовании типовых механизмов работы с сообществами проектный подход позволил бы достичь лучших результатов.

Попытки маргинализации протестующих сообществ в описанных ситуациях ведут к повышению уровня их сплоченности и готовности к дальнейшим действиям. Апелляция к приоритетности общих интересов по отношению к частным не приводит к созданию позитивного общественного мнения, так как потенциальный ущерб для локальных сообществ представляется намного более существенным, чем возможная полезность результатов проекта. Легитимность действий городских властей при таких условиях ставится под сомнение, неэффективность диалоговых площадок угрожает эскалацией конфликтов. В силу высокого уровня угроз, связанных с реализацией подобного сценария, органам власти приходится откладывать или сворачивать реализацию проектов развития.

Использование проектного подхода, на наш взгляд, позволило бы включить локальные сообщества в число участников изменений. Выделить стейкхолдеров проекта в данном случае не составляет труда, так как территориальная привязка проекта позволяет очертить круг затрагиваемых интересов. Создание площадок для диалога на этапе формирования идеи проекта развития позволяет обеспечить проактивный характер регулирования противоречий. К примеру, коллаборативное обсуждение идеи проекта «Семь улиц» могло бы выявить его потенциальные преимущества для различных городских сообществ, можно было бы начать проектирование с учетом их реализации. Открытый конкурс по разработке проектных идей предоставил бы им возможность адвокатиовать свое видение развития центра города и т. д. В конечном итоге затраты временных и организационных ресурсов, связанные с использованием диалоговых механизмов на ранних этапах проектирования, перекрываются возможностями плановой реализации развития территорий в условиях высокого уровня согласия стейкхолдеров.

Выводы и заключение

Результаты проведенного анализа потенциала двух подходов и возможностей применения проектного подхода в конкретных ситуациях позволяют утверждать, что в настоящее время при реализации проектов развития используются преимущественно методы процессного подхода. Они не вполне адекватны требованиям политики развития территорий. Развитие проектного подхода позволило бы вовлекать локальные сообщества в решение конфликтов на конструктивной основе и использовать их ресурсы не только для защиты собственных интересов, но и для реализации проектов.

Проектный подход имеет большой потенциал для внедрения вариативных практик, учитывающих конфигурации локальных сообществ в зависимости от их принадлежности к сельским или городским территориям, выраженности локальной идентичности, лидерского потенциала, уровня доверия к власти. В концептуальном плане выделение процессного и проектного подходов является необходимым звеном, объединяющим теории высшего и среднего уровня с практико-ориентированными подходами к развитию территорий.

В то же время он требует дальнейшей адаптации для использования в процессах анализа и управления конфликтами, возникающими в процессе реализации проектов регионального или федерального уровня. Их специфика связана с проектированием в рамках сразу нескольких (или многих) муниципалитетов, что может вызывать сложности при согласовании интересов. Участие локальных сообществ в процессах проектирования, требующих специальных компетенций, подразумевает также участие в проектах институтов-посредников, в качестве которых могут выступать проектные организации, архитектурные бюро и др.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>

Список литературы / References

- Акимов, П. И. (2015) 'Искореня несправедливость в городе: история адвокативного планирования', *Городские исследования и практики*, пилотный выпуск, сс. 94–103. [Akimov, P. I. (2015) 'Eradicating Injustice in Cities. The History of Advocacy Planning' [Iskorenyaya nespravedlivost' v gorode: istoriya advokativnogo planirovaniya], *Urban Studies and Practices*, Pilot Issue, pp. 94–103. (In Russ.)]. EDN: ZSSCAV
- Глухова, А. В., Кольба, А. И., Соколов, А. В. (2018) 'Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации', *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, сс. 5–12. [Glukhova, A. V., Kolba, A. I., Sokolov, A. V. (2018) 'Urban conflict as an object of research and public administration: problems of conceptualization' [Gorodskoj konflikt kak ob"ekt issledovaniya i politicheskogo upravleniya: problemy konceptualizacii], *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 4, pp. 5–12. (In Russ.)]. EDN: YRVSRV
- Глухова, А. В., Кольба, А. И., Соколов, А. В. (2021) 'Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ)', *Журнал исследований социальной политики*, 19(2), сс. 239–252. [Glukhova, A. V., Kolba, A. I., Sokolov, A. V. (2021) 'Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers)' [Strategii vzaimodejstviya territorial'nyh soobshchestv v hode gorodskih konfliktov (na materialah ekspertnogo oprosa v krupnyh regional'nyh centrakh RF)], *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2), pp. 239–252. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252 EDN: MRCVGR
- Гомеров, И. Н. (2016) 'Политическая субъектность: предпосылки определения понятия', *Политические институты и процессы*, 1, сс. 5–13. [Gomerov, I. N. (2016) 'Subject as a semantic core of political subjectivity' [Politicheskaya sub"ektnost': predposylki opredeleniya ponyatiya], *Political institutions and processes*, 1, pp. 5–13. (In Russ.)]. EDN: WBAIAH
- Григоричев, К. В. (2020) '«Неправильные» китайцы и «захваченный» город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим', *Журнал исследований социальной политики*, 18(4), сс. 593–608. [Grigoriev, K. V. (2020) 'The 'Wrong' Type of Chinese and the 'Captured' City: Contesting of Urban Spaces and Constructing Practices of Interacting with the 'Other' [«Nepравil'nye» kitajcy i «zahvachennyj» gorod: osparivanie gorodskogo prostranstva kak vyrobotka praktik vzaimodejstviya s drugim] *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), pp. 593–608. (In Russ.)].
- Дегтярёв, А. А. (2023) '«Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25(2), сс. 348–367. [Degtyarev A.A. (2023) '“At home among strangers”: GR-management as political governance in the arsenal of “non-political” agents' [«Svoj sredi chuzhih»: GR-menedzhment kak politicheskoe upravlenie v arsenale «nepoliticheskikh» agentov], *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), pp. 348–367. (In Russ.)].
- Маленков, В. В. (2019) 'Гражданско-политическая субъектность: концептуальный и эмпирический анализ', *Социология*, 5, сс. 168–178. [Malenkov V. V. 'Civil and political subjectivity: a conceptual and empirical analysis' [Grazhdansko-politicheskaya sub"ektnost': konceptual'nyj i empiricheskij analiz], *Sociology*, 5, pp. 168–178. (In Russ.)]. EDN: NZXIEG
- Миллер, Т. В. (2016) 'Латентные механизмы и практики принятия политических решений', *Социально-политические науки*, 4, сс. 33–36. [Miller, T. V. (2016) 'Latent mechanisms and practices of political decision-making' [Latentnye mekhanizmy i praktiki prinyatiya politicheskikh reshenij], *Socio-political sciences*, 4, pp. 33–36. (In Russ.)]. EDN: XGXAON

- Мирошниченко, И. В. (2006) *Политическая культура социально-профессиональных групп*. Краснодар: КубГУ, 166 с. [Miroshnichenko, I. V. (2006) *Political culture of socio-professional groups* [Politicheskaya kul'tura social'no-professional'nyh grupp] Krasnodar: KubGU, 166 p. (In Russ.)].
- Мирошниченко, И. В. (2023) 'Нематериальные ресурсы развития', *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля: коллективная монография*. М.: Весь Мир, сс. 57–67. [Miroshnichenko, I. V. (2023) 'Intangible development resources' [Nematerial'nye resursy razvitiya], *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field: a collective monograph*. Moskva: Ves' Mir, pp. 57–67. (In Russ.)].
- Мирошниченко, И. В. (2014) 'Публичная политика как зонтичная концепция политической науки', *Государственное управление. Электронный вестник*, 47, сс. 354–376. [Miroshnichenko, I. V. (2014) 'Public Policy as an Umbrella Concept of Political Science' [Publichnaya politika kak zontichnaya koncepciya politicheskoy nauki], *Public administration. Electronic Bulletin*, 47, pp. 354–376. (In Russ.)]. EDN: TFYPZL
- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2021) 'Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу»)', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 17(2), сс. 135–149. [Miroshnichenko, I. V. , Morozova, E. V (2021) 'Network communities as agencies for the formation of city's agenda (the case of "Help the City" movement)' [Setevye soobshchestva kak sub"ekty formirovaniya gorodskoj povestki dnya (na primere dvizheniya «Pomogi gorodu»)'], *Political Expertise: POLITEX*, 17(2), pp. 135–149. (In Russ.)]. DOI: 10.21638/spbu23.2021.202 EDN: N QAICK
- Мирошниченко, И. В., Шпиро, Л. А. (2019) 'Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика', *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 3(3), сс. 360–368. [Miroshnichenko, I. V., Shpiro L. A. (2019) 'Project management in the public sector: foreign experience and Russian practice' [Proektnoe upravlenie v gosudarstvennom sektore: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika], *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 3(3), pp. 360–368. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. (2023) 'Традиции и инновации в политике развития сельских территорий: потенциал казачества', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 66–87. [Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. (2023) 'Traditions and innovations in development policy of rural territories in Russia: the potential of Cossacks' [Tradicii i innovacii v politike razvitiya sel'skih territorij: potencial kazachestva], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 66–87. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05 EDN: K YSTFW
- Савенков, Р. В. (2022) 'Публичное оспаривание в политическом пространстве современной России: возможности и ограничения', *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, сс. 78–82. [Savenkov, R. V. (2022) 'Public contestation in the political space of modern Russia: opportunities and limitations' [Publichnoe osparivanie v politicheskom prostranstve sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya], *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 4, pp. 78–82. (In Russ.)]. EDN: NNCWCL
- СанOFF, Г. (2015) *Соучастующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов*. Вологда: Проектная группа 8, 170 с. [Sanoff, H. (2015) *Democratic Design: Participation case Studies in Urban & Small Town Environments* [Souchastvuyushchee proektirovanie. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shih i malyh gorodov], Vologda: Proektnaya gruppa 8, 170 p. (In Russ.)].
- Соловьев, А. И. (2018) 'Государство и общество: новые грани исторического конфликта', *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(4), сс. 6–24. [Solovjov, A. I. (2018) 'State and Society:

- New Facets of Historical Conflict' [Gosudarstvo i obshchestvo: novye grani istoricheskogo konflikta], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19(4), pp. 6–24. (In Russ.)). DOI: 10.31429/26190567-19-4-6-24 EDN: ICFJXF
- Соловьев, А. И. (2022) 'Латентный функционал публичной политики', *Политическая наука*, 3, сс. 57–79. [Solovyev, A. I. (2022) 'Latent functionality of Public Policy' [Latentnyj funkcional publichnoj politiki], *Political science*, 3, pp. 57–79. (In Russ.)). DOI: 10.31249/poln/2022.03.03 EDN: GKUKYS
- Тыканова, Е., Шевцова, И., Желнина, А. (2024) 'Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах', *Социологическое обозрение*, 23(2), с. 90–119. [Tykanova, E., Shevcova, I., ZHelnina, A. (2024) 'Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts' [Al'yansy chinovnikov i aktivistov v gorodskih lokal'nyh konfliktah], *Russian Sociological Review*, 23(2), pp. 90–119. (In Russ.)).
- Тыканова, Е. В., Хохлова, А. М. (2015) 'Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство', *Журнал исследований социальной политики*, 13(2), сс. 241–256. [Tykanova, E. V., Hohlova, A. M. (2015) 'The Urban Political Regime in St. Petersburg: the Role of Real and Imagined "Growth Machines" in the Struggle for Urban Space' [Gorodskoj politicheskij rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nyh i voobrazhaemyh «mashin rosta» v bor'be za gorodskoe prostranstvo], *The Journal of Social Policy Studies*, 13(2), pp. 241–256. (In Russ.)).
- Шохина, А. А. (2021) 'Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера', *Городские исследования и практики*, 6(3), сс. 53–65. [Shokhina A. A. (2021) 'The Institutional Framework of Collaborative Planning in Canada: Engagement Practices in the Vancouver Master-Plan Development' [Institucional'naya organizaciya kollaborativnogo planirovaniya v Kanade: mekhanizmy вовлечeniya pri podgotovke master-plana Vankuvera], *Urban Studies and Practices*, 6(3), pp. 53–65. (In Russ.)).
- Anderson J. (2015) *Public Policymaking: An Introduction*. Boston: Cengage Learning. 384 p.
- Arimoro, A. (2018) 'An Appraisal of the Framework for Public Private Partnership in South Africa', *European Procurement & Public Private Partnership Law Review*, 13(3), pp. 214–228.
- Bartels, K. P. R., Wagenaar, H., Li, Y. (2020) 'Introduction: towards deliberative policy analysis 2.0', *Policy Studies*, 41(4), pp. 295–306. DOI: 10.1080/01442872.2020.1772219 EDN: RHWCHA
- Bezerra, E., Amorim, B., Melo, F. (2021) 'Barriers to maturity in project management in the public sector: a systematic literature review', *Research, Society and Development*, 10(10). DOI: 10.33448/rsd-v10i10.19223 EDN: EXURKG
- Dolata, M. (2019) 'Key Success Factors in Project Management from the Perspective of Organisation's Project Maturity – Research Results', *Problemy Zarządzania – Management Issues*, 17(2(82)), pp. 218–232.
- Janka, T., Kosieradzka, A. (2019) 'The new approach to the strategic project management in the Polish public administration', *Foundations of Management*, 11(1), pp. 143–154. DOI: 10.2478/fman-2019-0012
- Khan, A., Waris, M., Ismail I. and oth. (2019) 'Deficiencies in Project Governance: An Analysis of Infrastructure Development Program', *Administrative sciences*, 9(1), 9.
- Miroshnichenko, I., Tereshina, M., Shpiro, L. (2021) 'Project management in public authorities of the Russian Federation: resources and development technologies', *62nd International Scientific Online Conference Scientific Conference on Economics and Entrepreneurship (SCEE'2021)*, pp. 39–48.
- Mortensen, P., Seeberg, H. (2016) 'Why Are Some Policy Agendas Larger than Others?', *The Policy Studies Journal*, 44(2), pp. 156–173.
- Purbani, K. (2017) 'Collaborative planning for city development. A perspective from a city planner', *Scientific Review Engineering and Environmental Sciences*, 26, pp. 136–147.

- Rahman, M. Z., Korobi, S. A. (2024) 'Unraveling Rural Land Conflicts in Bangladesh: Stakeholders, Power Dynamics, and Paths to Resolution', *Asian Review of Social Sciences*, 13(1), pp. 1–16.
- Reardon, K., Raciti, A. (2019) 'Advocacy Planning in the Age of Trump: An Opportunity to Influence National Urban Policy', *Planning Theory and Practice*, 20(4), pp. 606–611.
- Sager, T. (2022) 'Advocacy planning: were expectations fulfilled?' *Planning Perspectives*, 37(6), pp. 1205–1230. DOI: 10.1080/02665433.2022.2040189 EDN: TMYMSV
- Savović S., Petrović D. (2021) 'Key factors of successful preparation and implementation of projects: Empirical evidence from local self-governments in the Republic of Serbia', *Društvene & humanističke nauke*, 4(1), pp. 29–40.
- Tan, X., Altrock, U., Liang, X. (2023) 'Towards collaborative planning: deliberative knowledge utilisation and conflict resolution in urban regeneration in South China', *The Planning Review*, 59(4), pp. 31–49. DOI: 10.1080/02513625.2023.2323820 EDN: OFVVUP
- Wagenaar, H., (2022) 'Deliberative Policy Analysis', in Selen A. Ercan, and oth. (eds), *Research Methods in Deliberative Democracy*, Oxford: Oxford University Press, pp. 423–437.
- Woods, M. (1998) 'Researching rural conflicts: hunting, local politics and actor-networks', *Journal of Rural Studies*, 14(3), pp. 321–340.
- Yang, Y., Niu, P., Zhu, L. (2012) 'Study on the evaluation of rural land-use conflict intensity', *Journal of Food Agriculture and Environment*, 10, pp. 1479–1482.
- Žurga, G. (2018) 'Project Management in Public Administration. TPM – Total Project Management Maturity Model. The Case of Slovenian Public Administration', *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 53, pp. 144–159.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

LOCAL COMMUNITIES IN DECISION-MAKING ON TERRITORIAL DEVELOPMENT CONFLICTS: THE POTENTIAL OF PROCESS AND PROJECT APPROACHES

I. Miroshnichenko, A. Kolba, L. Shpiro

Inna Miroshnichenko, Vice-Rector for Strategic Development, Head of the Department of State Policy and Public Administration,

Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Alexey Kolba, Professor of the Department of State Policy and Public Administration,

Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890. ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Laura Shpiro, Senior lecturer at the Department of Public Policy and Public Administration,

Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: laurok98@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5409-2922).

Abstract

The article substantiates the author's concept of using the process and project approaches to the participation of local communities in decision-making related to territorial development conflicts. The ability to influence decision-making through institutional mechanisms for coordinating interests is one of the key conditions for using the constructive potential of conflict. The limitation or absence of such opportunities leads to a destructive scenario of conflict development associated with delays in the implementation of development projects or their abandonment. The process approach entails the involvement of communities within the framework of routine political and managerial procedures; its potential in the implementation of development projects is limited. The project approach allows communities to be involved in all stages of project design and implementation, ensuring that they are supported and their interests are considered. The study identifies the main mechanisms of community participation within each approach, the expected outcomes of community partici-

pation, and the differences between the approaches. Typical mistakes in the process of community involvement and their negative consequences are also identified. By analyzing three conflict situations in Krasnodar, the project approach is used to assess their development prospects. Further development of the author's concept and its use in the implementation of regional development projects are highlighted.

Keywords: local communities; development projects; conflicts; decision-making; process approach; project approach; territorial development.

Financial support: The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and of the Kuban Science Foundation in the framework of the scientific project Num. 24-18-20079 «Urban and rural communities in the development policy of the Krasnodar region: practices of solidarity and conflict», <https://rscf.ru/project/24-18-20079>

УДК-316.7:930

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-80-88

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ПАМЯТЬЮ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В 1990-Е ГОДЫ

Н. Н. Самсонова

Самсонова Наталья Николаевна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета, Томский государственный университет; ассистент кафедры государственной политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Аннотация

Рассматриваются особенности концептуализации понятия «культура отмены» как модели трансформации исторической идентичности, исследуются последствия «отмены» для цивилизационных сообществ как субъектов коллективной памяти и коллективного забвения на примере обращения с памятью об СССР после демонтажа советской государственности в период с 1991 по 2000 г. Отмечается политизированный и инструментальный характер практик отмены: инициатором отмены выступила новая политическая элита, использующая стратегию вытеснения альтернативы из поля общественного внимания. Устанавливается, что социально-онтологическими основаниями использования практик отмены выступили политико-идеологические сдвиги, затронувшие в том числе и поле исторической памяти, как основания для выстраивания нового мифа идентичности. Преимущественно практики работы с исторической памятью о советском прошлом в 1990-е годы сводились к использованию стратегий умолчания и дискредитации. К числу механизмов отмены, использованных в данный период, относятся инструментализация процесса реабилитации жертв политических репрессий, направленная на экстраполяцию категории вины с фигур исторических деятелей на советский режим в целом, формирование негативного имиджа оппонента (коммунистической партии), символическая политика (отстранение от практик советского периода). Полноценная проработка советского прошлого, в том числе его травматических страниц, способная привести к формированию устойчивых альтернатив нарративов, не была реализована, оставив открытой возможность подмены подлинных страниц истории эрзац-репрезентациями. Использование забвения как направленной культурной стратегии усугубило эрозию коллективной идентичности, создав риски дезадаптации социального субъекта.

Ключевые слова: «культура отмены»; коллективная память; историческая идентичность; общество травмы.

В последнее десятилетие тематический спектр изучения феномена «культуры отмены» становится все шире, открывая возможности для новых междисциплинарных исследований. Одной из динамично развивающихся предметных областей, уделяющих внимание данной проблематике, является изучение коллективной памяти, выступающей в интеллектуальной традиции М. Хальбвакса маркером социальной дифференциации (Хальбвакс, 2005). Как отмечает Дж. Олик, идея коллективной памяти наиболее широко используется при изучении идентичности для описания представлений о прошлом и мнемонических практик, необходимых для солидаризации группы (Olick, 2007: 85–118). Опираясь на положения процессно-реляционной критики традиционного понимания коллективной памяти как «единого» и определенного явления, отражающего опыт прошлого, и рассматривая коллективную память как процесс интерпретации символически значимых эпизодов минувшего, протекающий под влиянием социально-политических условий, представляем возможным поместить в фокус исследовательского внимания не только отдельные элементы трансформирующихся исторических нарративов, но и факторы, определяющие их изменяющиеся функциональные роли (Emirbayer, 1997).

Коллективная память представляет собой постоянный процесс если не рефлексии, то восприятия (как первичного, так и повторного) отдельно взятых исторических событий в богатстве их причинно-следственных связей. Коллективное памятование имманентно присуще общности, однако единого направления развития этого процесса не существует. Различным образом развивается процесс памятования жертвы и свидетеля, победителей и побежденных. Б. Гизен пишет о «травме преступника», вызванной стремительной деконструкцией положения общности о себе (Gisen, 2014). А. Ассман, исследуя «миф Лангемарка», описывает механизмы функционирования памяти «побежденных», предусматривающие трансформацию позора в героическое величие (Ассман, 2014: 68)), непосредственного носителя травматического переживания и его окружения. Дж. Александер отмечает взаимосвязь между группой – носителем травмы и сообществом, в которое эта группа включена (Дж. Александер, 2012: 23). Под влиянием как психологических, так и культурно-социальных факторов и протекает процесс памятования, выводящий отдельные события то в центр, то на периферию коллективного внимания. Во втором случае, как отмечает А. Ассман, забвение (смещение события на периферию коллективного внимания) является «не просто неизбежным явлением, как бы сопутствующим естественному ходу вещей, росту, самообновлению; забвение представляет собой целенаправленную стратегию развития культуры» (Ассман, 2014: 51). В этом ключе, с опорой на понимание забвения как целенаправленной стратегии развития культуры, и выстроено данное исследование.

Целью исследования выступает определение социально-онтологических и ценностных оснований движения коллективной памяти в русле развенчания символически значимых образов прошлого, выявление механизмов развертывания культуры отмены применительно к образам прошлого, практикам публичной коммеморации и моделям исторической идентичности, а также оценка последствий отмены для цивилизационных сообществ как субъектов коллективной памяти и коллективного забвения на примере обращения с памятью об СССР после демонтажа советской государственности в период с 1991 по 2000 г.

В рамках исследования рассматриваются особенности концептуализации понятия «культура отмены» и возможность экстраполяции данного явления из категории практик остракизма по отношению к отдельно взятому человеку или группе лиц в категорию механизмов исторической памяти. Методологическую основу исследования сформировали структурно-функциональный и рестроспективно-исторический подходы, а также кейс-метод. Использование структурно-функционального подхода позволило выделить практики и технологии работы с исторической памятью о советском прошлом, с помощью которых политическими акторами утверждались определенные интерпретации исторических событий. Применение кейс-метода позволило получить системное представление об особенностях политики исторической памяти в период 1990-х гг. Рестроспективно-исторический подход использован для означения социально-онтологических и ценностных оснований, предопределивших особенности использования практик отмены в рассматриваемый период.

Теоретико-методологические основания исследования «культуры отмены»

В поисках факторов, опосредующих (или препятствующих?) течение процесса памятования как осмысления и переосмысления прошлого, исследователь, особенно российский, неизбежно сталкивается с понятием «культура отмены» как некой парадигмальной конструкцией, вносящей коррективы в процесс мемориального рефлексирования. В то время как взаимосвязь категорий «память» (вне зависимости от того, интерпретируется ли последняя как процесс или константа, воплощенная в обязательных для изучения текстах и коллективно значимых символах) и «идентичность» не вызывает сомнений, постулирование культуры отмены как модели трансформации идентичности, тем более «идентичности исторической», требует более детального рассмотрения и обращения к теоретико-методологическим основаниям исследования культуры отмены.

«Культура отмены» концептуализируется рядом западных ученых как общественное явление, основанное на актуализации морально-этических аспектов жизни гражданского общества (Clarck, 2020). Работая с категорией «культура отмены», многие современные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, подчеркивают ее политизированность и инструментальный характер. Так, С. В. Чугров рассматривает культуру отмены как орудие политического контроля, отмечая экстраполяцию проблемы канселинга из сферы частного в сферу взаимоотношений коллективных субъектов, что «воспринимается обществом как экзистенциальная угроза безопасности нации» (Чугров, 2022: 90). Весьма примечательна прослеженная С. В. Чугровым взаимосвязь между феноменом культуры

отмены и концепцией культурного универсализма «открытого общества» К. Поппера, построенной на необходимости получения в результате принципа фальсификационизма единой трактовки, с опорой на критерий рационального согласия и отрицание дуализма. В результате «переноса подходов логического позитивизма с философии науки на социально-политическую реальность» и были созданы предпосылки для возникновения феномена «культура отмены» (Чугров, 2022: 94).

Ряд отечественных исследователей и практиков рассматривают культуру отмены как «инструмент глобального управления» и новый вид цензурирования. В. И. Якунин характеризует функциональную нагрузку культуры отмены (репрессинга) как идеологическое прикрытие процессов дегуманизации. Объектом отмены в данном случае становится непосредственно культура как совокупность духовного наследия (Якунин, 2023: 9). Схожую позицию занимает и В. Э. Багдасарян, интерпретируя культуру отмены как «новый тоталитаризм» (Багдасарян, 2023: 11).

Если первоначально термин «культура отмены» был сопряжен с публичным порицанием отдельных акторов, то на сегодняшний день подобная концептуализация выглядит избыточным упрощением. Как отмечает В. Н. Сыров, в некотором смысле использование слова «отмена» начинает характеризовать не только формы бойкота, но и изменение оценки значимости (в первую очередь в общественном сознании) различных культурных объектов (Сыров, 2024: 7). Исследователи подчеркивают, что «культура отмены» может выступать удобным инструментом для переосмысления отдельных периодов истории. По замечанию В. В. Василика, отмене могут подлежать «целые пласты истории» (Василик, 2023: 17). Понятие культуры отмены становится связано с политикой памяти, когда государство ставит своей задачей формирование новой идентичности и своего имиджа путем вытеснения традиционных исторических образов на периферию коллективного внимания и создания новой трактовки истории. При этом события прошлого зачастую прорабатываются в контексте «ретроактивной справедливости»: действия, совершенные в прошлом, интерпретируются с точки зрения обновленных и зачастую скороспелых норм нравственности и системы ценностей.

Некое значительное событие, выступавшее ранее поводом для коллективной гордости, может интерпретироваться в негативном ключе, что ведет к конфликту между ценностями настоящего и фактами прошлого, интерпретированными как несоответствующие базовым основам культуры. Спровоцировать подобное может обнаружение подлинных либо сфальсифицированных доказательств, выставяющих события или личности в совершенно ином свете. В этом смысле покушение на «укорененные в ментальности народа образы», как отмечает С. В. Чугров, можно трактовать как стремление уничтожить идентичность нации (Чугров, 2022: 91).

П. Норрис замечает, что «культура отмены» буквально маргинализирует противоположные точки зрения (Norris, 2023). О схожем механизме борьбы с альтернативой пишет и В. Э. Багдасарян, описывая такие методы дискредитации стороны альтернативы, как замалчивание и отмена – исключение противоположной точки зрения из информационного пространства (Багдасарян, 2023: 12). Д. А. Аникин и Р. Ю. Батищев делают вывод, что «культуру отмены можно рассматривать в качестве одной из форм исторического забвения как “инструмента реализации коллективных интересов и представлений посредством формирования или конфигурирования образов прошлого”» (Аникин, Батищев, 2023). Ученые выделяют набор характеристик культуры отмены: публичная манифестация требования об изменении отношения к прошлому, наличие моральных оценок, антиисторизм, презентизм. Необходимо отметить, что ряд исследователей рассматривают государственных деятелей в качестве акторов культуры отмены. В том числе и сами Д. А. Аникин и Р. Ю. Батищев, изучая мемориальные практики в отношении афганской кампании, отмечают, что «при общем дистанцировании государства <...> импульс для реализации практик культуры отмены проистекал именно со стороны государственного актора» (Аникин, Батищев, 2023). В. Н. Сыров указывает, что государство может прямо или косвенно <...> выступить инициатором актуализации дискурса и практик отмены (Сыров, 2024: 17). В исследованиях специфики использования культуры отмены в России отмечается, что механизм отмены иницируется, как правило, элитами с целью защитить свои интересы. Очень важно, как заключают Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов, что первичный взгляд на рассматриваемые события может дать ложную видимость общественной инициативы по «отмене» человека или организации, на самом же деле именно структуры, обладающие властным ресурсом, выступают силой, иницирующей распространение негативного отношения общества к отменяемым объектам (Рустамова, Адрианов, 2023: 42).

«Отмена» как инструмент формирования нарратива «новой России»

Как уже отмечалось ранее, «культура отмены» может выступать инструментом переосмысления отдельных периодов истории. В начале 1990-х гг. новая политическая элита столкнулась с необходимостью упрочения властных позиций как внутри страны, так и на международной арене, что требовало радикальных и последовательных действий во всех областях государственной политики. Процессы выстраивания политического имиджа тесно сопряжены с проблематикой идентичности. Рассматривая идентичность как процесс формирования внутри сообщества устойчивой взаимосвязи на основе массово разделяемых ценностей и общих моделей оценки прошлого, настоящего и образов желаемого будущего, нельзя отрицать, что реструктуризация коллективной идентичности в значительной степени реализуется в плоскости политики исторической памяти как «сферы публичных стратегий в отношении прошлого, т. е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории» (Миллер, 2013: 114). Возникла потребность в официальном историческом нарративе, «смысловой схеме, которая описывает генеалогию макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, и объясняет, каким образом его прошлое определяет настоящее и будущее» (Малинова, 2019: 105), тем самым легитимируя позиции новой власти. В первые годы государственного строительства новая Россия представлялась по контрасту со старой Россией. Формирование нового нарратива происходило с использованием механизмов отмены как формы изменения оценок социально-политических событий прошлого, смещением фокуса общественного внимания с достижений советского периода на спорные и трагичные страницы истории (так, в электоральной кампании Б. Н. Ельцина 1996 г. активно использовалась тема революции как «октябрьской катастрофы») и вытеснения из информационного поля положительных образов советского прошлого, то есть с использованием забвения как направленной культурной стратегии. А. П. Мякшев пишет об использовании культуры отмены (в понимании «культуры ответственности») позднесоветской элитой: «Потенциальной жертве принялись объяснять, что идея “социальной справедливости” – химера <...>, а вот построить общество потребления по-советски, т. е. общество изобилия, где всем по потребностям, можно путем отказа от “надоевшей” советской системы» (Мякшев, 2023: 19).

Исследуя политику памяти 1990-х гг., А. И. Миллер выделяет три ключевых вектора: «покаяние», «осуждение» коммунистического прошлого и создание нового «мифа основания» (Миллер, 2021: 13-15). Первое направление разворачивалось преимущественно в сфере внешней политики, продолжая начатую еще в период нахождения у власти М. С. Горбачёва политику признания секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Руководством Российской Федерации также осуждались трагические события в Катыни и Прибалтике, а также содержание в советских лагерях японских военнопленных. Данная политика была обусловлена необходимостью формирования нового имиджа российского государства на международной арене в контексте радикальных изменений контура внешнеполитических связей. Сопряжено это было и с тем, что в условиях глобализации реконструкция национальной памяти утрачивала направленность исключительно на собственную нацию (Ассман, 2016: 190). По замечанию Р. Козеллека, право на собственную память, которым обладает социальная общность, будет иметь значение лишь в случае признания другими общностями и устойчивой взаимосвязи с их картинами прошлого (Kosseleck, 1995). Таким образом, российскими лидерами перенимались не только западные модели экономической жизни, но каноны памятования, характерные для западного общества.

Демонтаж советской системы представлялся в публичной риторике как «провал советского эксперимента», а период советской государственности интерпретировался, с учетом «идеализации Запада», не как итог всемирной истории, а как «отклонение от магистрального пути». Обоснование реформ было построено на дискредитации советских практик государственного управления и общественной жизни. Как отмечает Н. П. Копосов, «ядром новых исторических представлений» выступило энергичное, хотя и не вполне последовательное отрицание исторического опыта (Копосов, 2011: 120). Строительство государственности на основе нового мифа основания имело фрагментированный характер. Представляется возможным выделить несколько направлений деятельности государства.

1. Реабилитация жертв политических репрессий как инструмент политического воздействия. Особенностью процесса реабилитации 1990-х гг. стала его нацеленность на экстраполяцию категории вины с фигур отдельно взятых исторических деятелей (нарратив сталинских репрессий) на советский (коммунистический) режим в целом. Принципиально новым началом в понимании травматических событий советского прошлого в 1990-е гг. стало законодательное признание факта политических репрессий не только в сталинское, но и досталинское и послесталинское время и изме-

нение типа ответственности за травму с персонифицированной («фигура палача») на коллективную. В то время как постановления Политбюро и Указ Президиума ВС СССР очерчивали временные рамки репрессий сложной формулировкой «репрессии 30–40-х и начала 50-х гг.», а в тексте Декларации ВС ССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» использовались формулировки, возлагавшие ответственность на конкретную историческую фигуру («трагические годы сталинских репрессий», «варварские акции сталинского режима»), Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессии 20–50-х гг.» фактически сдвинул хронологическую границу признания репрессий еще на одно десятилетие, затрагивая эпоху ленинского руководства государством. Особое внимание в Указе уделено мотивам репрессий: «политическим, социальным, национальным, религиозным». Указ обращен и к мировому сообществу (репрессии признаются несовместимыми с «нормами цивилизации»), в нем фиксируются многочисленные нарушения норм права. Закон «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г. вновь расширил хронологические рамки репрессий: в соответствии с ним жертвами политических репрессий признавались лица, «подвергнутые таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г.», то есть с первого дня установления советской власти, «в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида».

2. Формирование негативного имиджа оппонента – коммунистической партии.

В 1991 году Указом Президента Б. Н. Ельцина была запрещена деятельность КПСС, политического актора, ставшего основой советской политической системы и существенно превысившего свои законные полномочия. Партии вменялось в вину использование репрессий как инструмента удержания власти и совершение преступлений против граждан.

3. Символическая политика: отстранение от практик коммунистического периода.

С. В. Мошкин, исследуя обновление календаря государственных праздников, описывает стратегию забвения годовщины Октябрьской революции как «путь постепенного игнорирования»: отмена официального выходного дня, изменение символической нагрузки даты – с 1996 г. 7 ноября отмечался День согласия и примирения (вплоть до 2004 г.) (Мошкин, 2020: 118). Также была изменена государственная символика: флаг, герб и гимн. Запущен процесс переименования городов и улиц. В 1991 г. было прекращено функционирование пионерской и комсомольской организаций.

Говоря о публичной манифестации требований об изменении отношения к прошлому (Аникин, Батищев, 2023), необходимо отметить появление негосударственных акторов политики памяти: профессиональных историков, отказывавшихся от «формационного подхода к истории», а также представителей «контрпамяти» среди отдельных социальных, этнических, религиозных групп, пострадавших от политических репрессий в советский период (например, казачество). Таким образом, как в отношении международной политики, так и в отношении политики внутренней речь шла о реконцептуализации исторического пути России, причем в случае международной политики это было обусловлено в первую очередь потребностью в выстраивании новой системы дипломатических отношений.

Рассмотрим последовательно эффективность приведенных выше механизмов отмены.

1. Не отрицая безусловную значимость реабилитации жертв политических репрессий в правовом поле, нельзя не отметить, что этот процесс имел преимущественно декларативный характер. Применяя методологию *trauma studies*, представляем возможным подчеркнуть следующую особенность канселинга, переводящую его из категории «инструментов обеспечения равенства» в категорию механизмов, усугубляющих общественный дисбаланс. Даже если процедура отмены инициирована как реакция на действительно травматические события, нарушившие актуальные правовые и этические основы сообщества, она едва ли способствует преодолению травмы (индивидуальной и коллективной). Собственно явление отмены делает жертву травматического события (действия или высказывания) своего рода фигурой умолчания: фокус внимания практически полностью смещается на «виновного». Формат отмены блокирует аналитический импульс, не позволяя в полной мере выстроить нарратив, необходимый для преодоления нерепрезентируемости травматического опыта (Самсонова, 2023: 6472).

2. Хотя судебный процесс с участием КПСС и получил широкий общественный резонанс, он не привел к дискредитации советского режима. Незаконным было признано слияние партии и государства, а также получение партией государственного имущества, но в итоге на политической арене появилась партия КПрФ, выступившая фактически идеологической преемницей советской компартии и сплотившая вокруг себя сторонников советской модели государственности.

3. Символическая политика, построенная на дистанцировании от советских культурных практик, не была в полной мере успешной по ряду причин. Во-первых, демонтаж советской системы оказался своего рода травматическим событием для широких слоев населения (в соответствии с теорией П. Штопка, «травма – это коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические» (Штопка, 2001: 10)). В основе коллективной исторической травмы лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. Избранная новым руководством страны стратегия «игнорирования» советского прошлого не способствовала преодолению возникшего кризиса идентичности. Распад СССР, как резкое и глубинное социальное изменение, повлек за собой утрату чувства принадлежности людей к единой общности. Новое же руководство, сфокусировавшись преимущественно на дискредитации политических оппонентов, не смогло в первые годы своей деятельности предложить весомых альтернативных символических конструкций, способных объединить представителей разных социальных групп и поколений.

Во-вторых, экономические трудности периода радикальных рыночных реформ вызвали у значительного числа населения разочарование в идеальном образе либерального Запада. Описывая специфические черты либеральной политики 1990-х гг., Ж. Т. Тощенко обратил внимание на роль в создании общества травмы (Тощенко, 2020). Одной из важнейших характеристик российского «общества травмы» является потеря большинством населения стабильности личной и общественной жизни, неустойчивость социально-экономического положения, неуверенность в гарантиях будущего. В подобных условиях возникновение ресентимента советского толка было естественно.

В-третьих, политика отмены, построенная на трансляции западных ценностей в пик популярности, имела недостаточно культурно-символического резонанса с аудиторией. Не был сформирован и визуальный режим для трансляции новых ценностей. Память же общества, как писал М. Хальбвакс, «исчезает медленно, на пограничных краях» (Хальбвакс, 2005), что обусловило сохранение в общественном сознании узнаваемых образов советского прошлого. Результаты выборов 1996 г. обозначили симпатию значительной части электората к кандидату от коммунистической партии. Это заставило политическую элиту пересмотреть стратегию обращения с советским прошлым. В начале 2000-х гг. основой российской исторической политики стала идея преемственности, положившая начало реабилитации памяти о советском государстве.

Заключение

Анализируя последствия практик отмены 1990-х гг., следует отметить, что подобные практики лишь усугубили кризис идентичности, последовавший за демонтажем советской государственности. Для характеристики общественных последствий представляется возможным использовать предложенные Д. Ла Капрой травматические категории *absence* («структурное отсутствие») и *loss* («исторические утраты») (La Capra, 1999). Утрата исторична, сопряжена с конкретными общественными институтами и объектами, отсутствие преимущественно антиисторично, имеет абстрактный характер, строится на обращении к утраченным идеалам. Такой конструкт особенно опасен в вопросах политической пропаганды: людей с неясной природой тревоги легко убедить, что они тревожатся именно после утраты того, что на самом деле никогда не имели, и склонить к дестабилизирующим обществом действиям. Используя практики отмены как целенаправленную стратегию воздействия на общественное сознание, не прорабатывая в публичном пространстве травматические последствия распада СССР, новая власть закладывала фундамент нестабильности.

Функциональной нагрузкой мифа основания, «упрощенного, эмоционально нагруженного нарратива, воспринимаемого как нечто самоочевидное» (Малинова, 2010: 104), является популяризация необходимой интерпретации прошлого среди широких слоев населения. Отмена советского прошлого лишила новую власть мифа основания, построенного на идее поступательного развития, братства трудящихся народов, вере в победу мирового социализма. Попытки использовать в качестве мифа основания идеи культурных достижений и либеральной демократии не увенчались успехом, так как их символический язык не был близок населению.

Практики работы с исторической памятью о советском прошлом в 1990-е гг. сводились преимущественно к использованию стратегий умолчания и дискредитации. Использование забвения как направленной культурной стратегии усугубило эрозию коллективной идентичности, создав риски дезадаптации социального субъекта. Полноценная проработка советского прошлого, в том числе его

травматических страниц, способная привести к формированию устойчивых альтернатив нарративов, не была реализована, оставив открытой возможность подмены подлинных страниц истории эрзац-репрезентациями. Социально-онтологическими основаниями использования практик отмены выступили политико-идеологические сдвиги, затронувшие в том числе и поле исторической памяти, как основания для выстраивания нового мифа идентичности. Инициатором отмены выступила новая политическая элита, использующая стратегию вытеснения альтернативы из поля общественного внимания. Необходимо отметить, что использование практик отмены требует каналов медиации и структурированного объяснения причин. Ревизия же исторической памяти в условиях радикальных политико-экономических трансформаций не увенчалась успехом. С одной стороны, фокус общественного внимания в большей степени был направлен на преодоление возникшего экономического кризиса, а не на переосмысление событий отдаленного прошлого. С другой стороны, общество буквально не успевало адаптироваться новой морали, что делало невозможным установление «ретроспективной справедливости».

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-18-0046 «“Культура отмены” как модель трансформации исторической идентичности: социально-философские основания и стратегии концептуализации в условиях цивилизационного трансфера».

Список литературы / References

- Александр, Дж. (2012) ‘Культурная травма и коллективная идентичность’, *Социологический журнал*, 3, сс. 5–40. [Alexander, J. (2012) ‘Cultural Trauma and Collective Memory’ [Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost'], *Sociologicheskij zhurnal*, 3, pp. 5–40. (In Russ.)].
- Аникин, Д. А., Батищев, Р. Ю. (2024) ‘Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России’, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, сс. 172–187. [Anikin, D. A., Batishchev, R. Yu. (2024) “‘We Did Not Send You There’: Media Representations of the War in Afghanistan and the Emergence and Practice of Cancel Culture in Post-Soviet Russia’ [My vas tuda ne posylali]: mediare-prezentatsii voyny v Afganistane i praktiki kul'tury otmeny v postso-vetskoi Rossii], *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, pp. 172–187. (In Russ.)].
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва.: Новое литературное обозрение. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* [Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika]. Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)].
- Багдасарян, В. Э., Василик, В. В., Иерусалимский, Ю. Ю., Лантраторова, Я. В., Мякшев, А. П., Хазанов, А. М., Якунин, В. И. (2023) ‘«Культура отмены»: феномен цивилизационного ostrakizma. Материалы экспертного круглого стола’, *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*, 4, сс. 7–35. [Bagdasaryan, V. H., Vasilik, V. V., Ierusalimsky, Yu. Yu, Lantratova, Ya. V., Myakshev A. P., Khazanov, A. P., Yakunin V. I. (2023) ‘Cancel Culture: the Phenomenon of Civilizational Ostracism. Expert Round Table Materials’ [“Kul'tura otmeni”: fenomen tsivilizatsionnogo ostrakizma. Materialy ekspertnogo kruglogo stola], *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskkiye nauki*, 4, pp. 7–35. (In Russ.)].
- Копосов, Н. П. (2011) *Память строгого режима. История и политика России*. Москва: Новое литературное обозрение. [Koposov, N. P. (2011) *High mode memory. History and politics of Russia* [Pamyat strogogo rezhima. Istoriya i politika Rossii] Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю (2019) ‘Кто и как формирует официальный исторических нарратив? Анализ российских практик’, *Полития*, 3(95), сс. 103–126. [Malinova, O. Yu. (2019) ‘Who Forms Official Historical Narrative and How? (Analysis of Russian Practices)’ [‘Kto i kak formiruyet ofitsial'nyy istoricheskikh narrativ? Analiz rossiyskikh praktik], *Politia*, 3(95), pp. 103–126. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126 EDN: GIXZGM

- Мошкин, С. В. (2020) Политика забвения, или что происходит с «красным днём календаря», *Дискурс-Пи*, 2 (39), сс. 112–127. [Moshkin, S. V. (2020) 'Cruising Toward Oblivion: Or What is Happening to the "Red-Letter Day"' [Politika zabveniya, ili chto proiskhodit s «krasnym dnyom kalendarya»?], *Discourse-P*, 2 (39), pp. 112–127. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2013) 'Роль экспертных сообществ в политике памяти в России', *Полития*, 4 (71), сс. 114–126. [Miller, A. I. (2013) 'The Role of Expert Communities in the Memory Politics in Russia' [Rol' ekspertnykh soobshchestv v politike pamyati v Rossii'], *Politia*, 4 (71), pp. 114–126. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2021) Политика памяти в России 1990-х, *Tempus et Memoria*, 3, сс. 13–18. [Miller, A. I. (2021) Politics of Memory in Russia in 1990s. [Politika pamyati v Rossii 1990], *Tempus et Memoria*, 3, pp. 114–126. (In Russ.)].
- Рустамова, Л. Р., Адрианов, А. К. (2023) '«Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 37–53. [Rustamova, L. R., Adrianov, A. K. (2023) 'Cancel Culture: Conceptualization of the Term and Its Use in Foreign Policy' [«Kul'tura otmeny»: kontseptualizatsiya ponyatiya i yego ispol'zovaniye vo vneshney politike], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 37–53. (In Russ.)].
- Самсонова, Н. Н. (2023) 'Феномен культуры отмены сквозь призму концепта «историческая травма»', *Вопросы политологии*, 23(100), 1, сс. 6468–6576. [Samsonova, N. N. (2023) 'The Phenomenon of Cancel Culture Through the Prism of the Concept of "Historical Trauma"' [«Kul'tura otmeny»: k voprosu o kriteriyakh opredeleniya i pravomernosti primeneniya'], *Voprosy Politologii*, 23(100), 1, pp. 6468–6576. (In Russ.)]. DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.004 EDN: EJXBZR
- Сыров, В. Н. (2024) '«Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомочности применения', *Антиномии*, 24(3), сс. 7–22. [Syrov, V. N. (2024) 'Cancel Culture: On the Criteria for Definition and the Legitimacy of Its Application' [Kultura otmeny»: k voprosu o kriteriyakh opredeleniya i pravomernosti primeneniya'], *Antinomii*, 24(3), pp. 7–22. (In Russ.)].
- Тощенко, Ж. Т. (2020) *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир. [Toshchenko, Zh. T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (experience of theoretical and empirical analysis)* [Obshchestvo travmy: mezhdu evolyutsiyey i revolyutsiyey (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)] Moscow: Ves mir. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-7777-0801-4 EDN: QLXXDD
- Хальбвакс, М. (2005) 'Коллективная и историческая память', *Неприкосновенный запас*, 2. [Halbwachs, M. (2005) 'Collective and Historical Memory' [Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'], *Neprikosnovenny zapas*, 2. (In Russ.)].
- Чугров, С. В. (2022) 'Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 88–98. [Chugrov, S.V. (2022) *Cancel Culture in World Politics; Historical and Philosophical Roots* [Kultura otmeny v mirovoy politike: istoriko-filosofskiye korni], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 88–98. (In Russ.)].
- Штомпка, П. (2001) Социальное изменение как травма, *Социологические исследования*, 1, сс. 6–16. [Sztompka, P. (2001). Social Change as Trauma [Sotsialnoye izmeneniye kak travma], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 6–16. (In Russ.)].
- Clarck, M. D. (2020) Drag Them: A brief etymology of so-called "cancel culture", *Communication and the Public*, 3-4, pp. 1–5.
- Emirbayer, M. (1997) 'Manifesto for a relational sociology', *American Journal of Sociology*, 2, pp. 281–317.
- Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm publishers.
- Kosseleck, R. (1995) *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeite*. Frankfurt a. M.: Schurkamp.
- LaCapra, D. (1999) 'Trauma, Absence, Loss', *Critical Inquiry*, 4, pp. 696–727. DOI: 10.1086/448943
- Norris, P. (2023) 'Cancel Culture: Myth or Reality?', *Political Studies*, 71, pp. 145–174. DOI: 10.1177/00323217211037023 EDN: QHFRSM
- Olick, J. K. (2007) *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

**THE CANCEL CULTURE AS A MODEL OF TRANSFORMATION OF HISTORICAL IDENTITY
ON THE EXAMPLE OF THE TREATMENT OF THE MEMORY OF THE SOVIET PAST
IN THE 1990s**

N. Samsonova

Nataliya Samsonova, Candidate of Political Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, Faculty of Philosophy, Tomsk State University; Assistant of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Russia
E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID 0000-0002-2716-8490).

Abstract

The article examines how "cancel culture" changes historical identity, exploring how "cancellation" affects civilizational communities' collective memory and oblivion on the example of the treatment of the memory of the USSR after the dismantling of Soviet statehood in the period from 1991 to 2000. The politicized and instrumental nature of canceling is noted. The new elite initiated canceling using the strategy of ousting alternatives from public attention. It is established that the socio-ontological grounds for cancellation practices were political and ideological shifts that affected the field of historical memory as a basis for building a new identity myth. The practices of dealing with the historical memory of the USSR were reduced to abolition and discrediting. Canceling includes instrumentalization of the rehabilitation process of victims of political repression, aimed at extrapolating the category of guilt from historical actors to the Soviet regime, formation of a negative image of the opponent, and symbolic politics. A full-fledged review of the Soviet past, including traumatic events, which could lead to the formation of alternative narratives, was not offered, leaving the possibility of replacing authentic historical events with false representations. Oblivion as a cultural strategy has exacerbated the erosion of collective identity, creating risks of maladaptation of the social subject.

Keywords: cancel culture; collective memory; historical identity; trauma society.

Financial support: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465.

УДК-323.1:316.347

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-89-99

ТЕХНОЛОГИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НА УКРАИНЕ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, О. А. Москаленко

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений,

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

E-mail: natalidem93@mail.ru (ORCID: 0000-0002-9620-2410. ResearcherID: ABY-8555-2022).

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений,

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

E-mail: alex.irhin@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7895-550X. ResearcherID: A-4781-2019).

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института общественных наук и международных отношений,

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

E-mail: kerulen@bk.ru (ORCID: 0000-0002-4162-3162. ResearcherID: F-2699-2016).

Аннотация

Посвящена исследованию технологий этнонациональной мобилизации на Украине в сфере публичной политики. Этнонациональная мобилизация рассматривается как сложный многоуровневый процесс, который осуществляется длительное время и выходит за хронологические рамки украинского кризиса. Авторы приходят к выводу, что в этнонациональной мобилизации на Украине ключевую роль играют символическая и историческая политики, которые призваны прежде всего создать национальные символы, исторический нарратив с целью представления России в качестве «колонизаторской империи» и ключевого «врага» украинского народа, а также других этнических групп, проживающих на Украине, для формирования и консолидации нации. Данные действия совершались постепенно по схеме «декоммунизация – деколонизация – дерусификация», то есть изначально в публичном пространстве Украины происходил отказ от советского прошлого, а в дальнейшем прослеживалось отрицание русской культуры в частности и русской идентичности в целом. Кроме того, авторский коллектив выявил ключевые политические технологии этнонациональной мобилизации на Украине в сфере публичной политики, которые сводятся к конструированию национальных мифов, символов и традиций, виктимизации национальной истории, разработке и навязыванию концепции «негативного Другого», «врага», популяризации представлений о неминуемом достижении ключевой цели национальной борьбы – «освобождении» от советской идентичности и вхождении в «свободную Европу».

Ключевые слова: этничность; мобилизация; политические технологии; публичная политика; политические символы; политические мифы; политика памяти; национальная идентичность.

После распада СССР перед политической элитой новых независимых государств постсоветского пространства возникла одна из ключевых внутривнутриполитических задач – формирование национальной идентичности и консолидация постсоветских наций через конструирование новых национальных символов, памятных дат. Данные действия были необходимы прежде всего для получения легитимности и более эффективного управления населением, поскольку сама нация является политическим символом. Как и все символы, она неоднозначна, поэтому политической элите необходимо привлекать на свою сторону различные социальные группы, которые могут интерпретировать значение нации по-своему. Кроме того, использование данной категории пробуждает достаточно сильные чувства у населения, к которым можно апеллировать для достижения различных политических целей. С этой точки зрения национализм представляет собой политическое применение символа нации при

помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение (Вердери, 2002: 298). В данном контексте пример Украины показателен, так как государство было глубоко регионализированной страной, однако после реинтеграции Крыма с Россией были реализованы достаточно эффективные технологии этнонациональной мобилизации, которые снимали региональные политико-культурные различия между украинскими регионами и фактически сводились к перманентному противостоянию с Россией (Ирхин, Демешко, 2023: 29).

Теоретико-методологические основания исследования

Публичная политика – сравнительно молодой концепт политической науки, возникший в середине XX века как потребность в соединении политической теории с публичной практикой современных национальных государств (Мирошниченко, 2014: 354). Существуют различные подходы к определению данного понятия. Авторы исследования будут исходить из того, что у концепта публичной политики два измерения: во-первых, вектор «личность – общество – государство» и, во-вторых, вектор «тайное (скрытое) – открытое», то есть собственно публичность. Иными словами, публичную политику возможно трактовать как процесс подготовки, обсуждения, принятия и реализации властных решений, направленных на преодоление различного рода общественных проблем (Тульчинский, 2019: 11). Кроме того, публичная политика может рассматриваться как поле конкурентной борьбы за право формировать картину действительности, определять степень актуальности тех или иных проблем, а также говорить от имени других агентов. Исходя из этого, в публичной политике важны не только агенты и особенности их коммуникации, но и те условия, в которых они взаимодействуют, те ресурсы, которые они используют (Сунгуров, 2006; Кондрашина, 2009: 47–48). В число основных акторов публичной политики входят государственные органы разных уровней управления, политические партии, средства массовой информации, бизнес-структуры, региональные элиты, общественные организации и движения, научно-экспертное сообщество и т. д. (Беляева, 2011: 80). В контексте данного исследования акцент будет сделан на изучении ключевых инициатив со стороны государственных структур, направленных на реализацию этнонациональной мобилизации на Украине.

Этнонациональная мобилизация является частной формой социальной мобилизации, которая обозначает процесс воздействия органов государственной власти и/или других социальных и политических институтов, агентов на общество в целом или отдельные этнические группы в частности с целью их консолидации в единую национальную общность и приведения в состояние готовности к активным действиям: от выхода на пикет до участия в борьбе с «врагом». При этом под этнонациональной мобилизацией будет подразумеваться не только направление энергии существующей нации и различных этнических групп, проживающих в том или ином государстве, на решение определенных политических задач, но также способ формирования национальной идентичности воображаемого сообщества в политических целях (Цибенко, Цибенко, 2021: 24). Этнонациональная мобилизация представляет сложный процесс и состоит из следующих этапов: 1) конструирование и распространение на государственном уровне национальных традиций, обычаев, символов; 2) политизация национального / этнического наследия; 3) представление национальной / этнической общности, ее культуры и истории в качестве абсолютной, сакральной ценности, которую необходимо защитить от «врага» (Ачкасов, 2016: 32–36).

При этом как публичная политика, так и этнонациональная мобилизация неразрывно связаны с коммуникацией и различными дискурсивными практиками, которые обеспечивают связку реального действия с его интерпретацией в публичном пространстве. Фактически речь идет о фреймах – интерпретативных схемах, упрощающих те или иные социальные процессы посредством избирательного акцентирования на определенных событиях и кодирования объектов воздействия (Ачкасова, 2016: 18). Именно поэтому политическая коммуникация и политический дискурс характеризуются широким применением манипулятивных технологий для обеспечения лояльности общественных групп и масс к решениям национальных политических элит и в последующем – мотивации их к тем или иным действиям (Мирошниченко, 2014: 356–357).

С опорой на эти теоретические подходы в данной статье выявлены и прослежены основные этапы этнонациональной мобилизации на Украине. Она рассматривается как сложный многоуровневый процесс, который осуществляется длительное время и выходит за хронологические рамки украинского кризиса, а также включает в себя отдельные элементы символической политики и политики памяти в качестве инструментов воздействия на социум и формирования необходимых социально-политических представлений в общественном сознании.

**Этнонациональная мобилизация на Украине:
от «декоммунизации» к «деколонизации»**

Функциональная логика мобилизации рождает феномен символически «сгущенной» политической коммуникации, состоящей из символических актов. В данном контексте символы выступают не просто как часть определенных политических действий, а сами политические действия являются национальными символами (Цибенко, Цибенко, 2021: 68). Если расширить данный тезис, то можно сказать, что и идеи обладают символическим значением, поэтому в этнонациональной мобилизации так важны национальные мифы и исторический нарратив, легитимирующие основные идеи, с помощью которых достигается ключевая цель мобилизации – объединение населения для достижения конкретных задач. Кроме того, в современном мире нет более захватывающих символов, чем монументы, Могила Неизвестного Солдата (Андерсон, 2016: 51), архивы, музеи, события, праздники, отдельные личности и так далее, которые, используя термин П. Нора, можно обозначить как места памяти (Нора, 1999: 26-27).

Наиболее значимой идеей-символом на Украине выступает национальная «борьба за независимость». При этом она включает в себя несколько составляющих: «освобождение» от «имперско-советской» идентичности, «колонияльного» статуса, «вхождение» в Европу, а также обретение и сохранение национального самосознания¹.

Разрушение советских символов и, как следствие, совместного прошлого, настоящего и будущего с Россией как страной – правопреемницей Советского Союза осуществлялось на Украине последовательно. Наиболее показательной в данном смысле является политика «декоммунизации», а в последующем политика «деколонизации», элементы которых начали прослеживаться еще с периода перестройки. С конца 1980-х гг. отдельным городам СССР по инициативе местных властей были возвращены старые исторические названия. Знаковым событием этого периода стало решение Киевской городской рады о демонтаже монумента Великой Октябрьской социалистической революции в сентябре 1991 г. Этому предшествовало переименование площади Октябрьской революции в площадь Независимости (Плеханов, 2018: 192-193). В 1990-е гг. в Киеве было переименовано 14 станций метро, причем большинство еще до принятия декоммунизационного законодательства². В дальнейшем подобные действия приобрели более масштабный характер.

Пересмотру подвергались и даты-символы, которые можно рассматривать в качестве так называемой изобретенной традиции, то есть совокупности общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил, ключевой целью которых является внедрение определенных ценностей и норм поведения через повторение тех или иных действий (Хобсбаум, 2000: 48). Традиции могут изобретаться политической элитой как для демонстрации преемственности, так и для разрушения исторических связей с государством / народом и создания новых символических ориентиров с целью формирования необходимого в данный момент национального самосознания. Для достижения указанной цели агенты публичной политики используют различные технологии, добиваясь незаметного и ненавязчивого забывания населением Украины определенных исторических фактов.

Манипулирование памятью (ради конструирования национальной идентичности и при необходимости в последующем этнонациональной мобилизации) становится возможным благодаря средствам варьирования исторического нарратива: события можно интерпретировать необходимым образом, расставить акценты, о чем-то умолчать и т. д. (Поцелуев, 2020: 43-49). Указанные тенденции особенно характерны для наций, желающих приобрести или недавно получивших собственную государственность. Так, Э. Смит отмечает, что историю используют для национального возрождения (Сміт, 1994: 77). При этом «там, где такая история неполная, ее следует порой реконструировать и даже “выдумать” <...>» (Сміт, 1994: 134-135). В процессе нацистроительства прослеживается стремление представить историю нации не только героической, но и как можно более древней. Украина в этом смысле не является исключением. Так, политическая элита представляет Украину не только в качестве европейского государства, но и в качестве единственной правопреемницы Киевской Руси: в 2015 г.

¹ «Вхождение в свободную Европу» – это своеобразный мифополитический обряд перехода, в ходе которого его субъект утрачивает прежнюю, «негативную» (имперско-советскую) идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), становясь неотъемлемой частью «общеевропейского дома» (Березняков, Козлов, 2015: 40).

² 9 квітня виповнилося 5 років, як в Україні розпочалася декомунізація на законодавчому рівні (2020) [Электронный ресурс] // Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті, 09 апр. URL: <https://uinp.gov.ua/pres-centr/novyny/9-kvitnya-vypovnylosya-5-rokiv-yak-v-ukrayini-rozpochalasya-dekomunizaciya-na-zakonodavchomu-rivni> (дата обращения: 09.10.2024).

П. Порошенко издал указ «О чествовании памяти князя Киевского Владимира Великого – создателя средневекового европейского государства Руси – Украины»³, а в 2021 г. В. Зеленским был учрежден День украинской государственности, который связан с Днем крещения Киевской Руси – Украины⁴.

В контексте манипулирования историей и забывания показательным является демонтаж в апреле 2024 г. монумента в честь Переяславской рады 1654 г., расположенного в Киеве под бывшей Аркой дружбы народов, которую переименовали в Арку свободы украинского народа. В публичном пространстве действия, направленные на исключение положительных аспектов совместной истории России и Украины, обосновываются началом СВО. Однако на Украине еще в 2000 г. из числа выходных дней были исключены дни памяти Октябрьской революции 7 и 8 ноября⁵. Фактически уже тогда прослеживалось нарастание отмены советского прошлого, что нашло отражение в отказе от наиболее значимого идеологического события для советской эпохи. В 2014 год традиционный советский праздник День защитника Отечества также был заменен на День защитника Украины⁶ (в 2021 г. переименован в День защитников и защитниц Украины), который украинская политическая элита связывает с днем Покрова пресвятой Богородицы, историей казачества и созданием Украинской повстанческой армии. Кроме того, сакральная дата 9 Мая была перенесена на 8 мая⁷. Выступая с речью ко Дню Победы в 2023 г., президент Зеленский отметил, что «именно 8 мая величие победы над нацизмом вспоминает большинство народов мира»⁸ и «это чистая история, без идеологических примесей»⁹. Тогда же Зеленский подписал указ о том, что 9 мая Украина «вместе со всей свободной Европой» будет отмечать День Европы^{10, 11}. Георгиевская лента в 2014 г. была заменена на общеевропейский символ – красный мак. Более того, для демонстрации единения с Европой в 2014 г. был учрежден День достоинства и свободы, приуроченный к символическим событиям для Украины – к годовщинам начала «оранжевой революции» (2004) и «революции достоинства» (2013–2014)¹².

Параллельно с уничтожением представлений о положительном и успешном совместном прошлом с исторической Россией создавались и популяризировались негативные. В этом контексте наиболее показательным является символ виктимности украинского народа – голодомор, который активно начал использоваться в публичной политике после прихода к власти В. Ющенко (Касьянов, 2009: 37). Важно отметить, что еще первый президент Украины Л. Кравчук стремился консолидировать различные этнические группы в единую украинскую нацию через противостояние общему «врагу» – Советскому Союзу. Так, именно Л. Кравчук содействовал тому, чтобы 60-летие голодомора было отмечено на государственном уровне как «геноцид» украинцев. Он же положил начало коммеморациям, связанным с депортацией народов Крыма (Касьянов, 2019: 157-158). В настоящее время для данного символа виктимности украинского народа изобретена традиция: ежегодно в четвертую субботу ноября проводится акция «Зажги свечу памяти» для чествования памяти «жертв голодомора 1932–1933 гг. и массовых искусственных голодов 1921–1923 и 1946–1947 гг.»¹³. Инициатором проведения данной акции традиционно выступает Институт национальной памяти.

³ Про вшанування пам'яті князя Київського Володимира Великого – творця середньовічної європейської держави Русі-України [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 25 лютого 2015 року № 107/2015. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/107/2015> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴ Про День Української Державності [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 24 серпня 2021 року № 423/2021. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/4232021-39917> (дата обращения: 23.10.2024).

⁵ Про внесення зміни до статті 73 Кодексу законів про працю України [Електронний ресурс]: Закон України від 1 лютого 2000 року № 1421-XIV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1421-14#Text> (дата обращения: 09.10.2024).

⁶ Про День захисника України [Електронний ресурс]: Указ Президента України №806/2014. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/8062014-17816> (дата обращения: 09.09.2024).

⁷ Про День пам'яті та перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років [Електронний ресурс]: Закон України від 29 травня 2023 року № 3107-IX (дата обращения: 07.08.2024). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3107-20#Text>. Указанные действия реализовывались постепенно: с 2015 г. на Украине 9 мая официально отмечался День победы над нацизмом во Второй мировой войне, а 8 мая – День памяти и примирения.

⁸ Рощина О., Кізілов Є. Зеленський зробив 9 травня Днем Європи, а День перемоги запропонував на 8 травня (2023) // *Українська правда (Ukrains'ka pravda)*, 08 мая. URL: <http://surl.li/aoaеur> (дата обращения: 09.07.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Про День Європи [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 08 травня 2023 року № 266/2023. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/266/2023#Text> (дата обращения: 09.07.2024).

¹¹ С 2003 г. до 2023 г. День Европы праздновался в третью субботу мая. Праздник был учрежден Л. Кучмой. См.: Про День Європи [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 19 квітня 2003 року № 339/2003. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/339/2003#Text> (дата обращения: 05.05.2024).

¹² Про День Гідності та Свободи [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 13 листопада 2014 року № 872/2014 URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/872/2014#Text> (дата обращения: 05.05.2024).

¹³ После начала СВО данная акция начала проводиться под названием «Помни о жертвах голодомора. Поддерживай тех, кто борется за Украину».

На Украине прослеживается конструирование негативного восприятия не только советских символов, а в целом российских (имперских, советских и современных). Так, в 2023 г. был принят закон Украины «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии»¹⁴. В этом документе, помимо определения российской политики «преступной» и запрета ее символики, памятных знаков, выдающихся деятелей, географических наименований, связанных с Россией, ставится знак равенства между российской политикой и российской «колониальной политикой»¹⁵. Документ представляет особый интерес, поскольку демонстрирует противопоставление России и Украины не только в конкретный исторический период, а на протяжении различных исторических эпох. Иными словами, историческая Россия демонстрируется в качестве «колонизатора» и «экзистенциального врага» украинского народа¹⁶.

Значение «врага» и пантеона героев в этнонациональной мобилизации на Украине

«Образ врага» является одной из ключевых составляющих этнонациональной мобилизации. При всех отличиях конфликтов и войн существует повторяющийся набор качеств противника – некий «архетип врага», создаваемый по частям, как мозаика. Традиционно «враг» тесно связан с дихотомией «мы» / «они» и изображается в качестве чужака, агрессора, воплощения зла и, наконец, смерти. «Образ врага» относительно легко конструируется (в основе конструкта – чувство страха и беспомощности) и отличается возможностью эффективного использования в этнонациональной мобилизации (Гасанов, 2021: 267-268). Россия традиционно позиционируется в качестве «государства-угрозы» для украинского народа и других этнических групп, проживающих на территории Украины (в данном смысле достаточно показателен крымско-татарский этнос) (Демешко, 2018). Таким образом осуществляется не только консолидация населения против «всеобщей опасности», но и формирование политической нации. Эта тенденция прослеживается в нормативно-правовых документах¹⁷, материалах СМИ, украинском кинематографе¹⁸, различного уровня мероприятиях (выставках, круглых столах и т. д.), на которых Россия обвиняется не только в «колониальной политике», но и в «имперском реваншизме», именуется «рашистским государством»¹⁹, «государством – организатором геноцида» украинского народа²⁰ и других этнических групп²¹. Схожие характеристики России встречаются как в дискурсе действующего главы государства (рис. 1), так и отдельных экс-президентов Украины²².

¹⁴ Про засудження та заборону пропаганди російської імперської політики в Україні і деколонізацію топонімів [Електронний ресурс]: Закон України від 21 березня 2023 року № 3005-IX. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3005-20#Text> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ В 2023 г. специалисты Украинского института национальной памяти подготовили сборник материалов, рекомендаций и документов по выполнению требований указанного закона. См.: Збірник рекомендацій «Про засудження та заборону пропаганди російської імперської політики» (2023) [Електронний ресурс] // *Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті*. URL: <http://surl.li/jygzvq> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁷ Про Голодомор 1932–1933 років в Україні [Електронний ресурс]: Закон України від 28 листопада 2006 року № 376-V. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/376-16#Text> (дата обращения: 05.04.2024); Про заходи у зв'язку з 75-ми роковинами Голодомору 1932–1933 років в Україні [Електронний ресурс]: Указ Президента України № 250/2007. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/2502007-5688> (дата обращения: 05.04.2024) и др.

¹⁸ Манипуляции сознанием украинского общества посредством художественной кинематографии рассмотрены в статье К. П. Курылева (Курылев, 2023).

¹⁹ Серія круглих столів: «Дерусифікація, декомунізація та деколонізація у публічному просторі» (2022) [Електронний ресурс] // *Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті*, 11 мая. URL: <https://uin.gov.ua/pres-centr/anonsy-podiy/seriya-kruglyh-stoliv-derusyfikaciya-dekomunizaciya-ta-dekolonizaciya-u-publichnomu-prostori> (дата обращения: 04.04.2024); У Вінниці відкрилася виставка «Рашизм – це...» (2023) [Електронний ресурс] // *Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті*, 02 июня. URL: <https://uin.gov.ua/pres-centr/novyny/u-vinnyci-vidkrylasya-vystavka-rashyzm-se> (дата обращения: 04.04.2024).

²⁰ «Голод як зброя. Від Леніна до Путіна»: УІНП провів фаховий круглий стіл про використання голоду для геноциду Росією (2023) [Електронний ресурс] // *Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті*, 23 нояб. URL: <https://uin.gov.ua/pres-centr/novyny/golod-yak-zbroya-vid-lenina-do-putina-uinp-proviv-fahovyuy-kruglyy-stil-pro-vykorystannya-golodu-dlya-genocydu-rosiyeuy> (дата обращения: 10.10.2024).

²¹ Інформаційні матеріали до Дня пам'яті жертв геноциду кримськотатарського народу (18 травня) та Дня пам'яті жертв політичних репресій (19 травня) (2024) [Електронний ресурс] // *Офіц. сайт Українського інституту національної пам'яті*, 17 мая. URL: <http://surl.li/kerbvd> (дата обращения: 10.10.2024).

²² Базовые идеологические характеристики образа России как «негативного Другого» в дискурсе пятого президента Украины П. Порошенко см. в работе Д. В. Березнякова, С. В. Козлова (Березняков, Козлов, 2022).

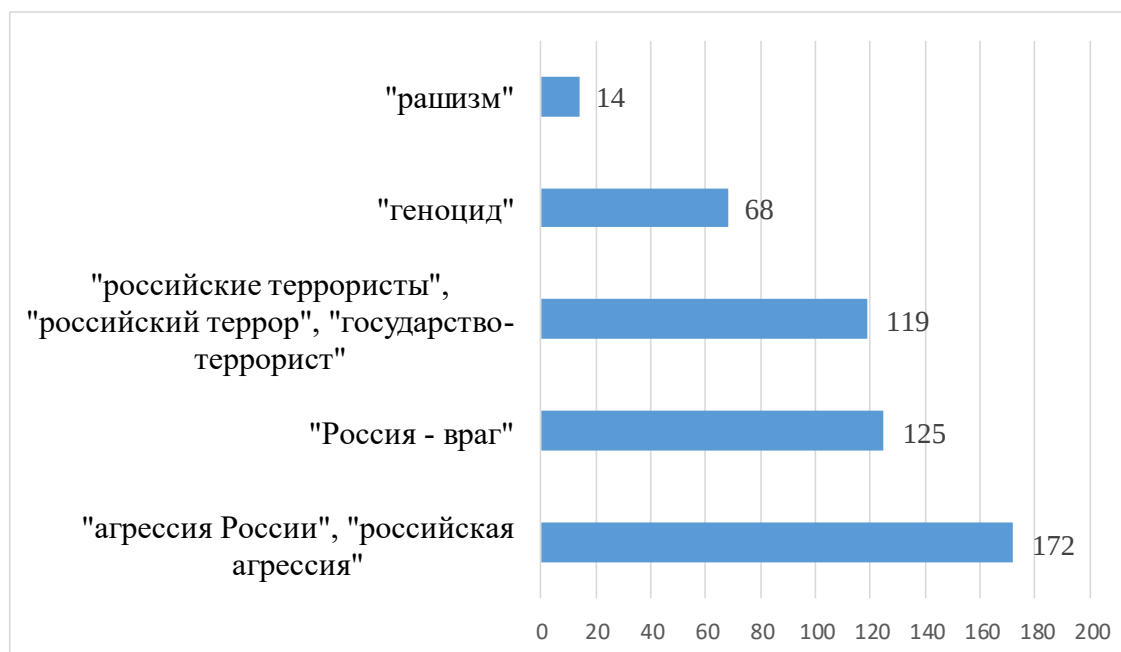

Рис. 1. Мониторинг ключевых характеристик России как «врага» украинского народа на сайте шестого президента Украины В. Зеленского²³

С 1991 года и по сей день в публичном пространстве Украины обретение государственности изображается как освобождение от «колониальной зависимости». Для конструирования национальной идентичности акцентируется противопоставление Украины и России (царской и советской), украинцев и русских как «колонии» – «империи», «жертв» – «угнетателей» (Ефимищ, 2018: 80-81). Подобные оценки совместного прошлого России и Украины характерны не только для политической сферы, но находят отражение как в учебниках, учебных пособиях по истории, так и в публикациях научно-экспертного сообщества²⁴. С целью виктимизации украинского народа и демонизации России для этнонациональной мобилизации населения активно используется и медиапространство (рис. 2).

В противовес «врагу» символом консолидации населения выступает и пантеон героев, который используется для консолидации нации, мифологизации, героизации прошлого этнонациональной группы, а также для демонстрации многовекового противостояния с «врагом». Мониторинг законодательной базы Украины и государственных инициатив позволил сделать вывод, что на Украине в рамках публичной политики прослеживаются следующие тенденции, связанные с формированием национального пантеона героев: 1) этнизация пантеона героев; 2) героизация националистов, например участников таких националистических формирований, как ОУН-УПА²⁵; 3) формирование и популяризация своеобразного некрокульта, выражавшегося в мифологизации «революции достоинства» и жертв происходивших тогда столкновений (так называемой «небесной сотни»), которые лишились жизней ради «светлого будущего» своего государства (Левченков, 2019: 115); 4) включение в национальный пантеон героев Украины участников «полномасштабной войны».

²³ Диаграмма составлена на основании мониторинга официального сайта президента Украины с мая 2019 г. до 5 августа 2024 г. Даты мониторинга соответствуют периоду президентства В. Зеленского, так как на данном сайте размещены материалы, отражающие деятельность действующего президента, а все публикации, касающиеся предыдущих глав государства, удаляются.

²⁴ Кроме того, для закрепления в массовом сознании негативного образа России на Украине реализуются такие проекты, как «Виртуальный музей российской агрессии».

²⁵ Организация запрещена на территории РФ.

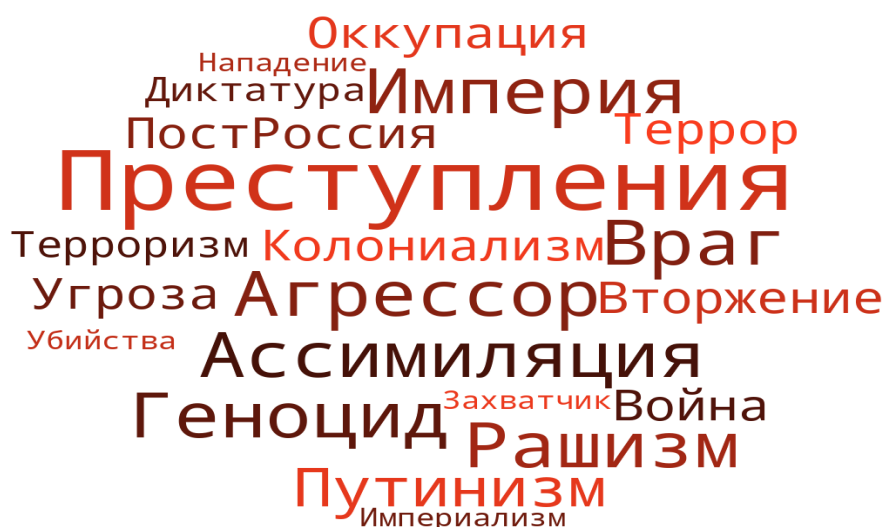

Рис. 2. Облако слов, демонстрирующее ключевые характеристики России в материалах информационного агентства «Укринформ»²⁶

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, в этнонациональной мобилизации на Украине ключевое значение играют символическая и историческая политики, которые призваны прежде всего создать национальные символы, исторический нарратив с целью представления России в качестве «колонизаторской империи» и ключевого «врага» украинского народа, а также других этнических групп, проживающих на Украине, для формирования и консолидации нации. Данные действия совершались постепенно по схеме «декоммунизация – деколонизация – дерусификация», то есть изначально в публичном пространстве Украины происходил отказ от советского прошлого, а в дальнейшем прослеживалось отрицание русской культуры в частности и русской идентичности в целом, которое нашло отражение и в так называемых религиозных войнах²⁷.

Во-вторых, на методологическом уровне можно условно выделить ключевые технологии этнонациональной мобилизации на Украине в сфере публичной политики: 1) конструирование национальных мифов, символов и традиций, которые призваны обеспечить формирование и поддержание национальной идентичности; 2) виктимизация национальной истории, формирование чувства ущемленности и коллективного страха из-за внешней угрозы; 3) разработка и навязывание концепции «негативного Другого», «врага» (роль ключевого «врага» украинской государственности традиционно отводится исторической России), который должен нести ответственность за все трагедии украинского народа; 4) популяризация представлений о неминуемом достижении ключевой цели национальной борьбы – «освобождении» от советской идентичности и вхождении в «свободную Европу».

В-третьих, реинтеграция Украины в сферу влияния России представляется достаточно сложной и проблематичной задачей. На высоком уровне обобщения в государственной политике Украины за последние 30 лет прослеживался волнообразный характер: от украиноцентричности к многовекторности. Многовекторность украинской внешней политики каждый раз сокращала пространство внешнеполитического маневра для Киева, где «цветная революция» и «революция достоинства» были катализаторами политической и цивилизационной перекодировки населения Украины. Эффективность российских интеграционных проектов на постсоветском пространстве в целом и на Украине в частности может быть достигнута за счет выдвижения конкурентоспособной и функциональной ин-

²⁶ Облако слов составлено авторами на основании мониторинга государственного информационного агентства «Укринформ» с 2021 г. по 5 сентября 2024 г. Период мониторинга обусловлен доступностью архива новостей информационного ресурса. Заданный маркер – Россия, российский (-ая, -ие). Интерес представляет тот факт, что данный информационный ресурс ведет рубрику «Битва за Украину», которая направлена на мобилизацию населения к противостоянию с РФ.

²⁷ Авторы подразумевают запрет деятельности Русской православной церкви на Украине. См. МКП: Верховна Рада проголосовала за законопроект «Про захист конституційного ладу у сфері діяльності релігійних організацій» (2024) [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов исполнительной власти Украины, 21 авг. URL: <https://www.kmu.gov.ua/news/mkip-verkhovna-rada-proholosuvava-za-zakonoproekt-pro-zakhyst-konstytutsiinoho-ladu-u-sferi-diialnosti-relihiinykh-orhanizatsii> (дата обращения: 17.10.2024).

теграционной модели, состоящей из инструментально-прагматической и ценностно-смысловой частей: отказ от зависимости как российской, так и украинской экономической системы от мирового финансового центра, сотрудничество постсоветских государств в сфере безопасности, формирование наднациональной идентичности на постсоветском пространстве, разработка и реализация широкого социального проекта.

Список литературы / References

- Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле [Anderson, B. (2016) *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole (In Russ.)].
- Ачкасова, В. А. (2016) 'Феномен мобилизации как коммуникативное явление: онтологический аспект' в: Ачкасова, В. А., Мельник, Г. С. (ред.) *Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации*. Москва: ФЛИНТА: Наука, сс. 8–19. [Achkasova, V. A. (2016) 'The phenomenon of mobilization as a communicative phenomenon: an ontological aspect' [Fenomen mobilizatsii kak kommunikativnoe yavlenie: ontologicheskii aspekt] in: Achkasova, V. A., Melnik, G. S. (ed.) *Communication technologies in the processes of political mobilization* [Kommunikativnye tekhnologii v protsessakh politicheskoi mobilizatsii]. Moscow: FLINTA: Nauka, pp. 8–19. (In Russ.)].
- Ачкасов, В. А. (2016) 'Этнополитическая мобилизация: структура ресурсов и этапы развертывания' в: Ачкасова, В. А., Мельник, Г. С. (ред.) *Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации*. Москва: ФЛИНТА: Наука, сс. 19–38. [Achkasov, V. A. (2016) 'Ethnopolitical mobilization: resource structure and deployment stages' [Etnopoliticheskaya mobilizatsiya: struktura resursov i etapy razvertyvaniya] in: Achkasova, V. A., Melnik, G. S. (ed.) *Communication technologies in the processes of political mobilization* [Kommunikativnye tekhnologii v protsessakh politicheskoi mobilizatsii]. Moscow: FLINTA: Nauka, pp. 19–38. (In Russ.)].
- Беляева, Н. Ю. (2011) 'Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 72–87. [Belyaeva, N. Y. (2011) 'Development of the concept of public policy: attention to "driving forces" and governing entities' [Razvitie kontsepta publicnoi politiki: vnimanie «dvizhushchim silam» i upravlyayushchim sub"ektam], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 72–87. (In Russ.)]. EDN: NRBXGT
- Березняков, Д. В., Козлов, С. В. (2022) 'Россия как конституирующий Другой в президентской риторике Петра Порошенко', *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 21 (6), сс. 69–78. [Bereznyakov, D. V., Kozlov S. V. (2022), 'Russia as the Constitutive Other in the Presidential Rhetoric of Petro Poroshenko' [Rossija kak konstituirujushhij Drugoj v prezidentskoj ritorike Petra Poroshenko], *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 21(6), pp. 69–78. (In Russ.)]. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-69-78 EDN: SQIXIF
- Березняков, Д. В., Козлов, С. В. (2015) 'Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 34–45. [Bereznyakov, D. V., Kozlov, S. V. (2015) 'Symbolic politics in post-soviet Ukraine: construction of the legitimizing narrative' [Simvolicheskaya politika postsovetsoi Ukrainy: konstruirovanie legitimiruyushchego narrativa], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 34–45. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2015.04.05 EDN: TZHURB
- Вердери, К. (2002) 'Куда идут «нация» и «национализм»? в *Нации и национализм*. Москва: Праксис, сс. 297–307. [Verderi, K. (2002) 'Where are "nation" and "nationalism" going?' [Kuda idut «natsiya» i «natsionalizm»?] in: *Nations and nationalism* [Natsii i natsionalizm]. Moscow: Praksis, pp. 297–307. (In Russ.)].
- Гасанов, И. Б. (2021) *Этнические стереотипы: биография концепта*. Москва: Проспект [Gasnov, I. B. (2021) *Ethnic stereotypes: biography of the concept*. Moscow: Prospekt (In Russ.)].
- Демешко, Н. Э. (2018) 'Украинские президенты и крымские татары: проблемы,

- обещания, итоги', *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*, 4 (70), 1. сс. 85–96. [Demeshko, N. E. (2018) 'Ukrainian Presidents and Crimean Tatars: problems, promises, results' [Ukrainskie prezidenty i krymskie tatary: problemy, obeshhanija, itogi], *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*, 4 (70), 1. pp. 85–96. (In Russ.)]. EDN: XRBPNR
- Ефимищ, Н. М. (2018) 'Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 77–90. [Yefimishch, N. M. (2018) 'The Past in the construction national identity: Grand Narratives of Ukraine' [Proshloe v konstruirovanii natsional'noi identichnosti: grand-narrativy Ukrainy], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 77–90. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-77-90 EDN: XSAOCD
- Ирхин, А. А., Демешко, Н. Э. (2023) 'Украина в процессах постсоветской интеграции в период мира: несостоявшийся проект и причины упущенных возможностей', *Международная жизнь*, 1, сс. 26–35. [Irkhin, A. A., Demeshko, N. E. (2023) 'Ukraine in the processes of post-Soviet integration in the period of peace: a failed project and the reasons for missed opportunities' [Ukraina v processah postsovetsoj integracii v period mira: nesostojavshijsja proekt i prichiny upushhennyh vozmozhnostej], *International Affairs*, 1, pp. 26–35. (In Russ.)]. EDN: QBAHAA
- Касьянов, Г. В. (2009) 'Голодомор и строительство нации', *Pro et Contra*, 3-4(46), сс. 24–42. [Kasyanov, G. V. (2009) 'Holodomor and Nation Building' [Golodomor i stroitel'stvo nacii], *Pro et Contra*, 3-4(46), pp. 24–42. (In Russ.)].
- Касьянов, Г. (2019) *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. М.: Новое литературное обозрение [Kasyanov, G. (2019) *Ukraine and its neighbors: historical politics. 1987-2018*. Moscow: New Literary Review (In Russ.)].
- Кондрашина, М. Н. (2009) 'Публичная политика как поле: к вопросу методологии исследования', *Вестник Томского государственного университета*, 327, сс. 45–48. [Kondrashina, M. N. (2009) 'Public policy as a field: on methodology of research' [Publichnaya politika kak pole: k voprosu metodologii issledovaniya], *Bulletin of Tomsk State University*, 327, pp. 45–48. (In Russ.)].
- Курылев, К. П. (2023) 'Кинематограф Украины в постсоветский период: этапы развития, характер и особенности', *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*, 3, сс. 59–78. [Kurylev, K. P. (2023), 'Cinema of Ukraine in the post-Soviet period. Stages of development, character and features' [Kinematograf Ukrainy v postsovetiskij period: jetapy razvitija, harakter i osobennosti], *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations"* Series, 3, pp. 59–78. (In Russ.)]. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-3-59-78 EDN: QYYDNP
- Левченков, А. С. (2019) 'Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 г.', *Россия и современный мир*, 4 (105), сс. 111–126. [Levchenkov, A. S. (2019) 'The «Policy of Memory» in the Context of Ukraine's Foreign Policy in 2014 – Early 2019' [Politika pamjati v kontekste vneshnepoliticheskogo kursa Ukrainy v 2014 – nachale 2019 g.], *Russia and the modern world*, 4 (105), pp. 111–126. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/rsm/2019.04.07 EDN: CTMKDF
- Мирошниченко, И. В. (2014) 'Публичная политика как зонтичная концепция политической науки', *Государственное управление*, 47, сс. 354–376. [Miroshnichenko, I. V. (2014) 'Public Policy as an «Umbrella Concept» of Political Science' [Publichnaya politika kak zontichnaya kontseptsiya politicheskoi nauki], *Public administration*, 47, pp. 354–376. (In Russ.)].
- Нора, П. (1999) *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та [Nora, P. (1999) *France-memory*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Russ.)].
- Плеханов, А. А. (2018) 'Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине', *Политическая наука*, 3, сс. 190–216. [Plekhanov, A. A. (2018) 'Decommuniza-

tion process in post-Soviet Ukraine' [Razrushenie prostranstva sovetskogo simvolicheskogo gospodstva v postsovetskoj Ukraine], *Political science*, 3, pp. 190–216. (In Russ.)). DOI: 10.31249/poln/2018.03.10
EDN: YPENNR

Поцелуев, С. П. (2020) 'Социальная забывчивость как символический ресурс национальной мобилизации (концептуальный аспект)', *Политическая наука*, 3, сс. 42–65. [Potseluev, S. P., (2020) 'Social forgetfulness as a symbolic resource of national mobilization (conceptual aspect)' [Sotsial'naya zabyvchivost' kak simvolicheskii resurs natsional'noi mobilizatsii (kontseptual'nyi aspekt)], *Political science*, 2, pp. 42–65. (In Russ.)). DOI: 10.31249/poln/2020.02.02
EDN: QYFNCS

Сунгуров, А. Ю. (2006) 'Публичная политика как поле взаимодействия и процесс принятия решений' в: Горный, М. Б., Сунгуров, А. Ю. (ред.) *Публичная политика-2005*. СПб.: Норма, сс. 7–15. [Sungurov, A. Yu. (2006) 'Public policy as a field of interaction and decision-making process' [Publichnaja politika kak pole vzaimodejstviya i process prinjatija reshenij] in: Gornyy, M. B., Sungurov, A. Yu. (ed.) *Public Policy-2005* [Publichnaja politika-2005]. St. Petersburg: Norma, pp. 7–15. (In Russ.)).

Тулчинский, Г. Л. (2019) 'Публичная политика как символическая коммуникация. Представление темы', *Публичная политика, Публичная коммуникация и символическая политика*, 3 (1), сс. 8–24. [Tulchinsky, G. L. (2019) 'Public policy as symbolic communication. The topic submission' [Publichnaya politika kak simvolicheskaya kommunikatsiya. Predstavlenie temy], *Public policy, Public communication and symbolic politics*, 3 (1), pp. 8–24. (In Russ.)).

Хобсбаум, Э. (2000) Изобретение традиций [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (Дата обращения: 22 октября 2024). [Hobsbawm, E. (2000) The Invention of Traditions [Izobretenie traditsij] [Online]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (Accessed 22 October 2024).

Цибенко, В. В., Цибенко, С. Н. (2021) *Технологии этнонациональной мобилизации в многокомпонентных обществах (на примере черкесов России и Турции)*. Москва: Весь Мир [Technologies of ethnonational mobilization in multi-component societies (on the example of the Circassians of Russia and Turkey). Moscow: Ves' Mir (In Russ.)).

Сміт, Е. (1994) *Національна ідентичність*. Київ: Основи [Smith, E. (1994) *National identity*. Kiev: Osnovy. (In Ukr.)).

Статья поступила в редакцию: 23.10.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

TECHNOLOGIES OF ETHNO-NATIONAL MOBILIZATION IN UKRAINE IN THE SPHERE OF PUBLIC POLICY

N. Demeshko, A. Irkhin, O. Moskalenko

Natalia Demeshko, PhD in Political Science, Associate Professor at the Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.
E-mail: natalidem93@mail.ru (ORCID: 0000-0002-9620-2410).

Alexander Irkhin, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
E-mail: alex.irhin@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7895-550 X).

Olga Moskalenko, PhD in Philology, Associate Professor at the Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.
E-mail: kerulen@bk.ru (ORCID: 0000-0002-4162-3162).

Abstract

The article studies ethnonational mobilization technologies in Ukraine's public policy. The research methodology uses systematic, communicative, instrumentalist, and semiotic approaches. The paper considers ethnonational mobilization in Ukraine as a complex, multi-level process that has been ongoing for a long time and goes beyond the chronological framework of the Ukrainian crisis. The authors conclude that symbolic and historical politics play a key role in ethnonational mobilization in Ukraine. They are designed to create national symbols and a historical narrative to present Russia as a "colonizing empire" and an "enemy" of the Ukrainian people, and other ethnic groups living in Ukraine, for the formation and consolidation of the nation. This process was gradual: decommunization - decolonization - de-Russification, i.e. first the rejection of the Soviet past in the public space of Ukraine, and then the rejection of Russian culture and identity. Moreover, the key political technologies of ethnonational mobilization in Ukraine in the sphere of public policy are reduced to the construction of national myths, symbols, and traditions, the victimization of national history, the development and imposition of the concept of the "negative other", the "enemy", the popularization of ideas about the imminent achievement of the key goal of the national struggle - "liberation" from the Soviet identity and entry into "free Europe".

Keywords: ethnicity; mobilization; political technologies; public policy; political symbols; political myths; politics of memory; national identity.

УДК-007.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-100-111

ОТВЕТЫ НЕЙРОСЕТЕЙ НА ЗАПРОСЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

А. В. Соколов, Р. В. Габайдулин, Н. А. Сухонина

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374. ResearcherID: C-5767-2018).

Габайдулин Руслан Владимирович, аспирант кафедры социально-политических теорий,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

E-mail: rvgabaydulin@mail.ru (ORCID: 0009-0009-5881-6380).

Сухонина Нина Анатольевна, ассистент кафедры социально-политических теорий,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

E-mail: evametal@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1349-4156).

Аннотация

Рассматривается взаимодействие пользователей с нейросетями в политическом контексте, с акцентом на их влияние на формирование общественного мнения и интерпретацию политических событий. Основная цель работы – выявить факторы, определяющие восприятие ответов нейросетей, включая когнитивные особенности, культурный контекст и уровень доверия к технологиям. Исследование показывает, что, несмотря на высокую функциональность нейросетей, существует ряд проблем, связанных с их адаптацией под аудиторию, таких как предвзятость алгоритмов и недостаточная прозрачность формирования ответов. Кроме того, особую важность в контексте данного исследования приобретает вопрос доверия самих пользователей алгоритмам работы нейросетей. Предложены рекомендации для повышения эффективности нейросетей, включая разработку адаптивных алгоритмов и улучшение обучающих данных. В заключении выделяются важные политические вызовы, связанные с манипуляцией общественным мнением, этической ответственностью политиков, недоверием к информации, цифровым неравенством и угрозами национальной безопасности. Выявленные проблемы подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода и разработки стратегий регулирования, обеспечивающих безопасное и этическое применение нейросетей в общественно-политической жизни, что является ключом к их эффективному использованию в будущем.

Ключевые слова: нейросети; общественное мнение; политология; манипуляция; доверие к технологиям; предвзятость алгоритмов; цифровое неравенство; этическая ответственность; информационная безопасность; адаптивные алгоритмы; обратная связь; искусственный интеллект.

Современные нейросетевые технологии играют все более значимую роль в информационных экосистемах, становясь неотъемлемой частью взаимодействия между людьми и данными. Нейросети используются в самых разных областях: от образования и медицины до политики и общественных наук. В условиях информационного общества, где доступ к данным и их интерпретация становятся ключевыми факторами принятия решений, изучение ответов нейросетей и их восприятия пользователями приобретает исключительную актуальность. Особое значение тема исследования приобретает в политическом контексте. В эпоху цифровой демократии и широкого распространения политического участия в интернете ответы нейросетей могут влиять на формирование общественного мнения, восприятие политических событий и даже выборы. Например, если нейросеть предлагает информацию, содержащую скрытую предвзятость, это может воздействовать на аудиторию, формируя ложные или односторонние представления о политических процессах (Ferrara, 2024). Таким образом, исследова-

ние особенностей восприятия таких ответов становится особенно важным для предотвращения рисков манипуляции.

В условиях стремительного роста технологий искусственного интеллекта особую значимость приобретает понимание того, в какую информационную и ценностную воронку нас погружают нейросети. Алгоритмы, формирующие ответы на запросы, не только предоставляют информацию, но и создают определенный контекст, через который пользователи воспринимают мир. От того, какие данные становятся доступными и какие ценности транслируются через ответы нейросетей, зависит формирование сознания, уровня информированности и критического мышления у аудитории. Этот процесс особенно важен в условиях информационной насыщенности, когда пользователи часто полагаются на нейросети как на «проводников» по сложным темам. Непонимание принципов работы алгоритмов, предвзятости или культурного контекста может привести к искажению представлений, стереотипам и снижению качества информированности. Таким образом, изучение влияния нейросетей на восприятие информации и ее интерпретацию становится ключевым фактором для развития цифровой грамотности и устойчивости общества к манипулятивным практикам. Таким образом, данное исследование позволяет не только углубить понимание взаимодействия между пользователями и нейросетями, но и предложить решения, направленные на минимизацию рисков и оптимизацию применения этих технологий в различных сферах, включая политику и социальные коммуникации.

Теоретический подход

Развитие искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейросетей, предоставляет уникальную возможность исследовать, как компьютерные системы воспринимают и интерпретируют окружающий мир. Нейросети, представляющие собой сложные алгоритмы машинного обучения, способны анализировать и обрабатывать визуальные данные, имитируя аспекты человеческого зрения. Однако изучение ИИ выявляет не только его возможности, но и существенные проблемы для общества. Один из таких аспектов связан с ролью дискурса. Дискурс играет ключевую роль в формировании сознания и интерпретации действительности, так как он определяет рамки и направление понимания информации. Язык и форма, в которой представлена информация, влияют на восприятие и поведение пользователя. Нейросети, будучи инструментами генерации текста и интерпретации контента, сами становятся частью этого дискурса. То, как они преподносят информацию, отбирают данные и предлагают выводы, накладывает отпечаток на наше восприятие информации.

В этом контексте важно, что информационные технологии, включая нейросети, активно создают «воронки» смыслов и так называемые эхокамеры. Эти явления характеризуются тем, что пользователи получают только ту информацию, которая подтверждает их уже существующие взгляды, исключая альтернативные точки зрения. Воронки формируются алгоритмами, которые подстраиваются под предпочтения пользователей, усиливая предвзятость и снижая критическое восприятие. Эхокамеры, в свою очередь, ограничивают доступ к разнообразным дискурсам, создавая иллюзию согласованности и правильности одной точки зрения. Особенно интересно, что подобное манипулятивное воздействие может быть связано не только с осознанным использованием нейросетевых технологий, но и с ошибками самого ИИ, то есть недостаточной управляемостью алгоритмами (Mylrea et al., 2023). Таким образом, нейросетевые технологии становятся посредниками между пользователями и огромными массивами данных, формируя не просто ответы на запросы, но и когнитивные рамки, в которых эти ответы воспринимаются.

Понятие «нейросети» тесно связано с категорией «искусственный интеллект», поэтому целый ряд исследователей уделяют свое внимание их анализу. Так, в статье В. И. Блануца (Блануца, 2020: 69-76) искусственный интеллект рассматривается как область компьютерной науки, занимающаяся созданием систем, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. В статье П. К. Победина «Искусственный интеллект – это способность цифрового компьютера или робота, управляемого компьютером, выполнять задачи, ассоциируемые с разумными существами» (Победин, 2022: 1-8). Стоит отметить, что Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹ определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Все три определения искусственного интел-

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 21.11.2024).

лекта сходятся в том, что ИИ направлен на создание систем, способных решать задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, с помощью имитации когнитивных функций человека.

Д. А. Рыбаков приводит следующее определение: «Нейросети – это компьютерные системы, которые имитируют работу человеческого мозга и способны обрабатывать большие объемы данных» (Рыбаков, 2023). В работе другого исследователя нейронные сети рассматриваются как «совокупность множества искусственных нейронов, которые выполняют множество простых процессов» (Карленок, 2019: 371-373). Существует множество определений данного понятия, поскольку исследователи, основываясь на работах коллег, выводят новые формулировки. Так, в статье Ю. П. Малыгиной (Малыгина, 2018) нейронные сети определяются как инструмент для обработки больших данных, позволяющий эффективно решать множество нетрадиционных задач за короткое время без необходимости в глубоком понимании алгоритмов.

Отметим, что понятия нейронных сетей и ИИ нельзя считать идентичными, хотя они и взаимосвязаны. Можно сказать, что основное отличие между ИИ и нейросетями заключается в том, что ИИ – это общий термин для технологий, имитирующих человеческие способности, в то время как нейросети являются частью ИИ. Они основаны на специализированном применении искусственного интеллекта и предназначены для анализа сложных объемов данных в реальном времени. Таким образом, нейросети – это лишь один из методов реализации искусственного интеллекта.

Итак, нейросеть – это способ реализации (модель) технологий искусственного интеллекта на основе нейросвязей, характерных для человеческого мозга. Роль нейросетей в современном мире широка, так как они оказывают значительное влияние на множество аспектов нашей жизни. В результате развитие нейросетевых технологий привело к значительным изменениям в области обработки естественного языка. В статье М. Н. Жусип, Д. О. Жаксыбаева (Жусип и др., 2024) основными архитектурами, используемыми для создания продвинутых чат-ботов, являются трансформеры, такие как GPT (Generative Pre-trained Transformer) и BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers). Авторы делают выводы, что GPT и BERT – это две популярные архитектуры трансформеров, которые по-разному подходят к обработке текста и решению задач обработки естественного языка (NLP). Оба алгоритма стали основополагающими для развития чат-ботов, но их внутренние механизмы и области применения существенно различаются.

Нейросети представляют собой инструмент для создания текстов, изображений, решения задач и многого другого, но полноценно заменить человека, в силу технологических особенностей, этот инструмент все еще не способен. Е. Воробьева отмечает в своем исследовании, что «на сегодняшний день нейросеть по-прежнему допускает грубые ошибки в интерпретации информации. Самыми частыми признаками, выдающими авторство нейросети, стали фактические ошибки и “сухость” изложения» (Воробьева, 2023: 23-27). Данная цитата и сравнительный анализ в статье демонстрируют, что нейросетям пока сложно отвечать так, как ожидает человек, однако доработка их ответов может сделать эти инструменты полезными.

Целью статьи является выявление особенностей ответов нейросетей на запросы, а также выявление факторов, влияющих на восприятие этих ответов пользователями. Особое внимание уделяется тому, как стиль и содержание ответов могут вызывать различные реакции у пользователей, включая степень доверия и удовлетворенности. Статья подчеркивает важность адаптации нейросетевых алгоритмов к индивидуальным потребностям пользователей для повышения эффективности взаимодействия и минимизации ошибок в интерпретации информации.

Методика исследования

Для достижения цели исследования и ответа на ключевые вопросы о восприятии и интерпретации ответов нейросетей пользователями были использованы три основных метода: проведение фокус-групп, сравнительный анализ ответов различных нейросетей и анализ визуальных образов. Эти подходы обеспечили комплексный анализ исследуемой проблемы.

Метод фокус-групп был использован для изучения особенностей восприятия ответов нейросетей представителями различных социальных и профессиональных групп. Данный метод позволяет выявить глубинные когнитивные и эмоциональные реакции пользователей, их интерпретацию ответов, а также уровень доверия к информации, предоставляемой нейросетями. Результаты исследования базируются на пяти фокус-группах. Три фокус-группы были проведены по возрастному критерию: 1) молодежь (18–35 лет); 2) средний (36–59 лет); 3) старший (60 лет и более). Также были проведены две фокус-группы всех возрастов, репрезентативных по полу и возрасту. Кроме

того, в рамках фокус-групп участникам было предложено оценить тексты (по пять текстов от пяти нейросетей) и группы картинок, сгенерированных различными нейросетями (по семь запросов (групп) картинок от пяти нейросетей). Респондентам предлагалось оценить генерацию нейросети по следующим критериям:

- соответствие запросу;
- удовлетворительность ответа;
- информативность ответа;
- доверие к информации;
- предвзятость информации.

В выборку нейросетей для генерации текстов вошли следующие: ChatGPT, ЯндексGPT, Giga Chat, Bard (Gemini) и Yuanbao. Выборка основана на популярности использования данных нейросетей и стране создания (Россия, Европа, США и Китай).

Для изучения различий в интерпретации запросов и качества ответов использовался метод сравнительного анализа. Пять популярных генеративных нейросетей – ChatGPT, ЯндексGPT, Giga Chat, Bard (Gemini), Yuanbao – были отобраны по следующим критериям: широкое применение пользователями; разнообразие архитектур и обучающих данных; возможность работы на русском языке, что важно для исследования с учетом специфики запросов аудитории.

Каждому ответу была дана экспертная оценка по нескольким параметрам:

- точность и соответствие запросу;
- понятность и доступность языка;
- наличие явной предвзятости или шаблонных фраз;
- семантическое содержание;
- тональность и эмоциональная окраска;
- внутренняя непротиворечивость ответов;
- стиль и длина ответа;
- интерактивность;
- соответствие ожиданиям пользователей (по данным фокус-групп).

Анализ визуальных образов: в разработанной авторской методике было произведено деление по типу подачи информации: текстовый (далее – Т) и визуальный (далее – В), а также по тематическим блокам: Россия в мире (Т), Историческая память (Т/В), Перспективы развития России (Т/В), Образ России (Т/В), Образ россиянина (Т/В) и Самоидентификация ИИ (Т). В качестве источников получения данных по визуальным образам выступили девять нейросетей: ЯндексGPT, Giga Chat, ChatGPT, Gemini, «Шедеврум», Kandinsky, Stable Diffusion, Bard (Gemini), Yuanbao.

Для выявления паттернов в ответах каждой нейросети был использован качественный и количественный контент-анализ. В результате статистической обработки данных была определена частота определенных характеристик (например, эмоциональной окраски, шаблонных фраз) в ответах разных моделей. Семантический анализ выявил плотность ключевых слов, процент ключевых фраз; частотность слов; количество стоп-слов; объем текста: количество символов с пробелами и без пробелов и т. д. Комбинация различных методов позволила выявить, как объективные характеристики ответов нейросетей влияют на их субъективное восприятие пользователями и какие аспекты работы нейросетей вызывают наиболее сильное доверие или, наоборот, критику со стороны аудитории.

Результаты исследования

Современные нейросети становятся все более значимой частью цифровой экосистемы, предоставляя пользователям широкий спектр возможностей – от генерации текстов до анализа данных и создания визуального контента. Однако их универсальность, которая изначально задумывалась как преимущество, сталкивается с рядом сложностей, связанных с восприятием и использованием этих технологий. Таким образом, первую выявленную в ходе исследования проблему можно представить как чрезмерную универсальность подхода нейросетей. Нейросети создают тексты на основе обобщенных моделей, не учитывая культурное и когнитивное разнообразие аудитории. Этот *универсальный* подход приводит к разрыву между ожиданиями пользователей и фактическими ответами. Респонденты из разных возрастных групп, участвовавшие в фокус-группах, по-разному воспринимают ответы нейросетей, что подчеркивает необходимость адаптации технологий под аудиторию.

Несмотря на общую универсальность подхода, сравнительный анализ показал значительную разницу в объеме ответов нейросетей. Например, по критерию семантического содержания Gemini продемонстрировала наибольшую развернутость ответов во всех тематических блоках. Она проявила способность глубоко анализировать сложные темы, предоставляя всесторонние и детализированные ответы. С другой стороны, Giga Chat отменилась самыми краткими ответами, что может свидетельствовать о ее стремлении к минимизации сложности текстов и, возможно, к более быстрым ответам. Тем не менее такая краткость привела к несколько большей вводимости текста по сравнению с другими моделями, указывая на необходимость дальнейшей оптимизации смысловой нагрузки. В частности, в блоке «Политика» разница в количестве символов между Gemini и Giga Chat почти в три раза, причем у Giga Chat вводимость текста немного выше (76,1 % против 72,9 %).

В данном контексте интересны результаты проведенных фокус-группы, которые показали, что молодежь (18–35 лет) предпочитает краткие, четкие ответы, помогающие быстро получить необходимую информацию. Например, нейросети, которые используют маркированные списки или структурированные блоки, оцениваются этой группой как более удобные. В то же время старшее поколение (60+) ценит развернутость, логическую последовательность и пояснения, которые они воспринимают как признак «надежности». У респондентов среднего возраста (36–59 лет) выявить выраженной склонности к кратким или же развернутым ответам не удалось, что можно определить промежуточной позицией, предпочтением баланса между объемом и структурой.

Также респонденты отметили, что нейросети не всегда учитывают специфические культурные коды и контексты. Например, при обсуждении тем, связанных с семьей, некоторые модели уделяют больше внимания гендерным вопросам, что вызывает противоречивую реакцию в разных социальных группах.

Кроме того, наблюдается интересный феномен, который условно можно назвать *эффектом потери фокуса*, вызываемый тем, что универсальный стиль нейросетей часто приводит к тому, что ответы становятся либо слишком общими, либо перегруженными деталями, не соответствующими запросу. Например, длинные тексты, содержащие избыточные сведения, отвлекают пользователей от сути вопроса, вызывая раздражение.

Логично предположить, что нейросети создаются как универсальные инструменты, способные отвечать на вопросы независимо от аудитории. Однако такой подход игнорирует:

- разнообразие когнитивных ожиданий (краткость и развернутость);
- культурные и социальные различия (традиционные и прогрессивные взгляды);
- контекст и цели пользователя (профессиональные запросы и бытовые).

Отсутствие адаптивности вызывает *эффект одинаковости* ответов, что снижает их восприятие как уникальных и полезных, а в определенных случаях выглядит для пользователя предвзятостью или попыткой уйти от ответа (Hagendorff et al., 2024).

Таким образом, восприятие ответов нейросетей варьируется в зависимости от когнитивных, культурных и социальных особенностей аудитории. Универсальность, которая изначально задумывалась как преимущество нейросетей, оборачивается слабостью в сценариях, где требуется индивидуальный подход. Решение проблемы возможно через внедрение адаптивных технологий, структуризацию ответов и активное использование обратной связи. Интересными в данном контексте могут быть механизмы, позволяющие нейросетям учитывать профиль пользователя: возраст, профессиональную сферу и культурный контекст. Это может включать преднастройки для кратких или развернутых ответов, которые пользователь выбирает заранее. В то же время подобные предложения сильно взаимосвязаны с вопросами этики и защиты личных данных. Промежуточной мерой может быть разделение текста на уровни: краткое резюме для тех, кто ищет суть, и подробный анализ для углубленного изучения.

Важной проблемой является и степень доверия к нейросетям. Современные нейросети демонстрируют высокую функциональность, помогая пользователям находить информацию, структурировать данные и решать повседневные задачи. Однако, несмотря на это, многие пользователи выражают сомнения в их достоверности. Основные причины: риск «галлюцинаций», недостоверных данных, отсутствие прозрачности алгоритмов и нежелание брать на себя ответственность за предоставленную информацию. В то же время необходимо учитывать и то, что доверие к нейросетям нельзя рассматривать как статичное: оно меняется в зависимости от контекста (Angerschmid et al., 2022). Например, для запросов, связанных с творческими задачами или бытовыми ситуациями, пользователи, скорее, доверятся результату. Однако в сложных вопросах, требующих аналитического подхода, уровень доверия может резко снижаться.

Большинство участников фокус-групп отметили, что, скорее, доверяют технологиям искусственного интеллекта и нейросетям, в то же время было подчеркнуто, что предоставляемая информация требует обязательной перепроверки: «нейросеть путается в показаниях» (цит.: муж., средний возраст). В результате исследования были выявлены следующие причины отсутствия доверия к нейросетям:

- недостоверность информации, различие в ответах, выдуманная литература;
- тавтология и повторяющаяся информация, не несущая ценностного смысла и галлюцинации (ошибки) нейросети;
- предвзятость по отношению к технологиям («искусственному разуму»);
- излишняя реклама и технические проблемы;
- неспособность решить поставленную задачу;
- отсутствие качественного отечественного программного обеспечения, а «иностранными пользоваться не хочется» (цит.: муж., средний возраст);
- мошенничество и утечка данных;
- «гипноз» — нейросеть «заставляет» пользователя верить в ту информацию, что она предоставляет, даже если эта информация ложна.

Последний представленный фактор представляет собой особую важность ввиду того, что текст, написанный уверенным тоном, вызывает иллюзию достоверности. Респонденты отмечают, что убедительный стиль формулировок иногда «гипнотизирует», заставляя поверить даже в ошибочную информацию. Кроме того, пользователи часто не понимают, на основании чего нейросеть формирует ответы. Это вызывает вопросы об источниках данных, что особенно важно в ситуациях, связанных с профессиональной или политической информацией.

Упомянутая же проблема галлюцинаций заключается в том, что иногда нейросети предоставляют вымышленные данные или недостоверные ссылки либо же искажают генерируемые изображения. Например, респонденты указали на случаи, когда нейросеть создавала «несуществующую» литературу или путалась в известных фактах. Этот фактор снижает уровень доверия к ним и заставляет пользователей искать альтернативные источники. Факт галлюцинаций был выявлен респондентами и при оценке сгенерированных изображений — например, искажение морфологического образа человека на изображении (лишние конечности) и недостоверные образы (китайский флаг на фоне при генерации по запросу «Нарисуй ветерана Великой Отечественной войны» — «Четвертый забавный из-за формы, что-то не то в ней, и флаг больше похож на китайский, хотя это не важно, но все равно мне кажется, что он не проходил войну» (цит.: муж., средний возраст) (рис. 1).

Рис. 1. Образ ветерана ВОВ

Доверие к нейросетям остается динамичным и зависит от множества факторов: контекста, цели использования и уровня прозрачности алгоритмов. Несмотря на высокую функциональность, недоверие возникает из-за недостаточной открытости технологий и частых ошибок в ответах. Решение проблемы возможно через разработку инструментов, которые позволят пользователям лучше пони-

мать, как работает нейросеть, и оценивать достоверность ее ответов (Li et al., 2024). Нейросети могли бы предоставлять информацию о том, как сформирован ответ, какие данные использованы и где это можно проверить. Например, добавление функции ссылок на источники, что могло бы значительно повысить уровень доверия и дать возможность встроенной проверки фактов в режиме реального времени. Это особенно актуально для нейросетей, используемых в научных или профессиональных целях. Иной, ненавязчивой формой повышения доверия могло бы стать указание на уровень достоверности информации (например, «высокая вероятность», «требует уточнения»). Это позволило бы пользователям лучше ориентироваться в предоставленной информации. Подобная мера отвечает запросу на разработку этических стандартов для нейросетей, которые включали бы обязательное уведомление о возможной недостоверности информации.

Предвзятость нейросетей остается одной из ключевых проблем их взаимодействия с пользователями. Основной причиной этого является зависимость алгоритмов от обучающих данных, которые сами по себе могут быть неполными, предвзятыми или ориентированными на конкретные культурные и социальные контексты (Chen et al., 2023). Даже случайная трансляция определенных ценностей нейросетями может восприниматься пользователями как пропаганда. Ответы нейросетей воспринимаются пользователем как отражение определенных ценностных установок, что вызывает как одобрение, так и критику. В рамках фокус-групп в ходе дискуссий неоднократно высказывались опасения, касающиеся угрозы существования скрытых ценностных ориентиров в ответах нейросетей, а также возможной культурной, идеологической и языковой предвзятости. Однако как при оценке текстов респондентами, так и при сравнительном анализе ответов нейросетей такие явления практически не были выявлены.

Вместе с тем определенная степень предвзятости нейросетей была выявлена участниками фокус-групп при оценке изображений – например, по запросу «Какие ассоциации вызывает слово “Россия”?». Респонденты сошлись во мнении, что ориентация на негативные стороны при генерации является предвзятой и совершенно необъективной, что вызывает отвращение и недоверие по отношению к данным нейросетям: «... по второй и четвертой какие ассоциации, что у нас все плохо, все запрещают, ну и вот две стены» (цит.: муж., молодежь). Участниками было передано ощущение, что данные картинки генерировались не с точки зрения российского обывателя, а от представителей других народов и культур, что в значительной степени позволяет говорить пусть и о редкой, но культурной и идеологической предвзятости (рис. 2).

Рис. 2. Ассоциации со словом «Россия»

Проблема предвзятости нейросетей во многом тесно связана с их обучением на данных, отражающих ограниченные или специфические точки зрения. Решение требует как технологических, так и этических подходов. Создание более адаптивных моделей и улучшение прозрачности алгоритмов может снизить восприятие предвзятости, одновременно сохраняя полезность нейросетей для разнообразной аудитории. Например, интересным было бы введение опции, позволяющей пользователю выбирать степень нейтральности ответа: режимы «информационный», «аналитический» или «оценочный» могли бы регулировать тональность и содержание. В то же время очевидна и сложность подобного решения. Куда более вероятным и реализуемым является уже описанное выше повышение

открытости информации, предоставляемой нейросетями. Пользователи должны видеть, какие источники использовались для ответа и как формировалась информация.

Интересны и особенности отражения культурного контекста. При оценке изображения по запросу «Нарисуй образ современной российской семьи» (рис. 3) часть опрошенных отметили, что первая картинка (DALL-E) притягательна, но она напоминает образ типичной американской семьи, знакомый из кинематографа: *«единственное там от России это матрешка»* (цит.: жен., средний возраст). В то же время картинка 2, по мнению опрошенных (Stable Diffusion), наиболее близка к понятию российской семьи, но только в деревнях или до советской эпохи: *«вот вторая больше похожа на русскую семью, но только не современную, как вот раньше жили, а не сейчас»* (цит.: жен., пенсионер). Третья картинка (Fusion Brain) больше напомнила респондентам советскую семью, где, согласно стереотипам, уклад строг и регламентирован, однако, по мнению участников, в современной России семья не является настолько авторитарной и строгой, поэтому данное изображение также не отражает типичную российскую семью, а, скорее, *«вызывает страх какой-то, страшно за ребенка, там как будто бы суд идет»* (цит.: жен., молодежь). Четвертая картинка («Шедевр») в большей положительной степени была оценена респондентами, так как на ней отражена обычная семья в обычном доме, нет ни излишней строгости, ни напряжения. Однако респонденты считают, что это простое изображение любой «нормальной» семьи и особенных черт и признаков для того, чтобы назвать ее российской, не имеется: *«четвертая соответствует нормальной, хорошей семье, но не российской, просто хорошей семье, без привязок к месту»* (цит.: жен., средний возраст). Можно отметить, что респонденты сошлись во мнении, что ни одна из нейросетей не справилась с поставленной задачей. По прочим запросам было отмечено, что нейросети успешно изобразили известные символы России, такие как Красная площадь или матрешки, но изображения не включали современные социальные аспекты, которые могли бы сделать их более релевантными. В целом участники фокус-групп указали, что нейросети либо чрезмерно приукрашивают, либо упрощают представление страны. Например, изображения, ориентированные на природу, воспринимались как неполные, так как игнорировали урбанистические и культурные аспекты современной России, в то же время чересчур урбанизированные изображения теряли культурную окраску, становясь шаблонными.

Рис. 3. Образ современной российской семьи

Одной из причин этих особенностей генерации является то, что нейросети обучаются на обширных, но не всегда сбалансированных наборах данных. Это приводит к тому, что изображения часто ориентированы на самые популярные или распространенные символы, игнорируя уникальные культурные аспекты. Кроме того, генерация изображений происходит без учета аудитории, для которой они создаются. Это приводит к несоответствию между ожиданиями пользователей и реальными визуализациями. Также стоит учитывать и то, что разные группы пользователей интерпретируют одни и те же изображения по-разному. Например, молодежь чаще фокусируется на современных деталях, таких как урбанистические элементы, в то время как старшее поколение ищет в изображениях традиционные или исторические символы.

В этом контексте следует упомянуть и о проблеме эмоциональной составляющей ответов нейросетей. Манера подачи информации нейросетями – их тональность, стиль, выбор слов – играет

важную роль в формировании эмоционального отклика у пользователей. Респонденты по-разному реагируют на ответы, где доминирует уверенный, толерантный или, наоборот, нейтральный тон. Это подчеркивает необходимость более точного подбора стилистических средств в зависимости от запроса и аудитории.

К этой проблеме относится и *эффект гипнотической уверенности*, описанный выше: уверенный и структурированный стиль ответов вызывает у пользователей доверие, но одновременно может приводить к некритическому восприятию информации (Duenser et al., 2023). Респонденты отмечали, что ответы некоторых нейросетей часто звучат настолько убедительно, что создают иллюзию абсолютной достоверности даже при наличии фактических ошибок.

Таким образом, эмоциональная составляющая играет важную роль в восприятии ответов нейросетей. Проблемы однообразия стиля, несоответствия тональности и отсутствия адаптации под запрос пользователя требуют внимания со стороны разработчиков. Решение этих вопросов через внедрение адаптивных алгоритмов и улучшение эмоциональной чувствительности сделает взаимодействие с нейросетями более естественным и удовлетворяющим ожиданиям аудитории. В этом контексте нейросети могли бы предлагать пользователю выбирать стиль ответов: нейтральный, эмоциональный, формальный. Это сделало бы взаимодействие более персонализированным и тем самым значительно улучшило бы пользовательский опыт.

Последняя выявленная проблема заключается в информационной перегрузке, или же необходимости баланса между объемом и качеством информации. Многие нейросети стремятся предоставлять максимально развернутые ответы на запросы пользователей. Однако в погоне за полнотой часто возникает проблема информационной перегрузки. Респонденты отмечали, что нейросети часто включают в свои ответы информацию, которая не имеет отношения к их запросу. Например, при оценке ответа на запрос «Какой политический режим является наиболее оптимальным?» мнения участников разделились исходя из критерия объема информации: часть респондентов выдвинули тезис, что чем больше объемы текста, выданные нейросетью, тем больше вопросов возникает к ней в отношении объективности и предвзятости. Кроме того, слишком длинный текст, включающий в себя нерелевантные данные, заставляет пользователей сомневаться в компетентности нейросети, что в конечном итоге приводит к снижению уровня пользовательского доверия.

В целом информационная перегрузка снижает эффективность взаимодействия пользователей с нейросетями, вызывая усталость, раздражение и потерю доверия. Решение проблемы требует внедрения механизмов структурирования, персонализации и интерактивности, которые позволят пользователям получать релевантную информацию в удобной для них форме. Это повысит не только качество текстов, но и удовлетворенность аудитории. Интересными мерами могли бы стать иерархическая структура ответов (уже активно используемая многими нейросетями), а также интерактивность – пользователи могли бы выбирать, какой объем информации им нужен. Например, после краткого ответа нейросеть могла бы предложить: «Хотите узнать больше? Да / Нет».

Заключение

Исследование показало, что взаимодействие пользователей с нейросетями – это сложный процесс, зависящий от множества факторов: когнитивных особенностей, культурного контекста, стиля подачи информации и доверия к технологиям. Нейросети как универсальный инструмент демонстрируют высокую функциональность, но сталкиваются с рядом проблем, связанных с адаптацией под аудиторию.

Для повышения эффективности нейросетей необходимы следующие меры:

- разработка адаптивных алгоритмов, способных учитывать культурные и возрастные особенности пользователей;
- внедрение прозрачных и гибких механизмов формирования ответов, включая возможность регулировки объема и стиля текста;
- улучшение обучающих данных с целью минимизировать предвзятость и усилить нейтральность ответов;
- углубление и расширение интегрированных инструментов обратной связи, которые позволят пользователям активно участвовать в совершенствовании нейросетевых технологий.

Важно упомянуть и то, что нейросети, несмотря на свою значимость в рамках технологического достижения, несут в себе ряд политических вызовов, которые требуют внимания. Наиболее важными являются следующие:

1. Манипуляция общественным мнением. Отсутствие прозрачности в формировании ответов нейросетей может стать инструментом для политических акторов, стремящихся влиять на массовую аудиторию. Использование предвзятых алгоритмов или избирательных данных может усилить пропаганду или дезинформацию, что представляет угрозу для государства и общества.

2. Этическая ответственность политических лидеров. Нейросети активно применяются в политических кампаниях, например для генерации речей, стратегий или аналитических материалов. Однако это вызывает вопросы об этичности такого подхода. Политическим акторам потребуется выстроить баланс между использованием технологий и сохранением доверия избирателей.

3. Недоверие к информации. Сложности с проверкой источников и «галлюцинациями» нейросетей могут способствовать общему снижению доверия к информации в цифровом пространстве. Это особенно опасно в периоды выборов или политических кризисов, когда общество нуждается в достоверных данных.

4. Рост цифрового неравенства. Нейросети, доступные по подписке или в платных версиях, предоставляют более качественные ответы, что может усиливать цифровое неравенство. Это ставит под угрозу равный доступ граждан к технологическим преимуществам, влияя на их политическую активность и вовлеченность.

5. Национальная безопасность. Зависимость нейросетей от зарубежных технологий может стать угрозой для политической и экономической стабильности страны. Отсутствие локальных решений создает риск утечки данных, манипуляции алгоритмами и ограничивает суверенитет государства в сфере цифровых технологий.

Эти вызовы подтверждают необходимость разработки национальных стратегий регулирования и использования нейросетей, которые обеспечат безопасность, доверие и этическое применение технологий в общественно-политической жизни.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2024-0010 «Политические проблемы ценностно окрашенного искусственного интеллекта».

Список литературы / References

- Блануца, В. И. (2020) 'Государственная политика развития искусственного интеллекта в России: анализ стратегических целей', *Вестник Забайкальского государственного университета*, 8, сс. 69–76. [Blanuca, V. I. (2020) 'State policy for the development of artificial intelligence in Russia: analysis of strategic goals' [Gosudarstvennaya politika razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossii: analiz strategicheskikh celey], *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, pp. 69–76. (In Russ.)].
- Воробьева, Е. (2023) 'Специфика восприятия текста, написанного человеком и нейросетью', *Язык. Культура. Медиакоммуникация*, 1, сс. 23–27. [Vorobyeva, E. (2023) 'The specifics of the perception of text written by a person and a neural network' [Specifika vospriyatiya teksta, napisannogo chelovekom i neyrosetyu], *Yazik. Kultura. Mediakommunikaciya*, 1, pp. 23–27. (In Russ.)]. EDN: LFKLMQ
- Жусип, М. Н., Жаксыбаев, Д. О. (2024) 'Сравнение чат-ботов с использованием трансформеров и нейросетей: исследование применения архитектур GPT и BERT', *Вестник науки*, 9, [online]. [Jusip, M. N., Jaksybaev, D. O. (2024) 'Comparison of chatbots using transformers and neural networks: a study of the use of GPT and BERT architectures' [Sravnenie chat-botov s ispolzovaniem transformerov i neyrosetey: issledovanie primeneniya arhitektur GPT i BERT], *Vestnik nauki*, 9, [Online] (In Russ.)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-chat-botov-s-ispolzovaniem-transformerov-i-neyrosetey-issledovanie-primeneniya-arhitektur-gpt-i-bert> (Accessed 12 December 2024). EDN: DEXNMS
- Карленок, Ю. А. (2019) 'Применение нейронных сетей в экономике', Новые математические методы и компьютерные технологии в проектировании, производстве и научных исследованиях: Материалы XXII Республиканской науч-

- ной конференции студентов и аспирантов, сс. 371–373. [Karlenok, Y.A. (2019) 'The use of neural networks in economics' [Primenenie neyronnih setey v ekonomike], *Novie matematicheskie metodi I kompyuternie tehnologii v proektirovani, proizvodstve I nauchnih issledovaniyah: Materiali XXII Respublikanskoй nauchnoy konferencii studentov I aspirantov*, pp. 371–373. (In Russ.)].
- Малыгина, Ю. П. (2018) 'Нейронные сети: особенности, тенденции, перспективы развития', *Молодой исследователь Дона*, [online]. [Malygina, Y. P. (2018) 'Neural networks: features, trends, development prospects' [Neyronnie seti: osobennosti, tendencii, perspektivi razvitiya], *Molodoy issledovatel Dona*, [Online] (In Russ.)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyronnye-seti-osobennosti-tendentsii-perspektivy-razvitiya> (Accessed 12 December 2024).
- Победин, П. К. (2022) 'Цифровые технологии и искусственный интеллект в политическом прогнозировании, проектировании политических институтов и процессов', *Политконсультант*, 1, сс. 1–8. [Pobedin, P. K. (2022) 'Digital technologies and artificial intelligence in political forecasting, designing political institutions and processes' [Cifrovie tehnologii I iskusstvenniy intellect v politicheskom prognozirovani, proektirovani politicheskikh institutov I processov], *Politkosultant*, 1, pp. 1–8. (In Russ.)]. EDN: GITOSR
- Рыбаков, Д. А. (2023) 'Актуальность и доступность нейросетей в современном обществе', *Компьютерные и информационные науки: Вестник науки журн.*, [online]. [Rybakov, D.A. (2023) 'Relevance and accessibility of neural networks in modern society' [Aktualnost i dostupnost neyrosetey v sovremennom obschestve], *Kompyuternie I informacionnie nauki: Vestnik nauki jurn* [online] (In Russ.)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-i-dostupnost-neyrosetey-v-sovremennom-obshchestve> (Accessed 12 December 2024).
- Angerschmid, A., Theuermann, K., Holzinger, A., Chen, F., Zhou, J. (2024) 'Effects of Fairness and Explanation on Trust in Ethical AI' in *Machine Learning and Knowledge Extraction*, pp. 51–67. DOI: 10.1007/978-3-031-14463-9_4
- Chen, P., Wu, L., Wang, L. (2023) 'AI Fairness in Data Management and Analytics: A Review on Challenges, Methodologies and Applications', *Applied Sciences*, 13(18), [online]. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-3417/13/18/10258> (Accessed 12 December 2024).
- Duenser, A., Douglas, D. (2023) 'Who to Trust, How and Why: Untangling AI Ethics Principles, Trustworthiness and Trust' in *IEEE Intelligent Systems*, pp. 1–8. DOI: 10.1109/MIS.2023.3322586 EDN: DPHVMD
- Ferrara, E. (2024) 'Fairness and Bias in Artificial Intelligence: A Brief Survey of Sources, Impacts, and Mitigation Strategies', *Sci*, 6(1), [online]. Available at: <https://www.mdpi.com/2413-4155/6/1/3> (Accessed 12 December 2024). DOI: 10.3390/sci6010003 EDN: XRHYWG
- Hagendorff, T. (2024) 'Mapping the Ethics of Generative AI: A Comprehensive Scoping Review', *Minds and Machines*, 34(4), [online]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/384084343_Mapping_the_Ethics_of_Generative_AI_A_Comprehensive_Scoping_Review (Accessed 12 December 2024). DOI: 10.1007/s11023-024-09694-w EDN: OUSHRX
- Li, Y., Wu, B., Huang, Y., Luan, S. (2024) 'Developing trustworthy artificial intelligence: insights from research on interpersonal, human-automation, and human-AI trust', *Frontiers in Psychology*, 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1382693 EDN: XPRBCE
- Mylrea, M., Robinson, N. (2023) 'Artificial Intelligence (AI) Trust Framework and Maturity Model: Applying an Entropy Lens to Improve Security, Privacy, and Ethical AI', *Entropy*, 25(10), [online]. Available at: <https://www.mdpi.com/1099-4300/25/10/1429> (Accessed 12 December 2024).

Статья поступила в редакцию: 19.12.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

**NEURAL NETWORK RESPONSES TO USER REQUESTS:
INTERPRETATION AND PERCEPTION FEATURES**

A. Sokolov, R. Gabaydulin, N. Sukhonina

Aleksandr Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Political Theories,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Russia.

E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374. ResearcherID: C-5767-2018).

Ruslan Gabaydulin, Postgraduate Student of the Department of Social and Political Theories,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Russia.

E-mail: rvgabaydulin@mail.ru (ORCID: 0009-0009-5881-6380).

Nina Sukhonina, Assistant of the Department of Social and Political Theories,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Russia.

E-mail: evametal@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1349-4156).

Abstract

The article explores the interaction of users with neural networks in a political context, focusing on their influence on the formation of public opinion and the interpretation of political events. The main purpose of the work is to identify the factors that determine the perception of neural network responses, including cognitive characteristics, cultural context, and the level of trust in technology. The study shows that despite the high functionality of neural networks, there are a number of problems associated with their adaptation to the audience, such as the bias of algorithms and insufficient transparency in response formation. Furthermore, this study pays special attention to the issue of user trust in neural network algorithms. The work offers recommendations for improving the efficiency of neural networks, including the development of adaptive algorithms and improving training data. In conclusion, important political challenges related to the manipulation of public opinion, the ethical responsibility of politicians, distrust of information, digital inequality, and threats to national security are highlighted. The problems identified emphasize the need for an interdisciplinary approach and the development of regulatory strategies that ensure the safe and ethical use of neural networks in public and political life, which is key to their effective use in the future.

Keywords: neural networks; public opinion; political science; manipulation; trust in technology; algorithm bias; digital inequality; ethical responsibility; information security; adaptive algorithms; feedback; artificial intelligence.

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-112-120

OVERLAP OF OAS AND THE MONROE DOCTRINE IN US FOREIGN POLICY

A. Trebukh

Aleksandr Trebukh, PhD Student, World Politics Faculty,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru (ORCID: 0009-0007-2485-2573).

Abstract

This article is to demonstrate actions and the U.S. operational abilities in the usage of the Organization of American States as a tool in implementing their foreign policy interests in Latin America. The organization under consideration is analyzed in the context of the Monroe doctrine at the present stage. The author uses regional security complex. Using a historical approach, the article attempts to trace the importance of this organization for the USA in ensuring its national interests. The author concludes that the OAS is the organizational embodiment of the Monroe doctrine from the U.S. strategic goal setting. It is a key institution, that ensures stability and the existing regional system of international relations forged after World War II. The United States utilizes the Organization of American States as a mechanism to uphold and promote the principles of democratic governance, market-based economic activity, and the protection of human rights. Historically, the OAS has been designed as a tool to exert pressure on unfavorable regimes and to foster a unified hemisphere adhering to liberal-democratic principles of governance. The ultimate goal is to safeguard U.S. national interests and mitigate threats within the regional security complex.

Keywords: The Monroe Doctrine; U.S. foreign policy; OAS; Latin America; U.S. national interests; Western Hemisphere; security complex.

The United States of America are prone to view Latin American countries in a meticulously detailed way, although sometimes they completely neglect the needs and the meaning of this region in its regional foreign strategy. However, arising cyclic structural changes in the regional dynamic of international relations make the United States of America adjust its strategy to the region. Structural changes in the regional system dynamic in the 2010s caused by migration crisis, political changes and mass protests coupled with covid-19 pandemic, a rising role of the People's Republic of China and the inclusion of many Latin American countries into "Belt and Road" program, led to an attempt from the USA to update its foreign policy in the region.

The Organization of American States is one of the crucial pillars of the whole Western Hemisphere political system, within which the USA shape its agenda and promote national interests. At the same time, the history of Washington's relations with the countries of the region over the past two centuries, since the proclamation of the Monroe Doctrine in 1823, bears the imprint of a paternalistic, coercive character associated with attempts to subordinate the region to the foreign policy priorities of the United States of America.

This article is to define if the OAS can be called an organizational multilateral embodiment of the Monroe Doctrine from the U.S. strategic goalsetting. Taking into account the organization's activities at the present stage, this work defines an evolution and interpretation of the main Monroe doctrine ideas by the U.S. political establishment, clarifies the role and place of the OAS for the USA since its creation, characterizes the current state of the U.S. relations with the regional countries on the basis of a number of metrics.

Background

Russian scholars analyzed the following topics in the context of the OAS and the U.S. role in it: the evolution of the OAS and the role of the United States in this organization were researched by Khadorich L.V (Khadorich, 2014a, 2014b, 2014c). In addition, the issues of the evolution of the OAS development are examined in the works of Heifetz V.L. (Heifetz & Khadorich, 2015a, 2015b). Kuteynikov A.E records the

current state of the OAS and analyzes its historical foundations and the role of the United States in it, mentioning several scenarios of development at the present stage (Kuteynikov, 2012). Nelina O.V. touched upon the problems of countering terrorism in the countries of the Western Hemisphere by the OAS (Nelina, 2009). Eremin A.A. analyzed the issue of regional security and the role of the OAS (Eremin, 2020). Sudarev V.P. comprehends the problems of the OAS reforming and the ability of this organization to respond to modern regional challenges (Sudarev, 2020). Strigunov K.S. and Manoilo A.V. point to the role of the OAS as a factor of foreign policy influence on the countries of the region in the context of a Bolivian coup (Strigunov & Manoilo, 2021), and Strashko Ya.I. wrote on the OAS activities to prevent regional conflicts and ensure security in the Western Hemisphere (Strashko, 2015).

The following problems can be traced in the works of foreign researchers: some studied the changing nature of Inter-American multilateralism using the example of the OAS (Therien J.P. et al, 1996), others considered the possibilities and the OAS role in promoting democracy in the region (Olivari, 2014). In addition to the problem of democracy, some scientists also touched upon the issue of human rights in the context of the OAS activities (Martinez, 2013), as well as the relationship of the OAS with other regional associations (Johnson, 2019). Foreign researchers also analyzed the viability of this organization at the present stage (Herz, 2008), modern challenges and future threats to this association (Mace, 2022). The viability issue of inter-American summits within the OAS was examined by Legler T. (Legler, 2013). Some authors researched the problem of the U.S. relations with the OAS (Kusumaningrum, 2019).

Thus, this article aims to fill the gap in studies devoted to the role of the United States and the Monroe Doctrine within the framework of the Organization of American States. The article is based on regional security complex theory. It allows us to examine the U.S. foreign policy in the Organization of American States as a tool in handling the security issues in the Western Hemisphere, as they are perceived in Washington. As Buzan and Waever state, proximity is a main category related to the perception of threats by state actors (Buzan & Waever, 2003: 45). Thus, in this article we focus on the institutional level and attempt to determine whether the origin and principles of OAS are in line with the U.S. strategic interests.

The Monroe Doctrine in the United States foreign policy strategy

The bicentennial of the Monroe Doctrine, proclaimed in 1823, has revived discussions about its historical and political significance for the United States of America in the 21st century. The main tenets of this doctrine are the following statements:

- The United States advocated for the delimitation and inviolability of spheres of influence, defining the Western Hemisphere as its sphere and while recognizing the existing colonies in the region.
- The doctrine clarified the right of the United States to protect its national interests and security in this part of the world.
- The doctrine stated a ban on interference by European countries in the affairs of the Western Hemisphere states, as well as a warning about the inadmissibility of attempts to spread “their systems”, which would be interpreted as a threat to American security¹.
- The Western Hemisphere was being closed for any future colonization attempts.

Adopted and came into effect in 1823, the doctrine worked. Until 1861, there were no attempts by foreign states to interfere in the affairs of the Western Hemisphere countries. The doctrine passed its first test of strength during France’s attempt to establish a monarchy in Mexico, but Napoleon III’s reluctance to enter into an open military conflict with the United States convinced him to withdraw his troops. However, the doctrine itself is not mentioned in any official statement by the American authorities during this conflict (Bancroft, 1896: 42).

The further evolution of the doctrine before the First World War was characterized by the beginning of a consistently hard line based on the principles of non-intervention of European countries in the affairs of the Western Hemisphere. The apogee of this line was the Roosevelt Corollary of 1905, which changed the nature of the doctrine from passive to active. It allowed the United States to intervene in the affairs of countries in the Western Hemisphere if they had “violated the rights of the United States or provoked foreign aggression to the detriment of all nations of the Americas”². This resulted in interventions in a number of Latin

¹ December 2, 1823: Seventh Annual Message (Monroe Doctrine) (1823) [online], *Miller Center*. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine> (accessed: 23 October 2024).

² Theodore Roosevelt to the Monroe Doctrine (1905) [online], *National Archives*. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/roosevelt-corollary> (accessed: 10 October 2024).

American countries (Ricard, 2006: 24), and the doctrine, according to some researchers, began to be used as a justification for them (Bailey, 1974: 505).

The interbellum period was characterized by a discussion of the need for a more active U.S. foreign policy on the world stage and an attempt to legalize the postulates of the doctrine, especially before the Second World War (Spencer, 1936: 405). It was clearly manifested in Article 21 of the Covenant of the League of Nations³. The First World War had a strong impact on Woodrow Wilson who stated that: "the world must be made safe for democracy"⁴. According to him, the Monroe Doctrine was to become a "doctrine of peace", upon the adoption of which no nation should seek to extend its state system to any nation or people, that each nation should determine its own, unthreatened, path of development. Despite this mission to nurture democratic ideals, the situation in the controlled countries remained the same with the changed rhetoric of the U.S. leadership.

The understanding of the Monroe Doctrine that existed before the Good Neighbor Policy of F.D. Roosevelt, who renounced the right of the United States to intervene in the countries of Latin American and the Caribbean, was revised with the beginning of the Cold War and the rise to power of H.S. Truman. Truman refused to amend the doctrine and put forward his own, which resulted in a departure from the limitations of the "traditional" sphere of influence of the United States⁵. In the Western Hemisphere, the United States began to create institutions that would extend the postulates of the Monroe Doctrine to the entire regional system of international relations. One of these institutions was the Inter-American Treaty on Mutual Assistance of 1947 and the Organization of American States that was established later. Their main principle was the postulate of collective defense of the signatory countries in the event of an attack by an extra-regional power on one of the countries in the region⁶.

During the Cold War, the discourse on the Monroe Doctrine began to fade away, only to be revived during the Cuban Missile Crisis, primarily in the American press. The US did not abandon its active position related to intervention in the affairs of Western Hemisphere states, often bypassing OAS decisions.

The "end of history" era was characterized by public debate on the end of the Monroe Doctrine⁷, which began with Clinton's decision to use the United Nations institutions to ensure the protection of democracy in Haiti⁸. With the growing tensions between the United States and major extra-regional actors such as China, Russia and Iran at the beginning of the second decade of the 21st century, the discourse on the Monroe Doctrine in the modern USA has become more active, and references to this policy document have become more frequent from high-ranking politicians in Washington. However, this discourse is undergoing through various metamorphoses: in 2013, Secretary of State John Kerry officially stated that the doctrine was a mistake and announced its end, while simultaneously putting forward the thesis that the LAC countries are now perceived exclusively as equal partners⁹. Just a month before this statement, the head of the State Department claimed that Latin America is the "backyard" of the United States of America¹⁰. Six years later, National Security Advisor to the President John Bolton stated: "the Monroe Doctrine is alive and well"¹¹. Secretary of State Rex Tillerson echoed him¹². All this not only speaks to the absence of a unified American

³ The Covenant of the League of Nations (1919) [online], *United Nations*. URL: <https://www.un Geneva.org/en/about/league-of-nations/covenant> (accessed: 11 October 2024).

⁴ Read President Wilson's 1917 Address on the U.S. Entering World War I. (1917) [online], *TIME*. URL: <https://time.com/4718404/wwi-wilson-request-to-congress/> (accessed: 10 May 2023).

⁵ Truman Doctrine (1947) // *National Archives*. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/truman-doctrine> (accessed: 10 October 2024).

⁶ Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance [online], *Organization of American States*. URL: <https://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-29.html#:~:text=INTER%2DAMERICAN%20TREATY%20OF%20RECIPROCAL%20ASSISTANCE&text=The%20High%20Contracting%20Parties%20formally,Nations%20or%20of%20this%20Treaty> (accessed: 10 April 2024).

⁷ Goodbye, Monroe Doctrine (1994) [online], *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1994/08/13/goodbye-monroe-doctrine/7770f2a0-3259-493b-8103-8d532a2a5dec/> (accessed: 10 April 2024).

⁸ Haiti: restoring a democracy [online], *Clinton digital library*. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/haiti-topic-guide> (accessed: 10 October 2024).

⁹ Kerry Makes It Official: 'Era of Monroe Doctrine Is Over' (2013) [online], *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/BK-WB-41869> (accessed: 10 October 2024).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Let the Monroe Doctrine Die (2019) [online], *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/29/let-the-monroe-doctrine-die-venezuela-bolton/> (accessed: 10 October 2024).

¹² Tillerson Praises Monroe Doctrine, Warns Latin America of 'Imperial' Chinese Ambitions (2018) [online], *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/02/tillerson-praises-monroe-doctrine-warns-latin-america-off-imperial-chinese-ambitions-mexico-south-america-nafta-diplomacy-trump-trade-venezuela-maduro/> (accessed: 04 October 2024).

approach to interaction with the states of the region, but also testifies to the tenacity of the postulates proclaimed 200 years ago.

This perception of the region has not bypassed the administration of J.R. Biden. Despite demonstrating an alternative approach to Trump's policy, he also declared that Latin America is America's "front yard"¹³. In contrast to the offensive "back yard", the new metaphor was supposed to sound like a compliment.

A discourse on the Monroe Doctrine showing the number of its mentions in the English-written press from 1823 to 2019 displays time periods when the attention to the doctrine was the highest: during T. Roosevelt administration, in the beginning of World War II and in the days of Cuban Missile Crisis¹⁴. The evolution of both the doctrine itself and its perception by the American establishment makes it possible to trace its normative significance for U.S. policy strategy in the region. It can be noted that its existence remains on the information agenda of the modern United States, but the growing contradictions between Washington and extra-regional actors do not significantly increase the discussions about the need to revive the doctrine, despite individual statements by officials in power.

The meaning of the Organization of American States

Speaking of the significance of the OAS, it is worth briefly describing the motivation for its creation both from the U.S. and Latin American points of view. For the USA the creation of the organization was necessary for the legalization of the provisions of the Monroe Doctrine and their extension to the entire Inter-American system of international relations being formed under the auspices of American leadership in the region (Thomas & Thomas Jr, 1970: 554). The main goal of creating this organization was to ensure the military-political advantage of the USA in the region in the context of the aggravation of the confrontation between the two political and economic systems: capitalist and communist. For Latin American countries, the motivation for concluding an agreement with Washington was as follows: the OAS was presented to them as an attempt to deepen the development of economic relations with the USA, the absence or weakness of which would significantly slow down the economic growth of Latin American countries.

At the initial stage, the OAS addressed the task of maintaining the political integration of the countries of the Western Hemisphere and preventing the spread of communist systems in the region. To this end, in 1954, a declaration of solidarity was adopted in defense of the political integrity of American states against the intervention of international communism¹⁵. The principles of the Monroe Doctrine were expanded not only to military intervention by extra-regional actors. J. Foster Dulles sought to include the concept of banning foreign ideologies in the American republics in the Inter-American system of international relations and emphasized it to the U.S. National Security Council as an extension of the Monroe Doctrine, leaving for a conference in Caracas in 1954 with this goal in mind¹⁶.

During the years of the Cuban Missile Crisis, the OAS was used by the United States as an institutional means of implementing the principles of the Monroe Doctrine, which resulted in the decision to exclude Cuba from the organization due to the incompatibility of its political regime with the Inter-American system. J. Kennedy stated that the exclusion of Cuba showed the unanimity of the entire Hemisphere on this issue, and the United States itself was trying to implement its national policy in every possible way through the organization and through the entire Hemisphere¹⁷. In 1960, he repeated that a part of the doctrine was alive, and the OAS joined this part. According to him, the paternalistic understanding of the U.S. as a police region had become less important, since the USA are not becoming the region's policeman, but is joining them, bearing in mind the emerging united front of the hemisphere's countries in the fight against attempts to seize power in any of them¹⁸.

¹³ Remarks by President Biden at Press Conference (2022) [online], *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/01/19/remarks-by-president-biden-in-press-conference-6/> (accessed 08 October 2024).

¹⁴ Monroe Doctrine [online], *Google Books Ngram Viewer*. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Monroe+Doctrine&year_start=1823&year_end=2019&corpus=en-2019&smoothing=3# (accessed 10 October 2024).

¹⁵ Caracas Declaration of Solidarity; March. 28, 1954 (1954) [online], *Yale Law School*. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam10.asp#:~:text=This%20declaration%20of%20foreign%20policy,own%20social%20and%20cultural%20life (accessed 10 October 2024).

¹⁶ Memorandum of Discussion at the 189th Meeting of the National Security Council on Thursday, March 18, 1954. (1954) [online], *Office of the Historian*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v04/d77> (accessed 10 October 2024).

¹⁷ The President's News Conference (1962) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-175> (accessed 10 October 2024).

¹⁸ Question and Answer Session Following Speech of Senator John F. Kennedy, Multnomah Hotel, Portland, OR (1960) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/question-and-answer-session-following-speech-senator-john-f-kennedy-multnomah-hotel> (accessed 10 October 2024).

American presidents have also addressed the Organization in other time periods. The most active were the administrations of George W. Bush and Barack Obama. It can be explained by the consequences of globalization, namely the growth of global and non-traditional security threats¹⁹. The trigger for the activation of the U.S. policy towards the OAS was the infamous events of September 11, 2001²⁰. The global financial crisis of 2008 became another reason why the U.S. began to use the OAS's capabilities to restore economic activity in the countries of the region²¹. D. Trump's active policy against the so-called "troika of tyrannies" represented by Cuba, Venezuela and Nicaragua was expressed in the use of the OAS to try to put pressure on these countries. The United States proposed adopting a declaration condemning the violent policy of the Managua regime, facilitating early elections in Nicaragua and taking measures to investigate cases of violence by the Inter-American Commission on Human Rights²². The question of violation of the OAS Charter was raised with regard to Cuba and Venezuela²³. The 46th U.S. presidential administration has also turned to the OAS both to condemn authoritarian regimes²⁴ and to develop measures to protect human rights and the democratic character of the region.

The role of the OAS in English-language discourse from 1949 to 2019 shows a largely downward trend. The peak, when the OAS was discussed in printed materials the most, was the period of the Cuban Missile Crisis. The end of the Cold War shows a sharp decline in mentions of the OAS²⁵.

Dynamics of the U.S. positions in the Western Hemisphere

The significance of the Western Hemisphere in US foreign policy usually was lesser than the importance of other regions. Under George W. Bush administration, a priority was given to the U.S. policy in the Middle East, and with the advent of the B. Obama administration, the so-called "pivot to Asia" was outlined. During the years of D. Trump's rule, the United States demonstratively proclaimed the principle of "America First".

Even before the representative of the U.S. Democratic Party came to power, a platform was published outlining the vision of the U.S. domestic and foreign policy. Thus, the 2020 Democratic Party platform states that the Western Hemisphere is perceived as its own home, cooperation in which with the countries of the region should be based not on coercion, but on sharing common values and responsibilities, and the policy of the former D. Trump administration should be rejected as undermining the interests of American citizens²⁶. At the same time, the Republican Party platform, in effect since 2016, sharply criticizes the Democrats' policy towards Cuba, calls Venezuela an outpost of Iran and a narco-state threatening the countries of Central America²⁷. Published in 2022 National Security Strategy again outlined the goals of moving forward, strengthening economic resilience, increasing the level of security and democratic stability. The need to combat threats posed by extra-regional actors – China, Russia, Iran – was also stated. The 2022 NSC also ranks the Western Hemisphere third after the Indo-Pacific and European regions, indicating the increas-

¹⁹ Joint Statement Between the United States of America and the Republic of Chile (2006) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-statement-between-the-united-states-america-and-the-republic-chile> (accessed 10 October 2024).

²⁰ Press release – Bush Administration Actions Consistent with 9/11 Recommendations (2004) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-release-bush-administration-actions-consistent-with-911-recommendations> (accessed 10 October 2024).

²¹ FACT SHEET: United States Support for Economic Growth and Development in the Caribbean (2013) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fact-sheet-united-states-support-for-economic-growth-and-development-the-caribbean> (accessed 10 October 2024).

²² Statement by the Press Secretary on Nicaragua (2018) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-the-press-secretary-nicaragua-0> (accessed 10 October 2024).

²³ Press briefing by Press Secretary Sarah Sanders (2019) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-press-secretary-sarah-sanders-44> (accessed 10 October 2024).

²⁴ Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki and Secretary Of Commerce Gina Raimondo (2021) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-press-secretary-jen-psaki-and-secretary-commerce-gina-raimondo-0> (accessed 10 October 2024).

²⁵ OAS [online], *Google Books Ngram Viewer*. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=OAS&year_start=1949&year_end=2019&corpus=en-2019&smoothing=3 (accessed 10 October 2024).

²⁶ 2020 Democratic Party Platform (2020) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2020-democratic-party-platform> (accessed 01 October 2024).

²⁷ 2016 Republican Party Platform (2016) [online], *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform> (accessed 01 October 2024).

ing importance of the region for the U.S. officials²⁸. The U.S. National Defense Strategy only briefly confirmed the intention to cooperate with the countries of the region in joint defense against emerging threats²⁹. Thus, in view of the emergence of new threats there is a need to strengthen the U.S. position in the Western Hemisphere and maintain the democratic structure of the regional system.

Moreover, economic competition remains the most vital problem for the U.S. national interests. In trade and economic relations, for the first time, imports of goods from the United States exceeded exports to the Latin American countries in 2019, and then, after a sharp decline against the backdrop of the covid-19 pandemic, actively increased, reaching \$783.9 million in 2023, exceeding exports by \$76.9 million³⁰.

Accordingly, the U.S. trade balance with the countries of the region over the past 10 years shows negative dynamics³¹. At the same time, as a percentage of all imports to the U.S., the countries of the Western Hemisphere make up 20.5%, having increased by 1% over the past decade, and exports make up 23.2% of all the U.S. exports, having decreased by 1.4% over 10 years³². These changes can be taken as an error, since the share of imports and exports in trade with the countries of this region for the U.S. has remained at a stable level for 10 years.

Bilateral investments show a much more interesting dynamic: for example, the U.S. investments in the Western Hemisphere countries increased from \$788.7 million in 2013 to \$1.037 billion by 2022, reaching \$1 billion in 2017 and remaining stable there until 2022³³. Reverse investments from the countries of the region to the U.S. have doubled over the decade: from \$100.4 million in 2013 to \$211.8 million in 2022³⁴. These data may indicate a weak, but still growing, bilateral interest in trade and economic relations. Historically, for more than a quarter of a century, foreign direct investments from the USA to Latin America have shown stable growth³⁵.

The Western Hemisphere accounts for 22.4% of all direct foreign investments from the USA. In total, investments in the Western Hemisphere countries are one and a half times greater than the U.S. investments in the Asia-Pacific region, but are more than twice as low as investments in Europe³⁶. At the same time, the main trading partners of the United States in the region remain the most developed economies, with which the USA both increased the degree of bilateral economic ties and increased investments in their national economies³⁷. One of the main problems facing the countries of the region is the debt problem. According to the United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, the vast majority of countries south of the Rio Grande increased their public debt from 2012 to 2021³⁸. This undoubtedly soared the dependence of these countries on the influx of foreign investment and major creditor countries.

* * *

In summary, a number of conclusions can be drawn regarding the role and place of the OAS in the U.S. foreign policy strategy. Firstly, the OAS is essentially an organizational and institutional embodiment of the provisions of the Monroe Doctrine, which was recorded in its statutory documents. Secondly, the Organization is used by the United States of America as a means by which the existing structure of the regional system of international relations and security complexes, based on the principles of free trade and liberal democracy, is maintained. Thirdly, the OAS is used by the United States of America to put pressure on coun-

²⁸ National Security Strategy of the United States of America (2022) [online], *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 01 October 2024).

²⁹ National Defense Strategy of the United States of America (2022) [online], *Department of Defense*. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1183514.pdf> (accessed 01 October 2024).

³⁰ U.S. international trade in goods and services. Latin America and Other Western Hemisphere (2024) [online], *U.S. Bureau of Economic Analysis*. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#299> (accessed 01 October 2024).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Balance of Payments and Direct investment Position Data (2024) [online], *U.S. Bureau of Economic Analysis*. URL: <https://www.bea.gov/international/di1usdbal> (accessed 10 October 2024).

³⁶ Direct Investment by Country and Industry (2024) [online], *U.S. Bureau of Economic Analysis*. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/direct-investment-country-and-industry> (accessed 10 October 2024).

³⁷ International Trade in Goods and Services (2024) [online], *U.S. Bureau of Economic Analysis*. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 04 October 2024).

³⁸ Public debt and development distress in Latin America and the Caribbean (2023) [online], *ECLAC*. P. 15. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/d84a5041-0a2c-4b8e-9b01-d91b187477ce/content> (accessed 01 October 2024).

tries attempting to violate these principles. However, given the economic and political importance of the region, as well as the intensification of the policy of non-regional actors in the Western Hemisphere, the USA has not developed a clear strategic vision for using its capabilities in the organization. Its role for the USA is doctrinally defined as significant, but there is practically a lack of attention to its mechanisms. This leads to both discussions about whether the OAS will be viable in the medium term, and the lack of a bipartisan consensus on an accelerated procedure for appointing a United States representative to the OAS.

Making a forecast for the medium term, the OAS, for all its shortcomings and turbulence of the U.S. policy towards Latin American states, will remain the main institution of multilateral cooperation, human rights protection and dialogue for the countries of the Western Hemisphere. Until alternative regional cooperation projects can achieve the same level of interaction as exists within the framework of the OAS, the USA will have more opportunities to promote its foreign policy interests through the legitimate institution of multilateral cooperation in the Western Hemisphere.

Список литературы / References

- Еремин, А. А. (2020) 'Организация Американских Государств и региональная безопасность', *Аспект-пресс*. 176 с. [Eremmin, A. A. (2020) "OAS and regional security" [Organizacija Amerikanskih Gosudarstv i regional'naja bezopasnost'], *Aspekt-press*, 176 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-7567-1064-9 EDN: IWDDII
- Кутейников, А. Е. (2012) 'ОАГ – Типичная и уникальная международная структура', *Латинская Америка*, (5), сс. 15–31. [Kuteynikov, A. E. "Organization of American States (OAS): A typical and Unique International Structure" [OAG – Tipichnaja i unikal'naja mezhdunarodnaja struktura], *Latinskaya Amerika*, (5), pp. 15–31. (In Russ.).]
- Нелина, О. В. (2009) 'ОАГ в противодействии террористической угрозе: латиноамериканские альтернативы', *Латинская Америка*, 9, сс. 38–44. [Nelina, O. V. (2009) "The OAS in countering the terrorist threat: Latin American alternatives" [OAG v protivodejstvii terroristichej ugroze: latinoamerikanskije al'ternativy], *Latinskaya Amerika*. 2009, 9, pp. 38–44. (In Russ.).] EDN: VIMCRT
- Страшко, Я. И. (2015) 'Особенности современных конфликтов в Латинской Америке и роль ОАГ в урегулировании Фолклендского конфликта', *Вестник МГИМО университета*, 1(40), сс. 177–183. [Strashko, Y. I. (2015) "Modern conflict features in Latin America. The Role of the OAS in the settlement of the Falkland Conflict" [Osobennosti sovremennyh konfliktov v Latinskoj Amerike i rol' OAG v uregulirovanii Folklenskogo konflikta], *MGIMO Review of International Relations*, 1 (40), pp. 177–183. (In Russ.).] DOI: 10.24833/2071-8160-2015-1-40-177-183
- Стригунов, К. С., Манойло, А. В. (2021) 'Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы', *Вестник Томского государственного университета*, 466, сс. 131–142. [Strigunov, K. S., Manojlo, A. V. (2021) "The coup in Bolivia: internal and external factors" [Perevorot v Bolivii: vnutrennie i vneshnie faktory], *Tomsk State University Journal*, 466, pp. 131–142. (In Russ.).] DOI: 10.17223/15617793/466/16 EDN: BMEWHV
- Сударев, В. П. (2020) 'Межамериканская система в очередном тупике?' *Латинская Америка*, (7), сс. 6–14. [Sudarev, V. P. (2020) "The Inter-American system in another deadlock?" [Mezhamerikanskaja sistema v ocherednom tupike?], *Latinskaya Amerika*, (7), pp. 6–14. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0044748X0009858-2 EDN: ZVVTES
- Хадорич, Л. В. (2014) 'ОАГ (OAS) как центральный элемент системы региональной безопасности в Западном полушарии на рубеже веков', *Клио*, 7(91), сс. 106–112. [Khadorich, L. V. (2014) "OAS as a central element of regional safety system in the western hemisphere at the turn of the centuries" [OAG (OAS) kak central'nyj jelement sistemy regional'noj bezopasnosti v Zapadnom polusharii na rubezhe vekov], *Klio*, 7(91), pp. 106–112 (In Russ.).] EDN: SICCBN
- Хадорич, Л. В. (2014) 'ОАГ в начале XXI в.: демократическое развитие и демократическая стабильность', *Клио*, 12(96), сс. 58–67. [Khadorich L. V. (2014) "The Organization of American States (OAS) in the Early 21st Century: Establishment and Stability of Democracy" [OAG v na-

- chale XXI v.: demokraticeskoe razvitie i demokraticeskaja stabil'nost'"], *Klio*, 12(96), pp. 58–67. (In Russ.)). EDN: TEGGWH
- Хадорич, Л. В. (2014) 'Социальное и экономическое развитие Западного полушария: достижения и проблемы ОАГ', *Иберо-американские тетради*, (3), сс. 118–130. [Khadorich L.V. (2014) "Social and Economic Development in the Western Hemisphere: The OAS Achievements and Challenges" [Social'noe i jekonomicheskoe razvitie Zapadnogo polusharija: dostizhenija i problemy OAG'], *Iberoamerican Papers*, (3), pp. 118–130. (In Russ.)). EDN: WYINSJ
- Хейфец, В. Л., Хадорич, Л. В. (2015) 'Эволюция Организации Американских Государств в 90-е гг. XX века', *Мировая политика*, сс. 120–140. [Kheifets V.L., Khadorich L.V. (2015) "The evolution of the Organization of American States in the 90s of the XX century" [Jevoljucija Organizacii Amerikanskih Gosudarstv v 90-e gg. XX veka'], *World Politics*, (2), pp. 120–140. (In Russ.)).
- Хейфец В. Л., Хадорич, Л. В. (2015) "Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК", *Мировая экономика и международные отношения*, (4) сс. 90–100. [Kheifets V. L., Khadorich L. V. (2015) "Latin American between OAS and CELAC" [Latinskaja Amerika mezhdru OAG i SELAK], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), pp. 90–100. (In Russ.)). EDN: TRNTVZ
- Bailey, T. A. (1974) 'A diplomatic history of the American People, 9th ed.', NJ: Prentice. p. 505.
- Bancroft, F. (1896) 'The French in Mexico and the Monroe Doctrine', *Political Science Quarterly*, 11(1), pp. 30–43.
- Buzan, B., Waever, O. (2003) 'Regions and Powers: The Structure of International Security', *Cambridge*. 598 p.
- Herz, M. (2008) 'Does the Organization of American States Matter?', *Regional and Global Axes of Conflict*, 34(2), pp. 1–33.
- Johnson, S. (2019) 'Neorealism and the Organization of American States (OAS): An Examination of CARICOM Rationality Toward Venezuela and the United States', *Sage Open*, 9(4), pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244019887950
- Kusumaningrum, D. N. (2019) 'The United States and Latin America Regional Cooperation: Organization of American States (OAS)', *Jurnal Sosial Politik*, 4(1), pp. 149–167. DOI: 10.22219/sospol.v4i1.5566
- Legler, T. (2013) 'The Rise and Decline of the Summit of the Americas', *JILAR*, (2), pp. 179–193. DOI: 10.1080/13260219.2013.853350
- Mace, G. (2022) 'The Organization of American States (OAS) - Challenges and Visions for the future', *International Organizations: Serbia and Contemporary World*, 2(1), pp. 267–279. DOI: 10.18485/iipe_ioscw.2022.2.ch17
- Martinez, Zela de H. (2013) 'The Organization of American States and Its Quest for Democracy', *Yale Journal of International Affairs* [Online]. Available at: <https://www.yalejournal.org/publications/the-organization-of-american-states-and-its-quest-for-democracy-in-the-americas> (Accessed 31 October 2024)
- Olivari, D. R. (2014) 'The Role of Organization of American States in Promoting Democracy', *International Institute for Democracy and Electoral Assistance*. 31 p. [Online]. Available at: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/the-role-of-the-organization-of-american-states-in-promoting-democracy.pdf> (Accessed 31 October 2024)
- Ricard, S. (2006) 'The Roosevelt Corollary', *Presidential Studies Quarterly*, 36(1), pp. 17–26. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00283.x
- Spencer, J. H. (1936) 'The Monroe Doctrine and the League Covenant', *The American Journal of International Law*, 30(3), pp. 400–413. DOI: 10.2307/2191012
- Therien, J.-P., Fortmann, M., Gosselin, G. (1996) 'The Organization of American States: Restructuring Inter-American Multilateralism', *Global Governance*, 2(2), pp. 215–239. DOI: 10.1163/19426720-002-02-90000005
- Thomas, A. V. M., Thomas, Jr. A. J. (1970) 'The Organization of American States and the Monroe Doctrine - Legal Implications', *Louisiana Law Review*, 30(4), pp. 541–581.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ОАГ И ДОКТРИНЫ МОНРО ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ**

А. Д. Требух

Требух Александр Дмитриевич, аспирант факультета мировой политики,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru (ORCID: 0009-0007-2485-2573).

Аннотация

Рассматривается деятельность США в Организации американских государств с точки зрения ее использования как инструмента по продвижению своих интересов в Латино-Карибской Америке. Анализируется важность для Соединенных Штатов Америки этой региональной организации в контексте доктрины Монро на современном этапе. Используя теорию комплексов региональной безопасности и принцип историзма, авторы предпринимают попытку проследить важность этой организации для США при обеспечении своих национальных интересов. Автор приходит к выводу о том, что Организация американских государств определяется организационным и институциональным воплощением доктрины Монро с точки зрения стратегического целеполагания США и является ключевым политическим институтом, который обеспечивает стабильность существующей региональной системы международных отношений, сформированной после Второй мировой войны. Соединенные Штаты используют ОАГ как средство, с помощью которого поддерживаются и обеспечиваются принципы демократического правления, торгово-экономической активности на основе рыночных идеалов, проводятся меры по защите прав человека. Организация американских государств исторически была спроектирована с целью давления на неудобные режимы и формирования единого полушария, разделяющего либерально-демократические принципы правления.

Ключевые слова: доктрина Монро; внешняя политика США; ОАГ; Латинская Америка; национальные интересы США; Западное полушарие; комплекс региональной безопасности.

УДК-327.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-121-129

РОЛЬ МИНИЛАТЕРАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ США И КИТАЯ

В. И. Михайленко

Михайленко Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений,

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru (ORCID: 0000-0002-2576-212X. Researcher ID: AAA-5964-2019).

Аннотация

Индо-Тихоокеанский регион находится в стадии формирования региональной идентичности и порядка. Важную роль в этом процессе выполняют многосторонние соглашения, такие как АСЕАН, Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение и др. В меньшей степени изучена роль минилатеральных соглашений в архитектуре регионального порядка. В статье содержится теоретическое обоснование роли минилатерализма как модели сотрудничества в интеграционных процессах и организации регионального порядка. На примере стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе изучено использование ими моделей «союз спиц в ступице» (hub-and-spokes alliance model) и «решетчатая конструкция» (latticework). Стремление Китая к глобальному и региональному лидерству и расширению влияния отражено в его подходе к минилатерализму. Средние и малые государства региона используют минилатеральные соглашения для диверсификации отношений с соперничающими США и Китаем. Для них участие в минилатеральных соглашениях имеет важное значение для укрепления субъектности и реализации национальных интересов через внешнеполитические инструменты хеджирования, «бамбуковой дипломатии», балансирования. Кроме того, минилатеральные соглашения оказываются эффективными на уровне «низкой» политики, а именно решения локальных проблем борьбы с загрязнением, последствиями стихийных бедствий и др.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион; соперничество США и Китая; минилатерализм; минилатеральные соглашения; модель «союз спиц в ступице»; модель «решетчатая конструкция»; хеджинг; «бамбуковая дипломатия»; стратегическое свингование.

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) становится полем столкновения интересов разных акторов. Наряду с многосторонними институтами, такими как АСЕАН, важную роль в становлении архитектуры регионального порядка в ИТР выполняют минилатеральные соглашения (minilaterale). Они не подменяют собой порядок, основанный на международном праве или на правилах, многополярные (multipolare) и многосторонние (multilaterale) международные институты. Минилатеральный подход является распространенной формой взаимодействия государств в регионе. Малые и средние державы используют минилатеральные соглашения как тактику балансирования (хеджирования или стратегического свингования) между великими державами. Крупные игроки, как США и Китай, активно используют минилатеральную практику в своей региональной стратегии. В данной статье ставятся задачи выявить и обосновать роль минилатеральных договоренностей в архитектуре Индо-Тихоокеанского региона, определить их место, содержание и особенности в региональных стратегиях США и Китая, а также определить место минилатеральной стратегии в региональных отношениях.

Теоретические основы исследования: минилатерализм в ИТР

Концепция Индо-Тихоокеанского региона относится к числу неустоявшихся в научном и политическом лексиконе. В связи с этим автор считает необходимым подчеркнуть, что разделяет мнение Д. Стрельцова о формировании новой региональной общности, включающей Китай, Японию, страны Корейского полуострова, Восточную и Северо-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию и Океанию, США, Канаду, Мексику и тихоокеанские страны Латинской Америки (Стрельцов, 2018).

Для понимания особенностей интеграционных процессов в ИТР имеет значение изучение незападных теорий международных отношений, в которых разрабатываются концепции деколонизации, проявляется недоверие к европоцентричной модели мирового порядка и обостренное отношение к теме равенства и национального суверенитета (Bajrai & Laksmāna, 2023). В азиатских странах под понятием «порядок, основанный на правилах» понимают создание честной, справедливой, открытой, предсказуемой многосторонней системы международного управления (Cooper, 2024).

Кей Кога, профессор Наньянского технологического университета (Сингапур), определяет минилатерализм как неформальную или формальную группу из трех–пяти государств, целью которой является координация своих стратегических программ и содействие функциональному сотрудничеству в конкретных областях (Koga, 2022). К. Кога выделяет два типа минилатерализма. Один направлен на формирование регионального порядка посредством установления правил и норм, а другой фокусируется на военном сотрудничестве для сдерживания растущих держав. Эти действия создают новую гибкую региональную институциональную архитектуру (Koga, 2022).

Минилатеральный подход подразумевает построение сложной и гибкой сети союзов и партнерств между странами, разделяющими общие интересы вместо того, чтобы полагаться исключительно на один единственный крупный альянс или договор – или на классическую двусторонность. В связи с этим, например, австралийский автор Р. Медкальф считает «ложной бинарностью» сведение баланса сил в регионе к противостоянию США и Китая. На самом деле, считает он, в регионе имеет место сложная реальность, которая включает в себя определенное число «средних» акторов, не ассоциирующих себя ни с Китаем, ни с США. Действуя вместе, «средние» игроки региона могут влиять на динамику баланса сил (Medcalf, 2019).

Отечественные исследователи обращаются к теме минилатерализма в глобальном и региональном управлении. Д. С. Полулях выделяет два типа минилатерализма в глобальном управлении – клубы наиболее значимых государств (первый тип) и сообщества государств-единомышленников (второй тип). Важнейшим недостатком минилатерализма он называет его влияние на фрагментацию международных режимов, которая подрывает многостороннее сотрудничество (Полулях, 2023). В статье Н. Ф. Гумбатова и Кун Сяной категорично утверждается, что минилатеральные союзы «только ускоряют процесс разделения Азиатского региона на прокитайский и проамериканский» (Гумбатов и Кун, 2023). Мы разделяем теоретический подход Е. В. Колдуновой, которая предлагает рассматривать минилатерализм в рамках переосмысления концепции «баланса сил в международных отношениях» (Колдунова, 2021). Минилатерализм при этом может иметь разные формы, и в рамках данной статьи рассмотрим минилатеральные стратегии США и КНР.

Стратегия минилатерализма США в ИТР: модели «союз спиц в ступице» и «решетчатая конструкция»

США используют минилатеральные соглашения для усиления своего военного, экономического и политического присутствия в регионе и подтверждения роли гегемона в ИТР (Михайленко, 2024). Реализуемая США региональная политика минилатерализма определяется в научной литературе через понятия «модель союза спиц в ступице» (hub-and-spokes alliance model) (Wilkins, 2022) и «решетчатая конструкция» (lattice-work) (Lee, 2024). Соединенные Штаты работают над созданием сети партнерских отношений, используя обе модели отношений. «Решетчатый» подход интегрирует и развивает «модель спиц в ступице», подчеркивает горизонтальные связи между союзниками, создавая более плотную и более сплоченную сеть.

В 2019 году Вашингтон поддержал предложенную тремя годами ранее японскую концепцию «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP). Под зонтиком FOIP географический охват связей Японии расширился и теперь охватывает Южную Азию и острова Тихого океана, а также Африку. В январе 2022 г. состоялся диалог между президентом США Дж. Байденом и премьер-министром Японии Ф. Кисидой, в ходе которого была обсуждена Концепция новой региональной архитектуры. Идея заключалась в том, чтобы выйти за рамки традиционной вашингтонской схемы двусторонних договорных альянсов с США в центре и перейти к «решетчатой» структуре, в которой американские союзники также выстраивают тесные связи друг с другом, чтобы противостоять Китаю (Moriyasu & Nakayama, 2024).

В Стратегии национальной безопасности США, опубликованной 12 октября 2022 г., среди региональных приоритетов на первое место выведен Индо-Тихоокеанский регион, а в качестве одной из

главных задач называется «преодоление конкуренции с Китаем»¹. В документе подчеркивается важность сети американских союзов и партнерств в защите американцев и экономических интересов США². В Вашингтоне называют Китай «ревизионистской» державой, которая пытается пересмотреть существующий порядок и заменить США в качестве доминирующей мировой державы. Пекин открыто заявляет, что он не согласен с попытками США организовать новые блоки против Китая и поддерживающих его государств и намерен противодействовать их международному влиянию (Leonard, 2023). По оценкам австралийского Института Лоуи (Lowy Institute), Китай черпает свою мощь исходя из своего центрального места в экономической системе Азии, а США из своего военного потенциала и обширных региональных военных сетей в ИТР³. Однако не следует переоценивать потенциал военных альянсов США в Азии. В них входят всего пять стран, и их количество не растет десятилетиями. В случае конфликта с Китаем союзники США окажутся под сильным давлением со стороны Пекина, который будет требовать ограничения прав США на доступ в регион, базирование там и пролет (Patton & Lemahieu, 2024).

Минилатеральные соглашения не являются дополняющими или альтернативными многосторонним соглашениям. По логике Вашингтона в «решетке», которую конструируют США, они являются самостоятельными для поддержания баланса сил в регионе. С начала 2000-х гг. США пытаются организовать противодействие Китаю через минилатеральные соглашения. США поддерживают или напрямую участвуют в ряде минилатеральных соглашений в ИТР. Перечислим некоторые из них: Инициатива по обеспечению устойчивости глобальных цепочек поставок между Австралией, Японией и Индией (Supply Chain Resilience Initiative among Australia, Japan, and India, RSCI); Глобальная структура сотрудничества и обучения (Global Cooperation and Training Framework, GCTF), созданная США, Японией и Тайванем; Рамочные соглашения США – Японии – Филиппин (U.S. – Japan – Philippines frameworks); Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue), установленный Австралией, Индией, Японией и США; Трехстороннее партнерство Австралии, Великобритании, США в области безопасности (Australia – U.K. – U.S. Security Partnership, AUKUS); «Партнеры в голубом Тихом океане» (Partners in the Blue Pacific, PBP) – созданная США, Австралией, Японией, Новой Зеландией и Великобританией группа для укрепления экономических и дипломатических связей с островными государствами Тихого океана и др.⁴

США и партнеры по Quad стремятся расширить взаимодействие с региональными организациями и отдельными субъектами по актуальной повестке. В феврале 2023 г. был создан Quad Cyber Challenge для повышения осведомленности о киберугрозах и мерах в области кибербезопасности. На встрече 29 июля 2024 г. участники Quad договорились о сотрудничестве в создании устойчивых цепочек поставок критически важных минералов, которые могут снизить зависимость от поставок из Китая (Narasimhan, 2024).

Трехстороннее партнерство AUKUS в настоящее время продвигает свой второй проект (AUKUS Pillar II). Первый заключался в передаче Австралии атомных подводных лодок. Второй проект открывает двери для сотрудничества в области новых технологий, таких как искусственный интеллект, гиперзвуковое оружие и квантовые технологии, которые создают новые возможности для будущих войн (Harjani, 2024).

В 1999 году начала действовать официальная Трехсторонняя группа по координации и надзору в составе США, Японии и Южной Кореи (U.S. – Japan – South Korea Trilateral Cooperation), в задачи которой входило осуществление координации политики трех государств в отношении Северной Кореи. В 2023 г. после встречи лидеров трех стран в Кэмп-Дэвиде произошло оживление сотрудничества и расширена его повестка. «Дух Кэмп-Дэвида» обязывает три страны увеличить частоту консультаций между своими лидерами и высокопоставленными дипломатическими, экономическими и силовыми должностными лицами; повысить темп и сложность совместных военных учений; возобновить морское сотрудничество; предпринять новые инициативы, такие как обмен конфиденциальными данными

¹ National Security Strategy. October 2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Accessed: 29 March 2024).

² National Security Strategy. October 2022. P. 8-9. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Accessed: 29 March 2024).

³ Lowy Institute Asia Power Index. 2023 Key Findings Report. P. 8. URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2023-asia-power-index-key-findings-report.pdf> (Accessed: 20 August 2024).

⁴ U.S. Indo-Pacific Strategy After One Year. Perspectives from Allies, Partners, and across the Indo-Pacific. URL: <https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/2024-02/U.S.%20Indo-Pacific%20Strategy%20after%20One%20Year--Perspectives%20from%20Allies%20Partners%20and%20across%20the%20Indo-Pacific.pdf> (Accessed: 28 August 2024).

ми о ракетном оповещении по Северной Корее в режиме реального времени; развивать сотрудничество в области экономической безопасности и защите новых технологий.

В мае 2024 г. состоялась встреча высокопоставленных чиновников министерств иностранных дел и госдепартамента Трехсторонней группы. На пресс-конференции было объявлено о работе над созданием координационного органа секретариата Трехсторонней группы и о других конкретных мероприятиях по реализации намеченных в Кэмп-Дэвиде направлений сотрудничества⁵. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2024 г. стороны объявили о повышении уровня сотрудничества до создания совместного секретариата до конца года. Запланировано расширение группы за счет привлечения к ее деятельности Европейского союза (group JUKE).

С 2002 года действует Трехсторонний стратегический диалог между США, Японией и Австралией (U.S. – Japan – Australia Trilateral Strategic Dialogue, TSD) и Форум по сотрудничеству в области безопасности и обороны (Security and Defense Cooperation Forum, SDCF). Третьего июня 2023 г. на полях форума Шангри-Ла состоялась встреча на уровне военных руководителей США, Австралии, Японии с привлечением коллеги из Филиппин, на которой были обсуждены вопросы региональной безопасности, возможности расширения сотрудничества в военной сфере и поддержка сторонами Концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP)⁶.

Одиннадцатого апреля 2024 г. лидеры США, Японии и Филиппин договорились развивать сотрудничество в сфере обороны, морской безопасности и устойчивого развития в рамках общего видения FOIP и перед лицом «китайской угрозы». Вашингтон и Токио обещали доступ Филиппинам к передовым технологиям, связанным с полупроводниками и системами беспроводной связи, а также помочь в переходе к низкоуглеродному энергетическому сектору, предлагая для этой цели учебные программы и подготовку инженеров атомной энергетики. Программа сотрудничества, названная Лузонским коридором, реализуется в рамках Экономической программы США для ИТР, которая была начата в мае 2022 г., с целью ускорения инвестиций в регион⁷.

Тридцатого июля 2024 г. Э. Блинкен и Л. Остин прибыли в Манилу. Предоставление Филиппинам помощи в размере 500 млн долл. в рамках иностранного военного финансирования на 2024 г. стало важным, но не главным событием. Заключение Дорожной карты помощи сектору безопасности Филиппин (Philippines-Security Sector Assistance Roadmap) содержит согласованный список приоритетных поставок Филиппинам в сфере безопасности в течение следующих 5–10 лет. Обе стороны договорились о модернизации согласованных мест на филиппинских военных базах, к которым Соединенные Штаты могут получить доступ для ротационного развертывания и предварительного размещения оборудования в соответствии с Соглашением о расширенном оборонном сотрудничестве (Enhanced Defense Cooperation Agreement, EDCA). Стороны договорились об обмене секретной информацией по образцу соглашений США с Японией и Южной Кореей, что должно улучшить информированность Филиппин о ситуации в районе Южно-Китайского моря. При этом филиппинскому руководству был дан совет относительно важности развития экономических связей с Японией и Австралией как гарантии военной безопасности страны. Министр обороны Л. Остин встретился 1 августа 2024 г. со своими коллегами из Австралии, Японии и Филиппин. Расширяющуюся региональную группировку должностные лица из Пентагона называют в частном порядке Squad (Johnstone & Poling, 2024).

Политика минилатерализма Китая

Китайское руководство не скрывает своих намерений использовать растущую экономическую и военную мощь, подкрепленную политическими амбициями, с целью реализации собственных представлений о «сообществе единой судьбы» в глобальном и региональном порядке (Семенов, 2018). Китай работает над преобразованием существующего либерального международного порядка, в котором доминирует Запад, в «китайскоцентричный порядок Тянься» или, по крайней мере, друже-

⁵ U.S. – Japan – Republic of Korea Trilateral Meeting / FPC Briefing. URL: <https://www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/trilateral-press-briefing> (Accessed: 28 July 2024).

⁶ Japan – Australia – Philippines – U.S. Defense Ministerial Meeting // The Government of Japan. June 3, 2023. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2023/06/3db378b4e049ee13c3b8b7fe99a95da31edee9ff.html> (Accessed: 6 August 2024).

⁷ United States, Philippines, and Japan Launch the Luzon Economic Corridor Steering Committee to Drive Infrastructure Investment. URL: <https://www.state.gov/united-states-philippines-and-japan-launch-the-luzon-economic-corridor-steering-committee-to-drive-infrastructure-investment/> (Accessed: 6 August 2024).

ственный Китаю порядок при поддержке Глобального Юга⁸. Китай остается ключевым партнером для Юго-Восточной Азии и стремится дополнить свое растущее экономическое и политическое влияние образовательными, профессиональными и культурными обмена наряду с другими рычагами «мягкой» силы. Через ИТР проходит один из важнейших глобальных проектов Китая «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI), который может быть использован как инструмент формирования нового порядка, отвечающего изменениям в балансе сил. Китай продвигает собственную повестку безопасности в ИТР, о чем свидетельствуют его попытки изменить статус-кво в Восточном и Южно-Китайском морях. Среди стран, к которым в последние годы КНР применял политику экономического принуждения по политическим соображениям, называют Австралию, Японию, Южную Корею, Монголию, Филиппины (Holderness et al., 2024: 13).

Тем не менее страны ИТР смотрят на Китай иначе, чем западные. Это касается не только средних и малых государств, но и достаточно крупных, таких как Япония, Южная Корея, Индия, Индонезия, Австралия. В основном страны региона придерживаются прагматичного подхода и стремятся извлечь для себя выгоды из экономического и геополитического подъема Китая. Они рассчитывают на поддержание баланса сил в регионе и на то, что ни одна глобальная держава не сможет обеспечить собственное доминирование в регионе. Страны региона предпочитают использовать стратегическую диверсификацию, согласовывая свою политику с великими державами. Как показывает исследование ученых из Сингапурского национального университета, государства Юго-Восточной Азии предпочитают региональный порядок, ориентированный на АСЕАН. Однако внутренние события в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут побудить страны склониться ближе к Китаю, даже если региональный порядок останется ориентированным на АСЕАН (Huang & Ho, 2024).

Стремление Китая к глобальному и региональному лидерству и расширению влияния отражено в его подходе к минилатерализму. Пекин учредил ряд минилатеральных соглашений, которые дублируют и пересекаются с его широким спектром многосторонних и двусторонних соглашений. Одним из таких примеров является объявленное в 2015 г. *Ланьцанцзян (Ланьцан) – Меконгское соглашение* (Lancang – Mekong Cooperation, LMC) о сотрудничестве между шестью прибрежными странами: Китаем, Камбоджой, Лаосом, Мьянмой, Вьетнамом и Таиландом⁹. В 2022 г. товарооборот между Китаем и странами бассейна Меконга достиг 416,7 млрд долл., увеличившись вдвое по сравнению с показателем семилетней давности. Благодаря трансграничным инвестициям в экономическом бассейне Ланьцанцзян – Меконг происходит модернизация и развитие железных и автомобильных дорог, аэропортов, речных портов, трубопроводных сетей, ветряных и солнечных электростанций. Трансграничные инвестиции придали импульс развитию местной экономики¹⁰. В свою очередь, в 2020 г. США инициировали соглашение «*Партнерство Меконг – США*» (Mekong – U.S. Partnership), которое официально ставит целью развитие комплексного субрегионального сотрудничества между Камбоджой, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом при поддержке Соединенных Штатов¹¹.

Китай стремится связать свои минилатеральные инициативы с более широкими двусторонними и многосторонними обязательствами, тем самым создавая многоуровневый набор стратегических отношений, которые могут расширить его участие в региональном и глобальном управлении¹². Китай способствовал расширению первоначально минилатеральных форматов в формальные многосторонние организации, о чем свидетельствует трансформация «Шанхайской пятерки» в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Китай все больше участвует в геоэкономической конкуренции, то есть в использовании экономических инструментов для достижения геополитических целей. Китайское геоэкономическое принуждение проявляется в его подходах к морскому и территориальному пространству в районе Южно-Китайского моря, где он использует геоэкономические инструменты в отношении Вьетнама и Филиппин (Envall et al., 2024).

⁸ CLM Insights Interview with Steve Tsang // China Leadership Monitor. 80, June 1, 2024. URL: <https://www.prcleader.org/post/clm-insights-interview-with-steve-tsang> (Accessed: 4 September 2024).

⁹ Joint Press Communiqué of the First Lancang – Mekong Cooperation Foreign Ministers' Meeting / Lancang – Mekong Cooperation. November 12, 2015. URL: http://www.lmcchina.org/eng/2015-11/12/content_41449862.html (Accessed: 23 September 2024).

¹⁰ Сотрудничество в бассейне Ланьцанцзян – Меконг принесло новые результаты и создало яркие моменты / Посольство Китайской Народной Республики в Республике Таджикистан. 12.07.2023. URL: https://tj.china-embassy.gov.cn/rus/zgyw/202312/t20231209_11198915.htm (Accessed: 23 July 2024).

¹¹ Mekong – U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/> (Accessed: 7 September 2024).

¹² Bilateral Cooperation Lancang – Mekong Cooperation. URL: http://www.lmcchina.org/eng/node_1009540.html (Accessed: 23 July 2024).

Двадцать седьмого мая 2024 г. состоялся девятый по счету *Трехсторонний саммит Китая, Японии и Южной Кореи* (China – Japan – South Korea Trilateral Summit). Эти три азиатские страны вместе дают около 25 % мирового ВВП. Итоговый восьмистраничный документ определил семь приоритетных направлений сотрудничества трех стран, которые включают образование, культуру, туризм, спорт, торговлю, общественное здоровье и сельское хозяйство. Особое внимание было отведено сотрудничеству в области зеленой экономики и ликвидации последствий стихийных бедствий. Совместное заявление об «открытости рынков и укреплении сотрудничества в цепочке поставок» контрастировало с участием Сеула и Токио в американской политике *de-risking*, предусматривающей ограничительные меры в сотрудничестве с Китаем. Стороны подчеркнули свою ответственность за поддержание регионального мира и порядка. Стороны подчеркнули важность согласованного сотрудничества с АСЕАН и расширения соглашений с третьими странами по линии *Trilateral plus X Cooperation*¹³. Тем не менее результаты встречи были оценены экспертами как достаточно умеренные (Sun et al., 2024). Трехсторонний саммит Китая – Японии – Южной Кореи больше направлен на снижение трений, чем на изменение геополитики.

Заключение

Минилатерализм стал распространенной формой выстраивания регионального сотрудничества. Индо-Тихоокеанский регион является одной из основных площадок реализации этой практики. В первую очередь это связано с тем, что в регионе присутствуют как великие, так и малые и средние державы. Последние практикуют тактику балансирования, что приводит к формированию разного рода минилатеральных соглашений и форм сотрудничества. Соперничество между США и КНР за влияние в ИТР является главным фактором воздействия на архитектуру безопасности в регионе. США и Китай используют те модели отношений со странами региона, которые им позволяют собственные ресурсы. Минилатеральная практика США в регионе является симбиозом блоковой стратегии и тактики малых форм сотрудничества. Отличительной особенностью минилатеральной деятельности США является опора на юридически обязательные формы соглашений, упор на стратегическое и военное сотрудничество. Китай, в свою очередь, в основном использует финансовые и экономические ресурсы влияния. Пекин стремится развивать зависимые от КНР цепочки производства и поставок в регионе, применяя разнообразные формы «мягкой» силы и наращивая военный потенциал. Совокупное участие Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе за последние десять лет достигло 530 млрд долл. к 2023 г. (Nedopil et al., 2024).

Минилатеральные группы являются важными элементами архитектуры безопасности в ИТР: они усиливают роль и значение средних и малых государств в региональном порядке, позволяют им продвигать свое видение регионального порядка. Участие в минилатеральных соглашениях позволяет средним и малым странам эффективно использовать в национальных интересах инструменты внешнеполитического хеджирования, стратегического свингования, «бамбуковой дипломатии». В ситуации неразрешимых противоречий на уровне «высокой» политики, например в Южно-Китайском море, минилатеральные соглашения могут быть эффективными на уровне «низкой» политики в поисково-спасательном техническом сотрудничестве, сборе морского мусора, гуманитарной помощи и при стихийных бедствиях. Минилатеральные формы сотрудничества будут как увеличиваться количественно, так и иметь разные направленности. ИТР стал одной из первых площадок, где минилатерализм получил развитие, однако, с нашей точки зрения, такая практика будет характерна для многих регионов мира. Вместе с тем необходимо учитывать, что для минилатерализма характерна невысокая институционализация отношений, влекущая за собой необязательность исполнения решений. Особенно чувствительны минилатеральные соглашения к политической турбулентности в странах-подписантах.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».

¹³ Joint Declaration of the Ninth ROK – Japan – China Trilateral Summit (2024) [Электронный ресурс], *Trilateral Cooperation Secretariat*, 27 May. URL: <https://tcs-asia.org/en/data/documents.php> (accessed 29 July 2024).

Список литературы / References

- Гумбатов, Н. Ф., Кун, С. (2023) 'Минилатеральные союзы в американской стратегии сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе', *Конфликтология, Nota Bene*, 1, сс. 1–10. [Gumbatov, N. F., Kuhn, S. (2023) 'Minilateral alliances in the US strategy to contain the PRC in the Indo-Pacific' [Minilateral'nye soyuzы v amerikanskoj strategii sderzhivaniya KNR v Indo-Tihookeanskom regione], *Conflictology, Nota Bene*, 1, pp. 1–10. (In Russ.)]. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39633 EDN: CXCNSM
- Кашин, В. (2016) 'Южно-Китайское море — Гаагский суд и военная напряженность', *Российский совет по международным делам*, 14 июля [электронное издание]. [Kashin, V. (2016) 'The South China Sea - The Hague Court and Military Tensions', [YUzhno-Kitajskoe more - Gaagskij sud i voennaya napryazhenost'], Russian Council on Foreign Affairs, July 14, [online]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhno-kitayskoe-more-gaagskiy-sud-i-voennaya-napryazhenost/> (Accessed 15th August 2024) (In Russ.)].
- Колдунова, Е. В. (2021) 'Балансирование во внешней политике Вьетнама: достижения, перспективы, вызовы', *Компартия Вьетнама: новая веха в истории: Материалы Международного круглого стола, посвященного 90-летию образования Компартии Вьетнама в феврале 1930 г, Москва, 19-20 мая*. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, сс. 41–54. [Koldunova, E. V. (2021) 'Balancing in Vietnam's foreign policy: achievements, prospects, challenges' [Balansirovanie vo vneshnej politike V'etnama: dostizheniya, perspektivy, vyzovy'], Communist Party of Vietnam: a new mile-stone in history: Proceedings of the International Round Table dedicated to the 90th anniversary of the formation of the Communist Party of Vietnam in February 1930, Moscow, May 19-20. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, pp. 41–54. (In Russ.)]. DOI: 10.48647/IFES.2021.30.91.003 EDN: GSNWLX
- Михайленко, В. И. (2024) *Индо-Тихоокеанская стратегия США при администрации Дж. Байдена*, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 80, сс. 230–243. [Mikhaylenko, V. I. (2024) 'Indo-Pacific strategy of the USA under the administration of J. Biden', [Indo-Tihookeanskaya strategiya SSHA pri administracii Dzh. Bajdena], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 80, pp. 230–243. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/1998863X/80/21 EDN: DZALUU
- Полулях, Д. С. (2023) 'Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления', *США и Канада: экономика, политика, культура*, 3, сс. 63–84. [Polulyakh, D. S. (2023) 'Multilateralism and minilateralism as mechanisms of global governance', [Mul'tilateralizm i minilateralizm kak mekhanizmy global'nogo upravleniya], *USA and Canada: economics, politics, culture*, 3, pp. 63–84. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S2686673023030057 EDN: HBCBTW
- Семенов, А. В. (2018) 'Концепция сообщества единой судьбы как глобальный проект Китая в эпоху Си Цзиньпина'. *Россия - Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции*, Казань, 18–20 октября 2018 года. Казань: Академия наук Республики Татарстан. сс. 292–302. [Semenov, A. V. (2018) 'The concept of the community of common destiny as a global project of China in the era of Xi Jinping' [Konceptiya soobshchestva edinoj sud'by kak global'nyj proekt Kitaya v epohu Si Czin'pina] in *Russia - China: History and Culture: Collection of articles and reports of participants of the XI International Scientific and Practical Conference*, Kazan, October 18-20, 2018. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, pp. 292–302. (In Russ.)].
- Стрельцов, Д. В. (2018) 'Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений', *Международная жизнь*, 9, сс. 65–74. [Streltsov, D. V. (2018) 'The Indo-Pacific region as a new reality of the

- global system of international relations' [Indo-Tihookeanskij region kak novaya real'nost' global'noj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij], *International Life*, 9, pp. 65–74. (In Russ.).]
- Bajpai, K., and Lakshmana, E. A. (2023) 'Asian conceptions of international order: what Asia wants', *International Affairs*, 99 (4), pp. 1371-1381, DOI: 10.1093/ia/iad165 EDN: XCTPEU
- Cooper, Z. (2024) 'American Strategy and the Liberal International Order' in Hosoia, Y., Kundnani, H. (eds.) *The Transformation of the Liberal International Order. Evolutions and Limitations*. Berlin: Springer, pp. 7-12.
- Envall, H. D. P., Hatakeyama, K., Wilkins, T. S. and Hirono, M. (2024) 'Japan/Australia Minilateralism in the Indo-Pacific (II): Advancing Cooperation in Order-building and Geoeconomics, *East-West Center Occasional Paper*. Available at: <https://www.eastwestcenter.org/publications/japanaustralia-minilateralism-indo-pacific-ii-advancing-cooperation-order-building-and> (Accessed 4th September 2024)
- Holderness, A., Schaus, J., Velazquez N., Aldisert, A. Carroll, H. H. And Hardesty, E. (2024) 'Expanding the tool kit to counter China's economic coercion', A report of the CSIS defense-industrial initiatives group, Washington: CSIS. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2024-05/240506_DIIG_Expanding_ToolKit.pdf?VersionId=785wGqP.xIAVryt79tl2LBa7STlXnV6A (Accessed 15th August 2024)
- Huang, C. -H., Ho, S. (2024) 'Introduction: Domestic Determinants of Southeast Asia's Relations with the United States and China', *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 46 (1), pp. 1–15.
- Johnstone, C. B., Poling, G. B. (2024) 'A Tale of Two 2+2s: Japan and the Philippines', *Center for Strategic & International Studies*, August 2. Available at: <https://www.csis.org/analysis/tale-two-22s-japan-and-philippines> (Accessed 4th August 2024)
- Kim, H.-J., Wu, H. (2024) 'China premier agrees on cooperation with Seoul, Tokyo but issues veiled rebuke against their US ties', *AP news*, 27 May. Available at: <https://apnews.com/article/south-korea-china-japan-trilateral-6afe4c3e280995a7fc16696edbd0a345> (Accessed 15th August 2024)
- Koga, K. (2022). 'A new strategic minilateralism in the Indo-Pacific', *Asia Policy*, 17(4), pp. 27–34. DOI: 10.1353/ASP.2022.0063 EDN: PGYNGO
- Lee, J. H. (2024) 'Latticework and U.S. Influence: Is It Strengthening or Weakening?', *KIMS Periscope*, 353. Available at: <https://en.kims.or.kr/issubrief/kims-periscope/peri353/> (Accessed 24th September 2024)
- Leonard, M. (2023) 'China Is Ready for a World of Disorder. America Is Not', *Foreign Affairs*, 102 (4), pp. 116–127.
- Medcalf, R. (2019) 'Mapping a Multipolar Future: The Contest for the Indo-Pacific', *Global Asia*, 14 (4), pp. 58–69. Available at: <https://www.globalasia.org/data/file/articles/f96dc74c0d6cd16a1df466f3fd292a.pdf> (Accessed: 31st July 2024)
- Moriyasu, K., Nakayama, S. (2024) 'Tighter U.S.-Japan alliance is unexpected legacy of Kishida-Biden era. Uncertainty over successors threatens momentum of 'global partnership'', *Nikkei Asia*. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Tighter-U.S.-Japan-alliance-is-unexpected-legacy-of-Kishida-Biden-era> (Accessed 28th August 2024)
- Narasimhan, S. L. (2024) 'Outcomes of the Quad Foreign Ministers' Meeting', *Center for Strategic & International Studies*, July 31, 2024. Available at: <https://www.csis.org/analysis/outcomes-Quad-foreign-ministers-meeting> (Accessed 25th August 2024)
- Nedopil C., Zhang J., Mi L. (2024) 'China's investment in Asia Pacific; 2023 Report', *Griffith Asia Institute*, Griffith University, 7 March. Available at: <https://blogs.griffith.edu.au/asiainsights/chinas-investment-in-the-asia-pacific-2023-report/#:~:text=In%20consequence%20Southeast%20Asia%20retains,level%20by%20USD%2012.4%20billion> (Accessed 28th August 2024)
- Patton, S., Lemahieu, H. (2024) 'Asia Has No Hegemon. But U.S.-Chinese Bipolarity Is Good for America and the Region', *Foreign Affairs*, September 13. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/asia-has-no-hegemon?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Asia%20Has%20No%20Hegemon&utm_content=20240913&utm_term=EDZZZ003ZX (Accessed 28th August 2024)

Sun, Y., Tatsumi, Y. and Town, J. (2024) 'Takeaways from the China-Japan-South Korea Trilateral Summit'. Available at: <https://www.stimson.org/2024/takeaways-from-the-china-japan-south-korea-trilateral-summit/> (Accessed 15th August 2024)

Wilkins, T. (2022) 'A Hub-and-Spokes "Plus" Model of us Alliances in the Indo-Pacific: Towards a New "Networked" Design', *Asian Affairs*, 53 (3), pp. 457–480. DOI: 10.1080/03068374.2022.2090767 EDN: SYNCHA

Статья поступила в редакцию: 27.10.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

ROLE OF MINILATERAL AGREEMENTS IN INDO-PACIFIC POLICY OF THE US AND CHINA

V. Mikhaylenko

Valery Mikhaylenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: Valery.Mikhaylenko@urfu.ru (ORCID: 0000-0002-2576-212X).

Abstract

The Indo-Pacific region is in the process of forging a regional identity and order. Multilateral agreements such as ASEAN, the Indo-Pacific Economic Framework Agreement, and others play an important role in this process. The role of minilateral agreements in the architecture of regional order has been studied to a lesser extent. The article provides a theoretical justification of the role of minilateralism as a model of cooperation in integration processes and the organization of regional order. Using the example of the U.S. strategy in the Indo-Pacific region, the article studies the role of the hub-and-spokes alliance model and the latticework model. China's aspirations for global and regional leadership and expanding influence are reflected in its approach to minilateralism. The article proves this through the example of the Lancang-Mekong Agreement. Medium and small states in the region use minilateral agreements to diversify their relations with the rival US and China. For these states, participation in minilateral agreements is important for strengthening their agency and asserting their national interests through the foreign policy tools of hedging, bamboo diplomacy, and balancing. Furthermore, minilateral agreements are effective in solving local problems of pollution control, disaster management, etc.

Keywords: Indo-Pacific region; US-China rivalry; minilateralism; minilateral agreements; hub-and-spokes alliance model; latticework model; hedging; "bamboo diplomacy"; strategic swinging.

Financial support: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation: project No. 24-28-01710 "Processes of regional construction and economic integration in Asia in the conditions of competition of great powers".

Обзоры и аналитика

УДК-004.8:327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-130-136

ТЕХНОЛОГИИ ИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ, УГРОЗЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Г. Р. Суфиянова

Суфиянова Гульнур Рафаэлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма,
Тюменский государственный университет, Россия.
E-mail: g.r.sufyanova@utmn.ru (ORCID: 0000-0002-9020-7771).

Аннотация

Информационно-коммуникационные технологии объективно стали определяющими факторами дальнейшего развития экономики, политики, безопасности, международных отношений. В текущих условиях пристальное внимание мирового сообщества обращено к технологии искусственного интеллекта. В свете современных технологических достижений в области искусственного интеллекта ученые все активнее обращаются к выявлению влияния технологии ИИ на внутреннюю и внешнюю политику государства, международные отношения и мировую политику, последствия использования ИИ в качестве нового инструмента. Если раньше большинство исследований носило скорее технический характер, то последние три-четыре года появилось много работ в рамках отдельных научных дисциплин. Цель статьи – обзор публикаций, в которых авторы задаются вопросом, к каким международно-политическим последствиям и угрозам уже приводят и приведут в будущем технологии ИИ. Анализируются публикации 2023–2024 гг., в которых ИИ-технологии рассматриваются не через технологическую призму, а через призму процессов, имеющих отношение к политической сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровой суверенитет; технологический суверенитет; суверенитет данных; злонамеренное использование ИИ; большие данные; цифровое противостояние; информационно-коммуникационные технологии.

В свете современных технологических достижений в области искусственного интеллекта ученые все активнее обращаются к выявлению влияния технологии ИИ на международные отношения и мировую политику. При этом они расходятся во мнениях относительно характера влияния ИИ. Часть исследователей считают, что ИИ приведет к радикальным преобразованиям, называют прогресс в ИИ-технологиях глобальной революцией, которая повлияет на наше общество и жизнь сильнее, чем промышленная и цифровая революции вместе взятые (Дефо, 2018; Зиновьева, 2024; Маркидакис, 2017). Другие полагают, что эффекты ИИ будут постепенными, что позволит избежать некоторых из его потенциально дестабилизирующих последствий или по крайней мере подготовиться к ним (Леви, 2018). Третьи подчеркивают, что развитие технологий ИИ вряд ли приведет к радикальным, непредвиденным преобразованиям во внутренней политике и международных отношениях, а лишь «ускорит и обострит уже существующие тенденции, а многие из потенциальных последствий ИИ, включая распространение дезинформации, автоматизацию вооружений, неравенство доходов, эрозию либерально-демократических норм и распространения надзорных технологий, не являются уникальными или прямыми последствиями распространения ИИ» (The Oxford Handbook, 2024). Данная статья представляет собой обзор зарубежных и отечественных исследований за 2023–2024 гг., посвященных изучению влияния технологии ИИ на политику и международные отношения.

Искусственный интеллект и мировая политика

Кроме работ, посвященных выявлению международно-политических эффектов, последствий и угроз, вызванных развитием ИИ, появились исследования, авторы которых пытаются ответить на вопрос, требует ли новой теории повсеместное распространение и использование ИИ в международных отношениях и можно ли использовать существующие теории международных отношений для объяснения и получения информации об ИИ в международных отношениях. Б. Ндзэндзе и Ч. Марвалла (Йоханнесбургский университет) в работе «Искусственный интеллект и теории международных отношений» (2023) вносят вклад в эту дискуссию, исследуя, поставит ли «преобразующее мир развитие ИИ» под сомнение, подорвет или подтвердит ключевые идеи, которые составляют основу теорий международных отношений (Ndzendze & Marwala, 2023: 8).

Авторы начинают с определения основных рамок и парадигм, определяющих сферу международных отношений, предоставляя краткий обзор ее интеллектуальной истории и основные положения либерализма, реализма, конструктивизма, постколониальной теории, феминизма и зеленых теорий. Утверждая, что теория международных отношений исторически «эволюционировала» вместе с крупными событиями и процессами (такowymi авторы называют две мировые войны, холодную войну, деколонизацию, глобализацию, теракт 11 сентября, климатические изменения), ученые пытаются ответить на вопрос, может ли «эпоха ИИ» повлиять на теоретические основы международных отношений.

Б. Ндзэндзе и Ч. Марвалла приходят к выводу, что технологии ИИ действительно влияют на уровень конфликтности в современном мире. В перспективе ИИ станет частью обоснования баланса сил. Восприятие ИИ как ценного инструмента достижения экономической и военной мощи стимулировало конкуренцию за эту технологию, что стало причиной начала «гонки ИИ-технологий». Либеральные демократические государства рискуют стать похожими на автократии, что связано с распространением технологий наблюдения и надзора, а «демократия и искусственный интеллект, по-видимому, имеют отрицательную корреляцию друг с другом» (Ndzendze & Marwala, 2023: 76). При этом технологические гиганты, ответственные за разработку самых передовых приложений искусственного интеллекта, играют все более важную роль в глобальной политике. В заключении авторы делают вывод, что ни одна парадигма не может всесторонне охватить последствия ИИ для международного экономического и политического порядка.

Использование цифровых инструментов в дипломатической практике является предметом изучения как российских (Н. Цветкова, А. Сытник, И. Сурма), так и зарубежных авторов (Ф. Румейт, К. Бьола, И. Манор). Специалисты отмечают, что ИИ могут автоматизировать задачи, более эффективно выявлять закономерности и предоставлять информацию в реальном времени, повышая эффективность принятия решений. Базовые технологии и алгоритмы, лежащие в основе ИИ, так или иначе, уже используются государствами в самых различных областях: от военного планирования до торговых переговоров. В то же время они усугубляют риски, конкуренцию и напряженность между странами.

А. Арсно и С. Крепс, соавторы коллективной монографии «The Oxford Handbook of AI Governance» (2024), связывают с развитием и распространением ИИ целый ряд негативных эффектов и последствий. Одно из них – усиление авторитарных тенденций в мире. Причиной этого может стать предвзятость и непрозрачность принимаемых с помощью ИИ политических решений. Исследователи называют это явление проблемой «черного ящика», когда решения, принимаемые с использованием ИИ, становятся закрытыми. Распространение ИИ может также подорвать либерально-демократические ценности свободы собраний и слова в силу распространения технологий наблюдения и привести к «цифровому авторитаризму» во всем мире. Даже в демократических странах интеграция этих технологий в конкретные секторы, особенно в полицию, судебную систему и другие сферы, может привести к нарушению либерально-демократических норм и конфиденциальности. Второе негативное последствие – распространение дезинформации. Несмотря на то, что дезинформация не новое явление, благодаря технологиям ИИ дезинформационные кампании теперь становятся «более точными, управляемыми и дестабилизирующими» (The Oxford Handbook..., 2024: 962). Третье – усиление конфликтности. В настоящее время ИИ все чаще воспринимается как индикатор статуса и мощи государства, что уже спровоцировало глобальную гонку вооружений. Доступ к этой технологии имеет приоритет над безопасностью и созданием разумных ограничений на ее использование, что, в свою очередь, приведет к усилению конфликтности и увеличению вероятности военной эскалации. Кроме того, внедрение возросшей автоматизации и искусственного интеллекта в военное дело поднимает важные моральные и правовые вопросы, проблемы атрибуции и ответственности и прочие, которые требуют международных договоренностей и сотрудничества.

Злонамеренное использование искусственного интеллекта

Влиянию технологии ИИ на информационно-психологическую безопасность посвящена коллективная монография «The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security» под редакцией Е. Н. Пашенцева. В работе рассматриваются современные и перспективные угрозы информационно-психологической безопасности, создаваемые как государственными, так и негосударственными акторами посредством технологий искусственного интеллекта. Цель монографии, как отмечают сами авторы, заключается в том, чтобы дать ответ на следующий вопрос: «Почему, как и в какой степени злонамеренное использование искусственного интеллекта (ЗИИИ) угрожает индивидуальной, общественной, национальной и международной психологической безопасности?» (The Palgrave Handbook..., 2023: 6). Авторы вводят трехуровневую систему угроз психологической безопасности (The Palgrave Handbook..., 2023: 33). Угрозы первого уровня связаны с распространением «ложного образа ИИ», умышленно искаженной информации о развитии и последствиях развития ИИ, что может привести к социально-политической напряженности. Второй уровень – это угрозы, связанные с разрушением критической инфраструктуры с использованием ИИ (кибератаки, использование дронов, манипулирование криптовалютой и т. д.). Третий уровень – угрозы, связанные с использованием ИИ с целью манипулирования общественным мнением и сознанием.

Рассматривая уже известные формы и методы целенаправленного психологического воздействия, такие как чат-боты, установление повестки дня, хейт-спич и другие, и методы анализа общественного мнения с помощью ИИ, исследователи описывают возможные траектории развития технологии ИИ и негативные последствия, сценарии ЗИИИ с точки зрения искажения восприятия информации. Авторы подчеркивают опасность развития возможности ИИ распознавать состояние аффекта и способности эмпатии. Несмотря на то, что исследователи искусственного интеллекта продолжают обсуждать пределы интеллекта ботов, в научном сообществе существует консенсус, что боты следующего поколения будут обладать эмпатическими и разговорными способностями, намного превосходящими их текущие итерации, а также способности распознавать и использовать состояние аффекта отдельных индивидуумов, что впоследствии может быть использовано экстремистскими и радикальными организациями.

Особое место авторами отводится технологии дипфейков, поскольку ее использование в злонамеренных целях, по мнению ученых, это реальная угроза информационно-психологической безопасности. В качестве примера приводится несколько кейсов использования этой технологии в рамках политических кампаний, когда дипфейки становятся дополнительным инструментом взаимодействия с аудиторией или приводят к политическим скандалам и кризисам (например, использование избирательным штабом кандидата на пост президента Юн Сок Ёля во время избирательной кампании 2022 г. своего «ИИ-аватара»¹; ситуация в Конго, когда обращение президента было воспринято оппозицией как дипфейк и в стране была совершена попытка государственного переворота и др.). Как отмечают авторы, последняя президентская кампания в Южной Корее, возможно, отчасти продемонстрировала начальную форму нового метода довольно опасного политического манипулирования. Цифровой кандидат создает образ, с которым реальный кандидат вряд ли сможет конкурировать в публичном пространстве. Опасения авторов обоснованы и подтверждаются новыми кейсами. Скандал разразился в Индонезии в связи с появлением накануне назначенных на февраль 2024 г. президентских и парламентских выборов дипфейк-видео, изображающего покойного индонезийского президента Сухарто, призывающего избирателей голосовать за кандидатов партии «Голкар».

Появление таких дипфейков актуализирует вопрос о юридических последствиях использования таких технологий для политических кампаний страны и проблемы правомерности и этичности технологии. В той же Республике Корея накануне парламентских выборов в апреле 2024 г. были внесены поправки в Закон о выборах госслужащих, которые вводят запрет на производство, редактирование, распространение, показ и публикацию виртуальных звуков, изображений или видеороликов (дипфейк-видео и т. д.), созданных с помощью технологий искусственного интеллекта для избирательных кампаний за 90 дней до дня выборов.

С сожалением авторы отмечают, что, учитывая нынешнюю ситуацию острого геополитического соперничества и сопутствующей психологической войны, было бы наивно ожидать формирования международной системы регулирования использования дипфейков. В то же время следует от-

¹ Кандидат в президенты Южной Кореи отправляет цифровую копию выступать вместо себя (2022) [Электронный ресурс], CNEWS, 14 янв. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-01-14_kandidat_v_prezidenty_yuzhnoj?ysclid=lo9q73hkd0697042217 (дата обращения: 29.01.2024).

метить, в отдельных странах уже приняты меры по противодействию использованию дипфейков. Первым в мировой регуляторной практике стало вступившее в силу 10 января 2023 г. в Китайской Народной Республике (КНР) Положение об управлении информационными интернет-услугами глубокого синтеза, регулирующее работы систем ИИ, используемых для создания дипфейков. Положение требует маркировки сгенерированного материала заметным знаком, предупреждающим пользователей о том, что материал создан с использованием технологии ИИ. Еще в 2020 г. в КНР было издано Положение об управлении онлайн аудио- и видеоинформационными услугами. Оно регулирует аудио- и медиа-провайдеров, использующих технологию глубокого синтеза. Кроме того, в 2023 г. в дополнение к Положению 2023 г. был опубликован проект мер по регулированию сервисов генеративного искусственного интеллекта, запрещающий распространение контента, «призывающего к подрыву государственной власти, национального единства, пропаганду терроризма, экстремизма, разжигание этнической ненависти, призывов к насилию, а также распространение непристойной, порнографической или ложной информации». Подобные инициативы осуществляются и в Европейском союзе¹. Распространение дипфейк-контента запрещено законодательством в некоторых американских штатах (Вирджиния, Техас).

Авторы подчеркивают, что целью ЗИИИ вне зависимости от уровня (национального / регионального / международного) и сферы использования (экономической / политической / культурной) является получение количественного и все чаще качественного преимущества в информационно-психологическом противоборстве и, как следствие, перераспределение материальных и нематериальных активов в пользу того или иного актора. Исследователи отмечают, что если в одних странах и регионах ЗИИИ объясняется внутренними проблемами и расколами (как, например, в многокультурной и многоязычной Индии), то в других, скорее, геополитическим противостоянием различных игроков как в области развития ИИ технологий, так и в контексте экономической и политической конкуренции в различных странах и регионах. Прежде всего, речь идет о конкуренции между США и КНР. В случае этих двух государств, по мнению экспертов, взаимное недоверие приводит к преувеличению возможности применения технологии ИИ в военных целях. Взаимное непонимание и отсутствие коммуникации может исказить восприятие осведомленности о милитаризованном применении ИИ между странами и создать стимулы для гонки вооружений и беспорядочной конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами в этой области, в результате чего обе стороны ускорят темпы и расширят сферу милитаризованных приложений ИИ в попытке развернуть новые возможности ИИ.

Как представляется, несмотря на то, что в отдельных государствах принимаются законодательные ограничения и рамки на использование технологии ИИ, этого недостаточно. Выработка правил использования ИИ с целью сокращения рисков безопасности необходима не только на национальном, но и на международном уровне, однако, как показывает практика, в современных условиях острой конкуренции и геополитического противостояния это становится практически невозможным. Различия между странами в их геополитическом восприятии мира, стратегиях в области ИИ и цифровизации в целом являются препятствием для создания международного сотрудничества с другими глобальными акторами для противодействия международным информационно-психологическим операциям и защиты международной информационно-психологической безопасности.

Авторы коллективной монографии «Цифровой поворот в международных отношениях» (2023) считают, что искусственный интеллект и другие технологии будущего реорганизуют мировой порядок, приводят к усилению конфликтности и турбулентности международных отношений, расширению практики информационного противоборства, гонке за технологическое лидерство, киберсуверенитет и технологический суверенитет. Последний понимается исследователями как «контроль государства над стратегическими технологиями, необходимый для поддержания политической автономии» (Цифровой поворот..., 2023: 25). Борьба за место геоэкономического лидера развернулась между США и КНР, которые, с одной стороны, борются за снижение своей технологической уязвимости и технологической зависимости друг от друга, а с другой стороны, конкурируют за присоединение остальных игроков к своим технологическим платформам. В настоящее время мы наблюдаем противостояние не за разовые технологические преимущества в тех или иных странах, а за долгосрочную возможность поддерживать высокие темпы технологических инноваций в глобальном масштабе.

Рост конфликтности между крупными национальными игроками приводит к «балканизации» («расщеплению») интернета, когда отдельные государства «строят интернет... для своих». Авторы

¹ В соответствии с вступившем в силу 16 ноября 2022 года законом «О цифровых услугах», отсутствие маркировки сгенерированного контента (изображений, аудио- и видеоматериалов) онлайн-платформами и поисковыми системами влечет наложение штрафов.

предрекают дальнейшую фрагментацию глобальной сети на сегменты / зоны влияния, или киберсуверенитеты, несовместимые уже на техническом уровне (Цифровой поворот..., 2023: 53). Политическим последствием подобного раскола, по мнению Н. Цветковой, А. Сытник и Т. Гришаниной, стало и дробление дискурса о происходящих событиях на множество конкурирующих трактовок, выраженных как в текстовом, так и в аудиовизуальном формате (Цифровой поворот..., 2023: 143). «Фрагментированная цифровая реальность позволяет цифровой дипломатии формировать представление о разных политических реальностях и сдерживать информационные кампании других государств или неправительственных акторов, продвигая собственную повестку, легитимизируя собственные действия и делегитимизируя действия своих противников» (Цифровой поворот..., 2023: 144).

Действия государств или групп государств по зонированию киберпространства, ограничению нежелательной информации и ценностей приводят к формированию новой цифровой политики и альянсов. Киберпространство становится местом непрерывной геополитической конкуренции (Цифровой поворот..., 2023: 147), которая особенно четко просматривается на примере целеполагания США в отношении России, Китая и Ирана.

Выводы о формировании в результате геополитического соперничества США и КНР двух экосистем делают также Е. Н. Пашенцев и В. Б. Козюлин, авторы аналитического доклада «Искусственный интеллект и геополитика» (2024). Ученые считают, что между этими системами уже развернулась конкуренция, которая приобретает форму войны платформ и стандартов, и полагают, что состязание в области интеллектуальных систем станет новым полем технологического соперничества. Отсутствие цифровых границ фактически превратило цифровое пространство в еще одно поле боя, наряду с сушей, морским и воздушным пространством и космосом. Авторы полагают, что «речь идет о конкуренции за контролируемый кусок мирового рынка, собственную валютную зону, собственную модель развития, набор ресурсов, технологий и научных компетенций, позволяющих блоку быть независимым по крайней мере в таких ключевых областях, как оборона и критическая инфраструктура» (Пашенцев и Козюлин, 2024: 16).

Мнения, что наличие в арсенале современных государств технологии искусственного интеллекта, причем как собственных технологических разработок, так и заимствованных, потенциально может повлиять на баланс сил между странами в экономической и военной сферах, придерживается также Фатима Румейт, профессор Рабатского университета Мохаммеда V (Марокко). В монографии «Artificial Intelligence and the New World Order. New weapons, New Wars and a New Balance of Power» (2024) она отмечает, что ИИ может обеспечить альтернативные решения многих проблем – от проблемы продовольственной безопасности до проблем экономического развития и развития здравоохранения. Однако злонамеренное использование ИИ создает новые проблемы. Ф. Румейт подчеркивает, что массовое использование ИИ привело к формированию нового порядка, что сопровождается эволюцией концепций, понятий, некоторых практик и явлений. Мы наблюдаем начало новой эпохи, где «ИИ влияет на геополитические дела». В новую эпоху, эпоху ИИ, баланс сил колеблется между геостратегическими интересами и интересами, связанными с глобальным управлением ИИ и гонкой за технологический суверенитет.

ИИ становится новым инструментом, используемым государствами, а также другими международными субъектами для влияния на глобальные проблемы в соответствии со своими интересами. При этом ИИ может использоваться в любом виде силы (жесткой, мягкой и умной) для достижения национальных интересов. Подчеркивая, что ИИ может использоваться и в военных действиях, и в обеспечении безопасности / кибербезопасности, и в психологической войне, Ф. Румейт рассматривает возможности и последствия использования смертоносных автономных роботов (системы вооружения, которые после активации могут выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства человека-оператора), использования ИИ для разработки биологического оружия, отмечая, что злонамеренное использование ИИ может вывести изобретения в этой области из-под контроля человека, и заключая, что в настоящее время решение вопросов подотчетности и ответственности, переосмысления международных законов и механизмов необходимо как никогда.

Новые войны за первенство в этой гонке привели к появлению таких новых понятий, как суверенитет данных, суверенитет киберпространства и технологический суверенитет. По мнению Ф. Румейт, суверенитет данных предполагает государственное регулирование данных, генерируемых на территории государства, и принятие мер по регулированию для защиты данных и гарантированию соблюдения конфиденциальности и других прав человека с учетом национального законодательства и международных прав человека. Если суверенитет киберпространства Ф. Румейт определяет как тип автономии в киберпространстве, то технологический суверенитет – как способность государства

предоставлять технологии, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, и иметь возможность разрабатывать их или получать их без односторонней структурной зависимости. Технологический суверенитет зависит от других типов суверенитета (прежде всего инновационного, научного) и является ключевым условием других типов суверенитета (экономического, сельскохозяйственного и др.). Это объясняет гонку и конкуренцию в области ИИ и технологического суверенитета. Так же как и многие другие исследователи, Ф. Румейт считает, что ИИ в настоящее время превратился в стратегический актив. Значение ИИ привело к тому, что в настоящее время баланс сил колеблется между геостратегическими интересами государств и интересами, связанными с глобальным управлением ИИ и гонкой за технологический суверенитет, победитель в которой, по мнению Ф. Румейт, будет формировать будущий экономический порядок.

Вторая проблема, которую рассматривает Ф. Румейт, – вредоносное использование ИИ. Правительства, как основные субъекты в международном обществе, вынуждены переосмыслить свою внешнюю политику и дипломатию с учетом новых вызовов, связанных с вредоносным использованием ИИ в нескольких областях: в области безопасности и защищенности систем ИИ, международной безопасности. Третья проблема, требующая пристального внимания, – распространение технологий наблюдения. Уже сейчас 51 % государств с развитой демократией используют системы наблюдения с помощью искусственного интеллекта (умные города, распознавание лиц, умная полиция). Дальнейшее распространение этих технологий, как считает Румейт, является угрозой демократическим нормам и принципам.

Отдельная глава исследования Ф. Румейт посвящена использованию ИИ в информационных войнах. Автор отмечает, что ИИ меняет характер информационных и психологических войн. В эпоху искусственного интеллекта мы можем увидеть новый вид психологической войны, который сочетает в себе силу передовых технологий и силу знаний и информации. На примере психологической войны США в Венесуэле автор делает вывод, что злонамеренное использование ИИ, фейковые новости и дезинформация дают врагу важные результаты, когда они используются во время экономического кризиса, в условиях, когда население страдает от бедности, и тем более, когда в стране нет сильных СМИ, способных противостоять пропаганде, исходящей от врага. ЗИИИ рассматривается как новое и более дешевое оружие. СМИ и ЗИИ используются против страны как инструмент вмешательства во внутренние дела государства, что является нарушением международного права. Это означает, что необходимо переосмыслить международное право и национальные законы относительно СМИ, поскольку необходимо подумать о новой хартии этики в СМИ в век искусственного интеллекта.

Таким образом, исследователи сходятся в том, что искусственный интеллект обладает огромным потенциалом, в то же время новые технологии создают многогранные проблемы. Развитие технологии ИИ требует выработки единого понятийного аппарата, наднационального регулирования, консолидации подходов всех государств и серьезного пересмотра международных норм (в области конфиденциальности личных данных, национальной безопасности, военного использования ИИ и др.). Однако в силу различающихся экономических и политических интересов, жесткой конкуренции между мировыми игроками достижение мирового консенсуса по этике и законодательству в области искусственного интеллекта является большой проблемой.

Список литературы / References

- Зиновьева, Е. С. (ред.) (2024) «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад, Н. А. Цветкова, Э. Л. Сидоренко. М.: МГИМО-Университет [Zinov'eva, E. S. (ed.) (2024) "Digital" and artificial intelligence in the service of diplomacy: analytical report ["Cifra" i iskusstvennyj intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskij doklad]. Moscow: MGIMO-university (In Russ.)].
- Пашенцев, Е. Н., Козюлин, В. Б. (2024) Искусственный интеллект и геополитика: доклад. Москва: ДА МИД России. [Pashencev, E. N., Kozjulin, V. B. (2024) Artificial Intelligence and Geopolitics: Report [Iskusstvennyj intellekt i geopolitika: doklad]. Moscow: DA MFA Russia. (In Russ)].
- Сучков, М. А., Болгова, И. В. (ред.) (2023) *Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней*: монография. М.: МГИМО-Университет [Suchkov, M. A., Bolgova, I. V. (eds.) (2023) *The Digital Turn in International Relations: How New Technologies*

- Are Changing World Politics and the Science of It* [Cifrovoy povorot v mezhdunarodnyh otnosheniyah: kak novye tehnologii menjajut mirovuyu politiku i nauku o nej: monografija]. Moscow: MGIMO-university (In Russ)].
- Bjola, C., Manor, I. (2024) *First contact: integrating generative AI into digital diplomatic intelligence*. Place Brand Public Dipl (2024). DOI: 10.1057/s41254-024-00333-w EDN: UPBJKN
- Dafoe, A. (2018) *AI governance: A research agenda*. Centre for the Governance of AI. [online]. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/wp-content/uploads/GovAI-Agenda.pdf>. (Accessed: 18.01.2024).
- The Oxford Handbook of AI Governance* (2024). Oxford University Press. 1077 p.
- Kukeyeva, F., Kurmangali, M., & Aktay, D. (2024) 'Theoretical and Methodological Approaches to Studying Artificial Intelligence in the Context of International Relations and International Law', *Journal of central asian studies*, 93(1), pp. 4–1. DOI: 10.52536/3006-807X.2024-1.01 EDN: GRGUWU
- Levy, F. S. (2018) 'Computers and populism: Artificial intelligence, jobs and politics in the near term', *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (3), pp. 393–417. DOI: 10.1093/oxrep/gry004
- Makridakis, S. (2017) 'The Forthcoming Artificial Intelligence (AI) Revolution: Its Impact on Society and Firms', *Futures*, 90, pp. 46–60.
- Ndzendze, Bh., Marwala, Tsh. (2023) *Artificial Intelligence and International Relations Theories*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-19-4877-0
- Pashencev, E. N. (eds.) (2023) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Roumate, F. (eds.) (2021) *Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-68647-5
- Roumate, F. (eds.) (2024) *Artificial Intelligence and the New World Order. New weapons, New Wars and a New Balance of Power*. Springer Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-50312-2

Статья поступила в редакцию: 08.10.2024
Статья принята к печати: 15.01.2025

AI TECHNOLOGIES: INTERNATIONAL POLITICAL EFFECTS, THREATS, AND CONSEQUENCES

G. Sufiyanova

Gulnur Sufiyanova, Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of International Relations, Regional Studies and Tourism, University of Tyumen, Russia.
E-mail: g.r.sufiyanova@utmn.ru (ORCID: 0000-0002-9020-7771).

Abstract

Information and communication technologies (ICT) have objectively become the transforming factor in the development of the economy, politics, security, and international relations. Nowadays, the world community pays close attention to Artificial Intelligence (AI) technologies. In light of modern technological advances in artificial intelligence, researchers are more focused on identifying the impact of AI technology on states' domestic and foreign policies, international relations, and world politics. Moreover, they are interested in the possibilities and consequences of AI's application as a new tool. While most of the earlier studies tended to focus on the technological side, the last few years saw the emergence of many publications within specific scientific disciplines where the influence of artificial intelligence is possible. The purpose of this article is to review academic research in which the authors question what international political consequences and threats AI technologies are already leading to and will lead to in the future. Publications written in 2023-2024 are analyzed, in which AI technologies are not considered through a technological prism, but through a political one. This review article uses the comparative narrative method to analyze the literature.

Keywords: artificial intelligence; digital sovereignty; technological sovereignty; data sovereignty; malicious use of AI; big data; digital warfare; information and communication technologies (ICT).

УДК-316.3:316.6

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-137-147

БИОГРАФИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ

Е. С. Калинин

Калинин Евгений Сергеевич, магистр социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: eskalinin@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0007-4273-3287).

Аннотация

Представлены результаты авторского социологического исследования влияния биографических событий на политический интерес студентов. Предложена теоретическая интерпретация политического интереса как многомерного концепта, включающего когнитивный, аффективный, оценочный и поведенческий компоненты. Дано определение биографического события как субъективно значимого случая в жизни индивида. На основе количественных (онлайн-опрос, $n = 300$) и качественных (глубинные интервью, $n = 10$) методов проанализированы ключевые факторы формирования политического интереса, выявлена типология значимых биографических событий. Исследование показало, что уровень политического интереса студентов является умеренным, с заметным разрывом между когнитивным, аффективным, оценочным компонентами и менее развитым поведенческим компонентом. Большинство социально-демографических факторов не оказывают значимого влияния на политический интерес, в то время как образовательная среда и личный биографический опыт играют существенную роль. Выделены четыре типа событий по степени влияния: триггеры, катализаторы, фоновые и нейтральные. Показано преобладание фоновых событий при ключевой роли редких, но ярких событий-триггеров в наращивании политического интереса. Наиболее значимое влияние оказывают события, непосредственно связанные с политической сферой. Результаты исследования подтверждают важность концепции «впечатлительных лет» Д. Сирса и вносят вклад в понимание механизмов политической социализации современного российского студенчества.

Ключевые слова: политический интерес; биографическое событие; жизненная траектория; политическая социализация; студенческая молодежь; политические ориентации; политическое участие; концепция «впечатлительных лет».

Политическая социализация молодежи представляет собой сложный, многофакторный процесс усвоения личностью политических ценностей, норм и образцов поведения. Особенно интенсивно она протекает в студенческом возрасте, когда происходит становление гражданской позиции и политического сознания. Студенты традиционно рассматриваются как наиболее социально-политически активная часть молодежи. Вместе с тем ряд исследователей констатируют наличие определенного кризиса политического сознания среди современных российских студентов, выражающегося в слабой вовлеченности в политический процесс и низком политическом интересе (Киреева, 2013: 39-40). Одним из ключевых индикаторов эффективности политической социализации выступает сформированность устойчивого, осознанного политического интереса. Данная категория отражает степень, в которой политика вызывает любопытство гражданина (Van Deth, 1990: 278). Анализ факторов, влияющих на формирование и изменение политического интереса молодежи, имеет существенное значение.

Среди множества агентов политической социализации особенно выделяются семья, друзья, система образования, СМИ, общественные и политические организации. В качестве факторов политической социализации обозначаются социально-демографические характеристики человека, профессия, религиозность, глобальные общественно-политические события и гораздо реже биографические события (Kudrnáč, 2015: 605-606). В то же время биографические события, происходящие в процессе социализации, нередко становятся значимыми «точками бифуркации», запускающими переосмысление политических ориентаций и, возможно, изменение политического интереса и гражданской пози-

ции молодого человека (Jennings & Markus, 1984: 1000-1001). Особенно велика роль биографических факторов может быть для современной российской молодежи, чье политическое сознание формировалось в принципиально иных условиях по сравнению с предыдущими поколениями. Роль случайных, спонтанных факторов, в том числе личного биографического опыта, в формировании и развитии политических ориентаций, включая политический интерес, значительно возрастает. Представляется, что детальный анализ влияния биографических событий на политический интерес позволит глубже понять причины некоторых кризисных тенденций в политической социализации студенчества, а также механизмы данного процесса в целом. Раскрытие влияния конкретных жизненных событий на политический интерес студентов позволит продвинуться в понимании процесса развития политических установок и политической социализации современной молодежи.

Несмотря на очевидную значимость данной проблематики, влияние биографических событий на политический интерес молодежи остается недостаточно изученным в современной науке. Существующие исследования фокусируются преимущественно на влиянии традиционных агентов социализации (семья, образование, СМИ), оставляя без должного внимания роль индивидуального жизненного опыта. Кроме того, имеющиеся работы часто ограничиваются анализом влияния событий, непосредственно связанных с политической сферой, игнорируя потенциальное воздействие событий личной жизни на формирование политического интереса. Особенно малоизученным остается вопрос о влиянии биографических событий на политический интерес в контексте российского студенчества, что создает существенный пробел в понимании особенностей политической социализации современной молодежи в России.

Теоретические основания исследования

Политический интерес как феномен традиционно изучается в рамках современных концепций политической культуры и политического участия. Исследователи подчеркивают многомерную природу политического интереса, который понимается не только как мотивационная переменная, но и как психологическое состояние, которое может быть предпосылкой для конкретных действий, но не всегда приводит к ним (Renninger & Hidi, 2015). Данная работа основывается на модели политического интереса, которая включает четыре компонента: когнитивный, аффективный, оценочный, поведенческий (Almond & Verba, 1989: 16). Когнитивный компонент отражает осведомленность о политических событиях, деятелях и институтах, а также представления об устройстве политической системы. Аффективный компонент включает в себя эмоциональное отношение к политическим явлениям, удовлетворенность политической ситуацией и доверие к политическим институтам. Оценочный компонент характеризует приверженность определенным политическим ценностям и убеждениям, а также способность к критической оценке политических процессов. Поведенческий компонент отражает готовность к различным формам политического участия.

Политический интерес определяется как ориентация, отражающая включенность индивида в процесс политической социализации посредством внимания к политической сфере, эмоциональной оценки политических событий и потенциального политического поведения (Гавра и Соколов, 1999: 69). Такое определение позволяет охватить различные аспекты политического интереса и его проявления в жизни студентов. Процесс формирования и изменения политических ориентаций рассматривается через призму концепции политической социализации. Подчеркивается важность модели «впечатлительных лет» Д. Сирса, согласно которой политические ориентации наиболее восприимчивы к изменениям в позднем подростковом и раннем взрослом возрасте (Sears, 1990: 69). Эта модель обосновывает выбор студенчества в качестве объекта изучения, поскольку студенческий период представляет собой критически важный этап для формирования устойчивого политического интереса. Студенчество – специфическая социальная группа, для которой характерны такие черты, как интенсивность коммуникации, стремление к новому, склонность к максимализму, гибкость мышления. Приоритетное рассмотрение получает противоречивое положение студентов как субъектов социально-политических отношений: с одной стороны, рассматривается их потенциальная активность и прогрессивность, с другой – проблемы в процессе политической социализации, выражающиеся в политическом нигилизме и неустойчивости политических установок (Белогорская, 2013: 13).

Важным становится и рассмотрение концепций взросления и наступления дебютных биографических событий. В качестве основных вех жизненного пути молодых людей можно выделить получение образования, начало трудовой деятельности, сепарацию от родителей, создание собственной семьи. Отмечается тенденция к более позднему наступлению демографических событий (брак, рож-

дение детей) у современной молодежи по сравнению с предыдущими поколениями (Митрофанова, 2020: 41). Центральное место в исследовании занимает понятие биографического события. Оно рассматривается как социальный конструкт, обладающий пространственно-временными границами и способный нарушать привычный порядок вещей, приводя к внешним или внутренним изменениям в жизни индивида (Филиппов, 2015: 9). Ключевое значение придается нарративному аспекту биографического события. Через нарратив индивид не только описывает, но и конструирует значимость тех или иных событий своей жизни. Это позволяет рассматривать биографическое событие не просто как объективный факт, но как субъективно значимый случай, получивший «насыщенное описание» в личной истории человека (Сапогова, 2005: 69). При этом можно выделить различные типы биографических событий, потенциально влияющих на политический интерес: социально-экономические (поступление в вуз, начало карьеры); демографические (создание семьи, рождение детей); политические (участие в выборах, общественных движениях); личные (переживание утраты, болезнь) (Neundorff & Smets, 2017: 4). Подобная классификация обеспечивает возможность анализа широкого спектра жизненных ситуаций, которые могут воздействовать на политические ориентации молодых людей.

Дизайн исследования

Для достижения цели исследования – определения влияния биографических событий на политический интерес студентов – был использован комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы сбора и анализа данных. В качестве основных методов сбора данных были применены онлайн-опрос в форме анкетирования студентов и глубинное полуструктурированное интервью. Выбор этих методов обусловлен их эффективностью в изучении политических ориентаций (Шестопал, 2018: 81). Онлайн-опрос позволил охватить значительное количество респондентов и получить статистически значимые данные об уровне политического интереса студентов, его динамике и факторах влияния. Анкета включала как закрытые, так и открытые вопросы, что дало возможность не только измерить уровень политического интереса, но и выявить субъективно значимые для респондентов биографические события. Глубинные полуструктурированные интервью были проведены для более детального изучения индивидуальных траекторий политической социализации и роли конкретных биографических событий в этом процессе. Этот метод позволил реконструировать субъективные смыслы и переживания, связанные с определенными жизненными эпизодами, понять их место в индивидуальной биографии.

Для онлайн-опроса была использована стихийная (неслучайная) выборка. В опросе приняли участие 300 студентов в возрасте от 18 до 24 лет, обучающихся в различных вузах России. Выборка была сбалансирована по полу и включала студентов как бакалавриата, так и магистратуры. Для глубинных интервью были отобраны десять информантов (пять юношей и пять девушек) в возрасте 22–24 лет, обучающихся на старших курсах бакалавриата или в магистратуре. Выбор информантов осуществлялся методом целевой выборки с учетом их связи с политической сферой (через образование, политический активизм или оба этих канала) для получения более насыщенных данных о динамике политического интереса.

Для анализа количественных данных, полученных в ходе онлайн-опроса, были использованы методы описательной статистики, а также корреляционный анализ для установления влияния различных факторов на политический интерес студентов. В качестве зависимой переменной выступал уровень политического интереса, измеренный по шкалам Гуттмана и Лайкерта. В качестве независимых переменных рассматривались различные социально-демографические характеристики и биографические факторы. Качественные данные, полученные в ходе глубинных интервью, были проанализированы с помощью метода нарративного анализа. Этот метод позволил выявить ключевые сюжетные линии в рассказах информантов, определить значимые темы и поворотные моменты, что дало возможность проанализировать влияние биографических событий на политический интерес через их роль в личном нарративе.

Исследование проводилось с соблюдением этических норм социологического исследования. Все участники были проинформированы о целях исследования и дали согласие на участие. Конфиденциальность личных данных респондентов и информантов была обеспечена на всех этапах исследования.

В ходе исследования тестировались следующие гипотезы исследования:

1. Студенты, способные идентифицировать биографические события, оказавшие субъективное влияние на их политический интерес, демонстрируют более высокий уровень интереса к политике по сравнению с обучающимися, не склонными выделять подобные события.

2. Студенты более старшего возраста, в основном имеющие опыт событий перехода ко взрослой жизни (начало карьеры, партнерство, вступление в брак, рождение детей), демонстрируют меньший политический интерес по сравнению с более молодыми студентами, преимущественно не прошедшими через подобные этапы.

Политический интерес студентов: основные характеристики

В опросе приняли участие 300 студентов, из них 53 % женщин и 47 % мужчин. Большинство респондентов (68,7 %) находятся в возрасте 18–21 г., остальные 31,3 % – в возрасте 22–24 лет. Преобладают студенты бакалавриата (76,7 %). Большинство респондентов представляют НИУ ВШЭ (51 %) и ЯрГУ им. П. Г. Демидова (40,7 %). Подавляющее большинство (97,7 %) не состоят в браке, но 26,7 % имеют постоянные отношения. Половина опрошенных (50,3 %) сосредоточены только на учебе, остальные совмещают учебу с работой. По материальному положению большинство относят себя к среднему уровню, при этом 56 % удовлетворены своим финансовым состоянием. В интервью участвовали десять информантов (пять юношей и пять девушек) в возрасте 22–24 лет, обучающихся преимущественно в магистратуре НИУ ВШЭ или ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Все информанты связаны с политической сферой либо через образовательный процесс (обучение на программах политологии, социологии, истории, юриспруденции), либо через политический активизм (членство в политических партиях или их молодежных отделениях), либо через оба канала. Выбор информантов обусловлен их большим жизненным опытом, более устойчивыми политическими установками и высокой рефлексивностью.

Уровень и структура политического интереса. Количественные данные демонстрируют умеренный уровень политического интереса среди студентов. Согласно шкале Гуттмана, он составил 2,26 из 5 (45,2 %), а по шкале Лайкерта, предполагающей большее разнообразие суждений, с которыми респонденту предлагалось оценить степень своего согласия, уровень такового обозначился как 13,97 из 20 (69,9 %), что значимо выше. 73,7 % респондентов проявляют интерес к политической сфере в настоящее время. При этом наблюдается значительный разрыв между когнитивным, аффективным и оценочным компонентами политического интереса, которые выражены достаточно сильно, и поведенческим компонентом, который развит значительно слабее. Так, 74 % респондентов согласились с тем, что регулярно интересуются политическими новостями и событиями; 72,3 % отметили, что испытывают определенные чувства по отношению к текущей политической ситуации; 71,3 % указали, что имеют сложившиеся политические убеждения. Однако лишь 14,7 % студентов сообщили, что часто подписывают политические петиции, а 10 % участвуют в митингах и являются членами общественно-политических организаций. Эти данные коррелируют с результатами качественного исследования.

Анализ интервью также выявил преобладание «умеренного идеализма» в политических ориентациях студентов. С одной стороны, все информанты в той или иной степени сохраняют приверженность демократическим и гуманистическим ценностям. С другой стороны, никто из опрошенных не питает особых иллюзий по поводу скорой и легкой реализации этих идеалов. В ценностном отношении информанты тяготеют, скорее, к сочетанию либеральных и социально-ориентированных установок.

Динамика политического интереса. Важной характеристикой политического интереса студентов является его динамичность. Согласно опросу, 77 % респондентов отметили изменение уровня своего политического интереса на протяжении жизни. При этом 42 % указали, что их интерес чаще повышался, в то время как у 8,3 % – чаще понижался. Качественное исследование позволило выявить общую логику становления политических ориентаций и установок. В детстве и ранней юности (до 13–14 лет) интерес к общественным процессам и проблемам в лучшем случае ситуативен и поверхностен, ограничивается семейным кругом. Первое относительно серьезное знакомство с социально-политической тематикой происходит в старших классах школы на фоне изучения гуманитарных дисциплин и подготовки к ЕГЭ. Для большинства опрошенных наиболее важными в политическом развитии стали студенческие годы. Эти результаты не совсем согласуются с результатами опроса, где

68,3 % респондентов отметили, что интерес к политике сформировался относительно недавно, преимущественно в старшем школьном возрасте (67 % начали интересоваться политикой в 14–18 лет). Вероятно, в силу большего опыта и склонности к рефлексии информанты склонны сдвигать период становления своего политического интереса на более поздние годы.

События и политический интерес. Количественное исследование показало, что 40,7 % опрошенных отмечают наличие «поворотных» биографических событий, оказавших влияние на их политический интерес. Среди наиболее часто упоминаемых типов событий были выделены:

1. Внешние и внутренние политические события (37,7 %).
2. Влияние агентов политической социализации (21,3 %).
3. Опыт взаимодействия с органами власти (17,2 %).
4. События, связанные с образованием (10,7 %).
5. Эмиграция или поездка в другую страну (9 %).
6. Участие в выборах (8,2 %).

Качественное исследование позволило дополнить и углубить эти данные. Анализ интервью выявил несколько типов ключевых биографических событий: а) поступление в университет, особенно если оно было связано со сменой места жительства; б) первый опыт добровольческой активности, участия в работе общественных объединений и проектов; в) вехи личной биографии, напрямую не связанные с образованием или политической сферой.

Большинство информантов выделяют социальное окружение (друзей, преподавателей, одноклассников) как ключевой фактор становления политического мировоззрения после совершеннолетия. Семья упоминается преимущественно в детском и подростковом контекстах. Большое значение отводится внутренней политической рефлексии, размышлениям, поискам.

Источники политической информации. Согласно опросу, 65,3 % респондентов регулярно получают информацию о политике из различных источников. При этом 77,7 % опрошенных в той или иной степени доверяют используемым ими источникам политической информации. Качественное исследование позволило конкретизировать данные. Для большинства информантов в качестве основных источников политической информации выступают каналы в «Телеграме» и иных социальных сетях. В меньшей степени – интернет-ресурсы, информационные и новостные сайты в интернете. Со всем небольшую роль играет телевидение.

Политическая компетентность и сформированность взглядов. Количественное исследование показало высокий уровень субъективной политической компетентности среди студентов: 72,7 % хорошо представляют устройство политической системы России, 79 % следят за ключевыми политическими решениями; 71,3 % имеют сложившиеся политические убеждения, 76,3 % – определенное мнение о политических партиях и лидерах. Качественное исследование выявило вариативность политической компетентности в зависимости от личного опыта. Для большинства информантов характерен «умеренный идеализм»: приверженность демократическим ценностям сочетается со скептицизмом относительно их реализации. Процесс формирования политических взглядов часто нелинеен, с периодами пересмотра убеждений. Важно отметить, что высокий уровень субъективной компетентности не всегда соответствует реальным знаниям. Некоторые информанты, уверенные в своих взглядах, демонстрировали фрагментарность знаний о политической системе и текущих событиях.

Политическое участие. Количественные данные показывают, что электоральная активность является наиболее распространенной формой политического участия среди студентов: 64,3 % респондентов приняли участие в последних выборах президента РФ, а 55,3 % сообщили, что часто или всегда участвуют в выборах различного уровня. При этом более активные формы политического участия менее распространены. Только 29,7 % опрошенных готовы подписать петицию или обращение по общественно-политически важной проблеме; 38,7 % в определенных ситуациях готовы принять участие в мирных политических акциях и протестах; 26,6 % рассматривают возможность вступления в студенческие общественно-политические организации или политические партии. Качественное исследование обнаружило более широкий спектр форм политического участия: от сугубо «созерцательного» интереса до активного участия в политических партиях и движениях. В среднем уровень политического участия в рамках качественной выборки оказался заметно выше в сравнении с количественной.

Влияние на жизненные траектории. Согласно опросу, 34 % респондентов отметили, что их политический интерес повлиял на некоторые жизненные планы и решения. Среди таких влияний были отмечены: а) желание эмигрировать (32,7 %); б) наличие или планы получить работу, связанную с

общественно-политической сферой (20,8 %); в) поступление в вуз и исследовательские интересы (11,9 %). Эти результаты нашли подтверждение и в качественном исследовании. Говоря о месте политики в собственной жизни и ее влиянии на жизненные планы и решения, информанты представили разные, порой полярные оценки: от отсутствия подобного воздействия до безусловной роли интереса к политике в своей биографии. Прослеживается некая разница во взглядах в зависимости от практического уровня вовлеченности в политику – информанты, отмечающие большое влияние своего интереса к политике на жизненные планы и решения, являются более политически активными.

Отношение к политической ситуации. Количественные данные показывают, что более половины респондентов (58,7 %) заявили, что действия властей за последний год вызывали у них недовольство и возмущение; 58 % дают отрицательные или, скорее, отрицательные оценки положению дел в стране. При этом их отношение к ситуации в родном городе в целом более позитивно: 54,7 % оценивают происходящие перемены, скорее, или полностью положительно. Критическое отношение к федеральной власти при более позитивном восприятии локальных изменений отражает общую тенденцию к регионализации политического сознания студентов, что может быть связано с большей наглядностью и осязаемостью результатов местной политики в их повседневной жизни. Данные коррелируют с результатами качественного исследования. Говоря о перспективах общественно-политического развития страны, информанты демонстрируют относительно широкий спектр оценок – от сдержанного оптимизма до глубокого скепсиса и недовольства.

Ожидание будущих изменений. Согласно опросу, значительная часть студентов (58,7 %) допускает возможность изменения уровня своего текущего политического интереса в будущем. В качестве потенциальных факторов такой трансформации они называют новые общественно-политические события и потрясения (26,6 %), смену власти (13,3 %), стабилизацию политической ситуации (9,8 %), прямое влияние политики на частную / семейную сферу (9,2 %), уход в приватную жизнь (8,7 %), эмиграцию (7,5 %), появление работы, связанной с политикой (5,8 %). Результаты свидетельствуют о том, что студенты осознают динамичность своего политического интереса и его зависимость как от внешних политических факторов, так и от личных биографических изменений.

Анализ количественных и качественных данных показал, что политический интерес современных российских студентов характеризуется умеренным уровнем и динамичностью. Наблюдается значительный разрыв между когнитивным, аффективным и оценочным компонентами интереса и его поведенческим проявлением. Формирование политического интереса происходит под влиянием различных факторов, среди которых особую роль играют биографические события, связанные с образованием и первым опытом гражданской активности. Студенты демонстрируют критическое отношение к федеральной власти при более позитивном восприятии локальных изменений. Несмотря на высокий уровень субъективной политической компетентности, реальные знания о политической системе часто фрагментарны.

Влияние различных факторов на политический интерес

Для определения степени влияния различных факторов на политический интерес студентов в рамках опроса был проведен корреляционный анализ.

Гендерные различия: анализ с помощью t-теста Стьюдента для независимых выборок не выявил статистически значимых различий в уровне политического интереса между мужчинами и женщинами как по шкале Гуттмана ($t = 1,115$; $p = 0,266$), так и по шкале Лайкерта ($t = 0,162$; $p = 0,871$). Это свидетельствует о том, что гендер не является определяющим фактором в формировании политического интереса среди современных российских студентов.

Возрастные особенности: корреляционный анализ не обнаружил статистически значимых связей между возрастом респондентов (в рамках диапазона 18–24 лет) и уровнем их политического интереса ни по шкале Гуттмана (коэффициент Пирсона: $r = 0,067$; $p = 0,249$), ни по шкале Лайкерта (коэффициент Пирсона: $r = 0,005$; $p = 0,926$). Это может быть обусловлено относительно узким возрастным диапазоном выборки, который не позволяет обнаружить потенциальные эффекты возраста, наблюдаемые в более широком возрастном диапазоне.

Влияние образовательного учреждения: анализ показал наличие слабой, но статистически значимой связи между вузом, в котором обучаются студенты, и уровнем их политического интереса как по шкале Гуттмана ($\text{Eta} = 0,158$; $p = 0,024$), так и по шкале Лайкерта ($\text{Eta} = 0,148$; $p = 0,038$). Студенты НИУ ВШЭ демонстрируют более высокий уровень политического интереса по сравнению со

студентами ЯрГУ им. П. Г. Демидова (по шкале Гуттмана: $t = 2,213$; $p = 0,028$; по шкале Лайкерта: $t = 2,372$; $p = 0,018$). Это может быть связано с особенностями образовательной среды, учебных программ и внеучебных активностей в различных вузах.

Семейное положение и партнерство: результаты анализа не подтвердили наличие значимой статистической связи между семейным положением и политическим интересом (по шкале Гуттмана: $\text{Eta} = 0,098$; $p = 0,240$; по шкале Лайкерта: $\text{Eta} = 0,063$; $p = 0,560$). Сравнение политического интереса между группами с партнером и без также не показало значимых различий (по шкале Гуттмана: $t = 1,582$; $p = 0,115$; по шкале Лайкерта: $t = 0,051$; $p = 0,960$).

Трудовая занятость: посредством сравнения работающих и неработающих студентов не было обнаружено значимых различий в уровне политического интереса (по шкале Гуттмана: $t = 0,742$; $p = 0,459$; по шкале Лайкерта: $t = 1,071$; $p = 0,285$). Однако занятость оказывает влияние на оценочный компонент политического интереса в рамках шкалы Лайкерта ($t = 2,123$; $p < 0,05$): неработающие студенты демонстрируют более выраженную приверженность определенным общественно-политическим ценностям и взглядам. Таким образом, можно отвергнуть гипотезу исследования № 2, поскольку ни возраст, ни семейное положение, ни занятость значимо не влияют на уровень политического интереса студентов.

Материальное положение: корреляционный анализ не обнаружил статистически значимых связей между самооценкой материального положения и уровнем политического интереса ни по шкале Гуттмана (коэффициент Спирмена: $\rho = -0,075$; $p = 0,223$), ни по шкале Лайкерта (коэффициент Спирмена: $\rho = -0,027$; $p = 0,660$).

Влияние биографических событий: анализ выявил слабую, но статистически значимую связь между упоминанием важных биографических событий и уровнем политического интереса студентов как по шкале Гуттмана ($\text{Eta} = 0,250$; $p < 0,001$), так и по шкале Лайкерта ($\text{Eta} = 0,297$; $p < 0,001$). Респонденты, отметившие наличие событий, демонстрируют более высокий уровень политического интереса по сравнению с теми, кто отметил отсутствие событий (по шкале Гуттмана: $t = 4,036$; $p < 0,001$; по шкале Лайкерта: $t = 4,897$; $p < 0,001$).

Наличие биографических событий также слабо, но значимо коррелирует со всеми компонентами политического интереса: когнитивным ($\text{Eta} = 0,277$; $p < 0,001$), аффективным ($\text{Eta} = 0,254$; $p < 0,001$), оценочным ($\text{Eta} = 0,280$; $p < 0,001$), поведенческим ($\text{Eta} = 0,153$; $p = 0,015$). Кроме того, фактор субъективного наличия биографических событий значимо коррелирует с такими переменными, как влияние политического интереса на жизненные планы и решения (V Крамера = $0,311$, $p < 0,001$), изменение политического интереса на протяжении жизни (V Крамера = $0,185$, $p < 0,001$), а также с различными аспектами политического интереса (например, сложившееся мнение о политических партиях и лидерах, сформированные политические взгляды и убеждения). Данные, скорее, подтверждают гипотезу исследования № 1.

События, повлиявшие на политический интерес студенчества

Раскроем подробнее влияние событий на политический интерес обучающихся. В рамках анализа ответов респондентов были систематизированы ключевые события, которые, по мнению самих студентов, оказали влияние на их политический интерес. 40,7 % опрошенных отметили наличие «поворотных» биографических событий, оказавших влияние на их политический интерес. Это свидетельствует о том, что значительная часть студентов осознает роль конкретных жизненных эпизодов в формировании своих политических ориентаций.

Среди наиболее часто упоминаемых типов событий были выделены:

1. Внешние и внутренние политические события (37,7 %). К ним относились такие события, как специальная военная операция (СВО), частичная мобилизация, присоединение Крыма, пенсионная реформа. Это указывает на значительную роль актуальной политической повестки в формировании интереса к политике у студентов.

2. Влияние агентов политической социализации (21,3 %). Сюда вошли события, связанные с воздействием семьи, друзей, партнеров. Это подтверждает важность роли ближайшего социального окружения в процессе политической социализации молодежи.

3. Опыт взаимодействия с органами власти (17,2 %). Личный опыт столкновения с государственными институтами оказался значимым фактором, влияющим на политический интерес студентов.

4. События, связанные с образованием (10,7 %). Поступление в вуз, изучение определенных дисциплин, участие в образовательных программах политической направленности также отмечались как факторы, повлиявшие на интерес к политике.

5. Эмиграция или поездка в другую страну (9 %). Опыт знакомства с другими политическими системами и культурами оказал влияние на политический интерес части студентов.

6. Участие в выборах (8,2 %). Первый опыт голосования или наблюдения за выборами стал значимым событием для формирования политического интереса некоторых респондентов.

Выделенные типы событий позволяют сделать вывод о многофакторности процесса формирования политического интереса студентов. Примечательно, что наибольшее влияние оказывают события, связанные с актуальной политической повесткой и непосредственным взаимодействием с политической сферой. Это подчеркивает важность создания возможностей для активного вовлечения молодежи в политическую жизнь. В то же время значительная роль личных контактов и образовательной среды указывает на необходимость комплексного подхода к политической социализации, учитывающего как формальные, так и неформальные каналы влияния.

Динамика политического интереса и его влияние на жизненные планы студентов. Анализ показал, что влияние биографических событий на политический интерес не всегда однонаправленно: 42 % студентов сообщили, что их интерес чаще повышался после значимых событий, в то время как у 8,3 % он чаще понижался; 23 % отметили, что их интерес к политике повышался и понижался примерно одинаковое количество раз в зависимости от конкретных событий. Значительная часть студентов (58,7 %) допускает возможность изменения уровня своего текущего политического интереса в будущем. В качестве потенциальных факторов такой трансформации они называют: новые общественно-политические события и потрясения (26,6 %); смену власти (13,3 %); стабилизацию политической ситуации (9,8 %); прямое влияние политики на частную / семейную сферу (9,2 %); уход в приватную жизнь (8,7 %); эмиграцию (7,5 %); появление работы, связанной с политикой (5,8 %). Данные результаты указывают на то, что студенты осознают динамичность своего политического интереса и его зависимость как от внешних политических факторов, так и от личных биографических изменений. Полученные данные демонстрируют, что для значительной части студентов политический интерес не ограничивается сферой абстрактных размышлений, но оказывает реальное воздействие на их жизненные траектории.

Категории биографических событий по степени влияния на политический интерес. На основе анализа нарративов информантов было выделено четыре типа биографических событий по степени их влияния на политический интерес: 1) события-триггеры; 2) события-катализаторы; 3) события-фон (контекстуальные); 4) события-out. События-триггеры и события-катализаторы, которые значительно повлияли на динамику политического интереса информантов, носят преимущественно политический или околополитический характер. Респонденты называли среди них такие события, как вступление в партию, участие в избирательной компании, просмотр политического контента / чтение книг на историко-политическую тематику. При этом триггеры – это события, которые резко меняют траекторию политической социализации, задают новый вектор развития интереса и активности. Такие события встречаются относительно редко, но оказывают огромное влияние на политический интерес. Катализаторы представляют собой события, не меняющие кардинально, но заметно ускоряющие и углубляющие / снижающие ранее наметившийся интерес к политическим вопросам. События-фон (контекстуальные) встраиваются в общую картину политического взросления, но не являются самодовлеющими факторами. Они как бы подкрепляют и направляют уже сформировавшийся тренд на рост / снижение политического интереса. Подобные события были зафиксированы у всех информантов и включают относительно узкий круг жизненных обстоятельств: поступление в университет, особенно если оно связано с переездом в другой город; участие в общественных и политических проектах; личные трагедии или значимые события в семье. События-out – это события, очень слабо повлиявшие или совсем не повлиявшие на политический интерес, ход политической социализации. Такие события упоминаются в нарративах пяти информантов: переезд из одной квартиры в другую в подростковом возрасте; начало отношений с партнером в университете; получение водительских прав.

Анализ распределения событий по категориям показал, что преобладают фоновые события, встроенные в общий контекст и не сыгравшие определяющей роли, и события-out, слабо или вообще не повлиявшие на политический интерес (совокупно они составляют 73,3 % от всех упомянутых событий). Динамика политического интереса в большинстве кейсов носила относительно плавный и постепенный характер. Большинство биографических событий «работали» в сторону, пусть зачастую

небольшого, повышения интереса к политике. Важно отметить, что значительное влияние на интерес к политике, подчас гораздо более сильное, оказывают внешние политические события, социальное окружение, собственная рефлексия. Таким образом, можно констатировать существенную вариативность сценариев и траекторий политической социализации, где динамика интереса определяется уникальным набором и конфигурацией факторов (от детских впечатлений до сознательного выбора профессии), а также агентов политической социализации, и где влияние конкретных биографических событий, по всей видимости, весьма ограничено.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд важных тенденций во влиянии биографических событий на политический интерес студентов. Результаты показывают, что это влияние носит комплексный и неоднозначный характер. Анализ выявил умеренный уровень политического интереса среди студентов, с заметным разрывом между когнитивным, аффективным, оценочным компонентами и менее развитым поведенческим компонентом. Это указывает на существование барьеров между интересом к политике и реальным политическим участием. Вопреки первоначальным предположениям, большинство социально-демографических факторов не оказывают значимого влияния на политический интерес. Более существенную роль играют образовательная среда и личный биографический опыт. Особенно важными оказались события, непосредственно связанные с политической сферой: участие в общественных организациях, избирательных кампаниях, знакомство с политическим контентом.

Предложенная типология биографических событий (триггеры, катализаторы, фоновые и нейтральные) позволила обнаружить преобладание фоновых событий при ключевой роли редких, но ярких событий-триггеров в наращивании политического интереса. Это свидетельствует о том, что формирование политического интереса у большинства студентов происходит постепенно, но может быть значительно ускорено определенными яркими событиями. Исследование подтвердило важность концепции «впечатлительных лет» Д. Сирса, показав, что наиболее значимые события, влияющие на политический интерес, приходится на период старших классов школы и первых лет обучения в вузе. Это подчеркивает необходимость уделять особое внимание политическому образованию и возможностям для политического участия именно в этот период.

Полученные результаты указывают на необходимость комплексного подхода к развитию политического интереса студентов. Важно не только предоставлять теоретические знания о политической системе, но и создавать возможности для практического опыта взаимодействия с политической сферой. Это может включать организацию встреч с политическими деятелями, участие в моделировании политических процессов, вовлечение в работу студенческих общественных организаций.

Ограничения исследования связаны с его поперечным характером, нерепрезентативностью выборки для всего российского студенчества и фокусом преимущественно на двух городах (Москве и Ярославле). Дальнейшие исследования могли бы включать лонгитюдный анализ для более точного отслеживания динамики политического интереса, а также расширение географии исследования для учета региональных особенностей политической социализации студентов.

Список литературы / References

- Белогорская, Л. В. (2013) Научно-практические основы развития политического сознания студентов в образовательной среде вуза. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Нижний Новгород. [Belogorskaya, L. V. (2013) 'Scientific and practical foundations for the development of students' political consciousness in the educational environment of the university' [Nauchno-prakticheskie osnovy razvitiya politicheskogo soznaniya studentov v obrazovatel'noj srede vuza]. Cand. Diss. (Ped.). Nizhnij Novgorod (In Russ.)]. EDN: SURMVL
- Гавра, Д. П., Соколов, Н. П. (1999) 'Исследование политических ориентаций', *Социологические исследования*, 1, сс. 66–77 [Gavra, D. P. and Sokolov, N. P. (1999) 'Study of political orientations' [Issledovanie politicheskix orientacij], *Sociologicheskie issledovaniya*, 1, pp. 66–77. (In Russ.)].
- Киреева, Н. Н. (2013) 'Влияние информационной культуры на политическую социализацию молодежи', *Вестник ЧелГУ*, 38 (329), сс. 39–42 [Kireeva, N. N. (2013) 'The influence of information culture on the political socialization of young

- people' [Vliyanie informacionnoj kul'tury na politicheskuyu socializaciyu molodezhi], Vestnik ChelGU, 38 (329), pp. 39–42 (In Russ.)].
- Митрофанова, Е. С. (2020) '(Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян', Демографическое обозрение, 7(4), сс. 36–61. [Mitrofanova, E. S. (2020) '(Not) time to grow up: how the age of onset of debut biographical events is changing in Russians' [(Ne)vremya vzroslet': kak menyaetsya vozrast nastupleniya debyutnykh biograficheskikh sobytij u rossiyan], Demograficheskoe obozrenie, 7(4), pp. 36–61. (In Russ.)].
- Сапогова, Е. Е. (2005) 'Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии', Культурно-историческая психология, 1(2), сс. 63–74. [Sapogova, E. E. (2005) 'Autobiographical narrative in the context of cultural-historical psychology' [Avtobiograficheskij narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoy psixologii], Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya, 1(2), pp. 63–74. (In Russ.)].
- Филиппов, А. Ф. (2015) *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы*. Т. 2. Под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль [Filippov, A. F. (2015) *Sociologia: observations, experiences, prospects* [Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy]. 2. Bankovskaya, S. P (eds.). SPb.: Vladimir Dal' (In Russ.)].
- Шестопад, Е. Б. (2018) 'Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия', Социальная психология и общество, 9 (3), сс. 81–90. [Shestopal, E. B. (2018) 'Features of the use of psychological methods for studying political perception' [Osobennosti ispol'zovaniya psixologicheskix metodov dlya izucheniya politicheskogo vospriyatiya], *Social psychology and society*, 9 (3), pp. 81–90. (In Russ.)]. DOI: 10.17759/sps.2018090309 EDN: YQSMVF
- Almond, G. and Verba, S. (1989) *The Civic Culture Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage Publications, Inc.
- Jennings, M. K. and Markus, G. B. (1984) 'Partisan orientations over the long haul: Results from the three-wave political socialization panel study', *American Political Science Review*, 78(4), pp. 1000–1018. DOI: 10.2307/1955804
- Kudrnáč, A. (2015) 'Theoretical Perspectives and Methodological Approaches in Political Socialization Research', *Sociológia*, 47(6), pp. 605–624.
- Neundorff, A. and Smets, K. (2017) 'Political Socialization and the Making of Citizens', *Oxford Handbook of Political Behavior*, pp. 1–28. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935307.013.98
- Renninger, K. A. and Hidi, S. (2015) *The power of interest for motivation and engagement*. Routledge. DOI: 10.4324/9781315771045
- Sears, D. (1990) 'Whither political socialization research?' in Ichilov, O. (eds.). *Political socialization, citizenship education, and democracy*. N.Y.: Teachers College Press, pp. 69–97.
- Van Deth, J. W. (1990) 'Interest in Politics', in Jennings, M. K., van Deth J. W. et al. (eds.). *Continuities in Political Action: A Longitudinal Study of Political Orientations in Three Western Democracies*. Berlin, New York: De Gruyter and Aldine, pp. 275–312.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

BIOGRAPHICAL EVENT AS A FACTOR OF POLITICAL INTEREST OF STUDENTS

E. Kalinin

Evgeniy Kalinin, Master in Sociology,
National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia.
E-mail: eskalinin@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0007-4273-3287).

Abstract

The author presents the results of a sociological study of the influence of biographical events on the political interest of students. This paper presents a theoretical interpretation of political interest as a multidimensional concept that includes cognitive, affective, evaluative, and behavioral components. Based on quantitative (online survey, n=300) and qualitative (in-depth interviews, n=10) methods, the study analyzes the key factors in the formation of political interest and identifies a typology of significant biographical events. The study shows that the level of students' political interest is moderate, with a noticeable gap between the cognitive, affective, evaluative components and a less developed behavioral component. Most socio-demographic factors do not have a significant impact on political interest, while educational background and personal biographical experiences play a significant role. Four types of events are distinguished according to their degree of influence: triggers, catalysts, background, and neutral. The prevalence of background events is shown, with a key role of rare but striking trigger events in increasing political interest. Events directly related to the political sphere have the greatest influence. The results of the study confirm the importance of D.O. Sears' concept of "impressionable years" and contribute to the understanding of the mechanisms of political socialization of modern Russian students.

Keywords: political interest; biographical event; life trajectory; political socialization; student youth; political orientations; political participation; the concept of "impressionable years".

УДК-32.019.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-148-155

КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Е. В. Матвеева, А. В. Сат

Матвеева Елена Викторовна, доктор политических наук, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения,
Кемеровский государственный институт культуры, Россия.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7001-6935).

Сат Алия Викторовна, кандидат политических наук, руководитель Центра социологических исследований,
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия.
E-mail: aliya_sat@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4744-6176).

Аннотация

В последние несколько лет важное значение в Российской Федерации приобретают вопросы формирования семейных ценностей среди современной российской молодежи. Посыл государства, выраженный, в частности, в объявлении 2024 года Годом семьи, направлен на переоценку всеми социальными группами общества категории «семейные ценности» и привлечение в разных форматах самой молодежи к пониманию семьи как ценности, неразрывно связанной с достижением личного успеха и благополучия. Приведены результаты кросс-регионального анализа семейных ценностей в представлениях студенческой молодежи на примере отдельных регионов Сибирского федерального округа – Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва. Отмечено, что устойчивость семейных традиций как фундаментального ценностного основания оказывает непосредственное воздействие на особенности политических настроений и в целом на процесс политической социализации молодого поколения. Выявлено, что независимо от региона проживания и места обучения в вузе ценность семьи для молодежи имеет важное значение среди жизненных ценностей наряду с карьерой и материальным достатком, в совокупности обеспечивая устойчивый фундамент при потенциальной готовности молодого поколения к созданию семьи. Установлено, что фактор высшего образования не оказывает существенного воздействия на систему семейных ценностей молодого поколения и далеко не всегда оказывается определяющим в определении успешности человека. При этом фактор воздействия социальных сетей, напротив, в подавляющем большинстве случаев имеет негативное влияние на семейные отношения.

Ключевые слова: духовно-нравственные основы государства; традиция; семейные ценности; семейные предпочтения молодежи; молодежь; фактор высшего образования; социальные сети и семья; политическая социализация; регион.

Актуализация на государственном уровне вопросов, связанных с комплексом мероприятий, направленных на сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей российской государственности (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 года № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.»), привела к выделению конкретных национальных ориентиров, одним из которых становится такая значимая для нашей страны традиционная ценность, как семья. Важным законотворческим решением к уже существующей нормативно-правовой базе в этом плане стало принятие Указа Президента от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в РФ Года семьи» и утверждение к отмеченному Указу Плана мероприятий, направленных на консолида-

цию общества вокруг семейных ценностей¹. Как отметила в одном из своих комментариев «Российской газете» в январе 2024 г. вице-премьер Правительства РФ Татьяна Голикова, «Наша общая и, наверно, главная задача – это возродить уважительное отношение к большой семье, способствовать укреплению семейных ценностей»².

Одним из общественно значимых мероприятий в данном контексте стал II Всероссийский форум Всемирного русского народного собора «Русский мир», проходивший 29 июля 2024 г. в Севастополе при поддержке Русской православной церкви, на котором участники поддержали проект Федерального закона «О триединстве русского народа» и выступили с инициативой к органам федеральной власти о необходимости утверждения основ государственной политики РФ по защите и укреплению триединства русского народа³. В ознаменование прошедшего форума в регионах прошла серия мероприятий, направленных на консолидацию разных социальных групп общества вокруг переоценки значимости традиций и прежде всего семейных ценностей на современном этапе развития России. Особое место в подобном рода дискуссиях было отведено учебным учреждениям и научно-исследовательским институтам, участвующим в формировании ценностного мировоззрения молодого поколения. Так, в Кемеровской области – Кузбассе только в октябре 2024 г. прошла серия мероприятий с участием депутатского корпуса Парламента Кузбасса, членов Общественной палаты Кемеровской области – Кузбасса с привлечением профессорско-преподавательского состава вузов и студенчества по обсуждению и выработке консолидированной позиции в отношении принятых на государственном уровне документов в области сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей нашей страны⁴. Аналогичные процессы прошли и в других регионах РФ.

В рамках научного обсуждения вышеобозначенных вопросов российские ученые не только проявляют заинтересованность к изучению вектора государственной политики в вопросах сохранения и укрепления семейных ценностей (Кашина, Клецина (2021), А. А. Пронина (2023)), но и непосредственно осуществляют анализ формирования жизненных установок, способных в будущем оказать влияние на гендерные представления и установки молодежи в вопросе создания семьи (Нечаева, 2018; Мерзлякова, 2022; Лебедев, 2024). Так, Е. А. Нечаева отмечает, что на фоне прагматического подхода в плане постановки жизненных целей и стремления к благосостоянию и успеху молодежи присущ активизм как средство по изменению окружающего мира к лучшему (Нечаева, 2018: 23). В свою очередь, С. В. Мерзлякова выделяет среди качеств молодежи, независимо от их возрастных особенностей, доминирование гуманистической ориентации, что в итоге приводит к развитию ценности счастливой семейной жизни, а такие характеристики, как самореализация, безопасность и самоактуализация, в итоге оказывают влияние на решение создания брачных отношений (Мерзлякова, 2022: 145).

Что касается исследования семейных предпочтений молодежи в региональном измерении, то нужно отметить, что за последние несколько лет появилось большое количество публикаций, направленных на осмысление феномена семейных ценностей как результат сложившейся в традиционных обществах системы воспитания в отношении ценности семьи и брака, о чем, в частности, пишут тувинские ученые Д. В. Доспан-оол и Л. Д. Ондар (Ондар, Доспан-оол, 2017), С. М. Карашпай (Карашпай, 2023), О. А. Персидская (Персидская, 2019), Т. К. Ростоцкая (Ростоцкая и др., 2024) и др. Нельзя не отметить отдельные исследования региональных ученых, в которых вопросы семейных ценностей рассматриваются как основа культуры и проявление политической культуры (Матвеева и др., 2024; Матвеева и др., 2023; Федотова, 2017), а также проводится анализ региональных особенностей семейных стратегий региональной политики (Благогожева, 2022).

¹ План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи [Электронный ресурс]: утв. Правительством РФ 26 декабря 2023 г. № 21515-П45-ТГ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/03/План%20основных%20мероприятий%20по%20проведению%20в%20Российской%20Федерации%20Года%20семьи.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

² Михаил Мишустин утвердил план мероприятий Года семьи [Электронный ресурс]. 09.01.2024. URL: <https://rg.ru/2024/01/09/roditelskij-nastroj.html> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Участники форума в Севастополе предложили принять закон о триединстве русского народа [Электронный ресурс]. 29.07.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21479039> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ В Парламенте Кузбасса прошла встреча митрополита Кемеровского и Прокопьевского Аристарха с общественностью [Электронный ресурс]. 23.10.2024. URL: <https://www.zskuzbass.ru/press-czentr/novosti/novosti-parlamenta/14400> (дата обращения: 27.10.2024); Круглый стол «О реализации государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей в Кузбассе» [Электронный ресурс]. 19.10.2024. URL: <https://kemgik.ru/news/kruglyy-stol-o-realizatsii-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-dukhovno-nravstven/> (дата обращения: 27.10.2024).

Методика исследования

В статье представлены результаты кросс-регионального анализа семейных ценностей в представлениях студенческой молодежи на примере отдельных регионов Сибирского федерального округа – Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва. Необходимо отметить, что выявленные тенденции, свидетельствующие прежде всего о сходствах изучаемого явления, в целом свойственны студенческой молодежи других регионов России, хотя проведение более развернутых исследований с расширением географии участников позволит выявить и проранжировать предпочтения студентов с учетом, например, таких факторов, как численность населения в регионе, влияние этнического и религиозного факторов, территориальные особенности региона и др. Выбор конкретных субъектов Федерации Сибирского федерального округа определялся необходимостью проведения кросс-регионального анализа предпочтений молодежи региона промышленного типа (Кемеровская область – Кузбасс) с регионом традиционного типа (Республика Тыва), где ценность семейных традиций в конечном итоге оказывается определяющей в вопросах политической социализации молодежи как в оценке текущей ситуации, так и на долгосрочную перспективу.

В качестве индикатора, выступающего одновременно и средством воздействия на предпочтения молодежи и определяющего дальнейший вектор государственной семейной политики, выступил процесс политической социализации молодого поколения. Полученные результаты позволяют оценить проявления политической социализации молодежи, влияющие на интеграцию индивида в политические процессы или процессы, непосредственно тесно соприкасающиеся с политикой (например, осознанная гражданская позиция принимать участие в выборах, готовность оказывать поддержку другим людям, занимаясь волонтерской деятельностью, участие в деятельности молодежных советов и парламентов на региональном / муниципальном уровне и др.). В частности, в «Проекте доклада о состоянии развития гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год», представленном 1–2 ноября 2024 г. на итоговом форуме Общественной палаты Российской Федерации «Сообщество», наряду с «устоявшимися» от года в год такими вопросами, как осуществление общественного контроля и общественного наблюдения в работе институтов гражданского общества, поднят ряд новых тем. В частности, это социологические замеры общественных настроений в отношении готовности респондентов помогать незнакомым нуждающимся людям и военнослужащим, находящимся на СВО¹.

Основу представленной статьи составили результаты авторского исследования, проведенного в октябре 2024 г. методом фокус-групп среди студенческой молодежи в двух регионах Сибирского федерального округа – Кемеровской области – Кузбассе и Республике Тыва. В исследовании приняли участие 55 респондентов, обучающихся в трех региональных вузах: Кемеровский государственный университет (КемГУ), Кемеровский государственный институт культуры (КемГИК) и Тувинский государственный университет (ТувГУ). Гендерный индикатор определялся спецификой вузов и факультетов, на которых обучаются студенты: в вузах Кузбасса соотношение составило 40 % юношей и 60 % девушек (Институт истории и международных отношений КемГУ, социально-гуманитарный факультет, и режиссерско-педагогический факультет КемГИК), в ТувГУ – по 50 % юношей и девушек (инженерно-технический факультет).

Результаты исследования

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено два блока вопросов на выявление: 1) личностного отношения к сущности ценностей и вопросам семьи; 2) воздействия факторов высшего образования и социальных сетей на отношение молодежи к семейным ценностям. Ответы респондентов на вопросы «Что для Вас важно в жизни?» «Какие ценности утрачивают значение среди современной молодежи?» позволили выделить две ключевые тенденции в ценностно-мировоззренческих ориентациях молодежи независимо от региональной специфики и места обучения в вузе. Во-первых, это выделение ценности семьи в широком контексте (родители, дети, супруг / супруга, друзья) как наиболее значимой, определяющей в жизни человека (*«Для меня важна в жизни семья, также здоровье и учеба», КемГУ; «Самое важное для меня – это семья. Карьера тоже важна, но не в ущерб семье», КемГИК; «Самая главная ценность в моей жизни – это моя семья: жена, дети, мама», «Мои родители, здоровье, мирное небо над головой», ТувГУ*).

¹ Проект доклада Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс], *Общественная палата РФ*. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/5fc/u07zjnx03jvup8q2wvvgb7fb0pg99r54g.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

При этом не всегда наличие собственной семьи в этом контексте оказывает решающую роль (срабатывает опыт воспитания в родительской семье). Во-вторых, это значимость карьеры и материального заработка, которые рассматриваются неотрывно друг от друга (порой в совокупности с ценностью семьи), в конечном счете выполняя роль прочного «фундамента», в частности в вопросе планирования семьи в будущем («*Семья и финансы для меня взаимосвязаны*», «*Карьера и семья – это взаимодополняемые явления*», КемГИК; «*Семья, самореализация и финансовое благополучие входят в мои топ-3*», «*Для меня самое главное карьера и достойный заработок, только потом семья*», ТувГУ). Однако при всех сходствах в тональности и содержательном наполнении ответов респондентов необходимо отметить, что периодичность высказываний в отношении преобладания первой или второй тенденции среди кузбасской и тувинской молодежи все же разная. Тувинская молодежь в своем большинстве ориентирована на приоритет в шкале жизненных ценностей семейных и родовых традиций, поэтому чаще всего семья рассматривается как непереносимый компонент успеха и финансового благополучия.

Что касается ценностей, утрачиваемых современной молодежью, то большинство респондентов отмечали в своих ответах утрату уважения к старшему поколению («*Отношение к старшему поколению изменяется*», КемГУ; «*Происходит уничтожение духовной составляющей. Утрачивают свое значение ценность семьи, любви, дружбы, связи между людьми*», КемГИК; «*Утрачиваются семейные ценности, перестали уважать старшее поколение*», ТувГУ). Тувинская молодежь наряду с этим проявила особую обеспокоенность утратой молодым поколением родного тувинского языка и традиций, крайне важных для традиционных обществ ценностей, однако утрачиваемых от поколения к поколению в тувинском обществе («*Утрачиваются такие ценности, как традиции и язык*», «*Есть тенденция, что дети забывают тувинский язык, элементарно с родителями общаются на русском языке*», «*Утрачивается ценность родного языка, тувинского*», «*Дети не знают тувинского языка. Часто сидят в интернете, с телефонами, а там тувинского языка нет. Если будут мультики на родном языке, тогда и язык будет сохранен. Современные дети даже английский могут знать, но тувинского не знают*»).

На вопросы «Что для Вас значит семья?» «Какой должна быть, по Вашему мнению, образцовая семья?» респонденты в своем большинстве не разделили категории «семья» и «образцовая семья», то есть интерпретация обеих категорий взаимодополняла друг друга. Среди ответов выделим следующие:

– «Семья и образцовая семья – это когда оба партнера на равных и в материальном плане, и в духовном, и в психологическом» (КемГУ).

– «Семья – это вклад в развитие своего ребенка в плане его способностей. Общий досуг, беседы. Семья – это уделение времени не только своему ребенку, но и своей супруге или супругу» (КемГУ).

– «Семья – это мужчина, женщина, дети. Образцовая семья – это где эмоционально все выверенно, ты понимаешь, что от человека ждать. Ты не ждешь от человека ничего плохого» (КемГИК).

– «Образцовая семья – это семья, в которой тебя принимают, где тебя любят, заботятся» (КемГИК).

– «Семья поддерживает человека всю жизнь. Образцовая семья – это где родители работают, имеют образование. Не должны пить алкоголь и курить. Уделять достаточно времени детям» (ТувГУ).

– «Семья – это фундамент. Она дает наставления и воспитание, на основе которых человек формируется как личность. Образцовая семья – любящая мама, которая понимает тебя с полуслова. Отец строгий, но справедливый. Это идеальная семья» (ТувГУ).

Во втором блоке, где респонденты имели возможность связать между собой критерии успешности человека и высказать свое мнение, взаимосвязаны между собой успешность и фактор высшего образования. Как показали ответы респондентов, категория успешности достаточно емкое понятие – это «*тот, кто построил успешную карьеру и может обеспечивать семью*», «*человек, который смог реализовать себя*», «*дисциплинированный, образованный человек*», «*человек, развитый всесторонне и умеющий адаптироваться под конкретную ситуацию*», «*счастливый и довольный своей жизнью человек*». В то же время большая часть участников фокус-групп высказалась в пользу того, что высшее образование далеко не всегда является залогом успешности человека. В числе ответов выделим следующие:

– «Высшее образование нужно в определенных сферах, например в научной, а финансовый успех или семейный успех может от этого не зависеть» (КемГУ).

– «Высшее образование не всегда показатель успеха. Главное мыслить умно, то не важно высшее образование. Но на это смотрят до сих пор» (КемГУ).

– «В наше время высшее образование должно быть опцией, которая доступна каждому. Высшее образование нужно не всем людям, и при этом оно должно быть доступным» (КемГИК).

– «Успех – это то, что человек счастлив и доволен своей жизнью. По поводу высшего образования – это ключевой момент, но не обязательный. Есть люди, которые получают высшее образование чисто ради корочки» (КемГИК).

– «Не всегда успешность зависит от наличия высшего образования. Все индивидуально. Сейчас грань размыта» (ТувГУ).

– «Высшее образование потеряло свою значимость. Важны навыки. Сначала спрашивают, что ты умеешь» (ТувГУ).

Респонденты имели возможность высказать свое личное мнение относительно того, оказывает или нет влияние высшее образование на семейные ценности. В своих ответах студенты из ТувГУ в своем большинстве сошлись во мнении, что высшее образование не оказывает никакого влияния на семейные ценности («Образование не влияет на создание семьи», «Не меняется, все зависит от самого человека»). В свою очередь, мнения студентов кузбасских вузов разделились, хотя в своем большинстве прямой зависимости между высшим образованием и изменением жизненных ценностей участники фокус-группы не отмечали («В рамках учебного процесса в вузе человек под влиянием личных примеров преподавателей может меняться в вопросах ценностей», КемГУ; «Существенных перемен не происходит, но происходит взросление человека, ты получаешь какую-то новую информацию для себя», «Ценности имеют системный характер, если у тебя меняется одна ценность, то меняется и другая», КемГИК).

В завершающей части фокус-групп респонденты смогли выразить свое мнение в отношении социальных сетей. Ответы, полученные на вопросы «Оказывают ли влияние на отношения в семье социальные сети?» «Если оказывают, то какое, больше позитивное или негативное?» в целом показали, что большинство участников исследования отмечают негативные проявления воздействия социальных сетей как в системе межличностного общения между людьми, так и в выстраивании семейных отношений и воспитании детей. Далее представлены некоторые из ответов:

– «Социальные сети негативно влияют на отношения в семье. Забирают много времени. Теперь для пары стало нормально, если они сидят напротив друг друга с телефонами, то они проводят время вместе. Вместе – это когда вживую идет общение» (КемГУ).

– «Люди не умеют правильно потреблять контент, смотрят все подряд. Это приводит к тому, что человек перестает отличать реальность от виртуального мира. Человек начинает перекладывать определенные ситуации из видео на свою жизнь, на семью. Это разрушает личность человека» (КемГИК).

– «Социальные сети укрепляют связи между родственниками, которые находятся на далеком расстоянии – родители и дети, братья и сестры» (КемГИК).

– «Негативно, потому что родители и дети мало общаются. Еще зачастую ссоры в парах происходят на почве ревности из-за общения с другими людьми одного из партнеров в социальных сетях. Пары ругаются даже из-за лайков» (ТувГУ).

– «Дети перестают уважать родителей, обращаются на “ты”» (ТувГУ).

– «Есть и хорошие, и плохие стороны социальных сетей. Из хороших сторон можно отметить то, что мы делимся полезным или веселым контентом с членами семьи. Но в целом для детей социальные сети имеют плохое влияние» (ТувГУ).

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что рассмотренный перечень вопросов демонстрирует преобладание в системе семейных ценностей молодежи, независимо от места проживания и обучения респондентов, таких важных жизненных ценностей, как приоритет семьи, карьеры и материального достатка, которые взаимодополняют друг друга и фактически в своей совокупности, по мнению участников фокус-групп, способны оказывать положительное воздействие на категорию «счастливая семья» как фундамент семейных отношений. В то же самое время такая ценность, как уважение к старшему поколению, утрачивает свой

изначальный смысл, а для тувинской молодежи особую обеспокоенность вызывает утрата родного тувинского языка и традиций.

Важную роль в приверженности семейным традициям молодежи играет категория «успешность человека». Результаты исследования показали заметное разнообразие в ответах студентов в отношении понимания успешности. При этом большая часть молодежи не видит прямой взаимосвязи между успешностью человека, созданием семьи и получением высшего образования. В свою очередь, если фактор высшего образования оценивается молодежью в худшем случае как нейтральная категория, то социальные сети в подавляющем большинстве осознаются в негативном контексте, несущем в своей основе отрицательные «риски» как на этапе создания семьи, так и в процессе межличностного общения супругов и воспитания детей.

В завершение отметим, что среди перечня выделенных респондентами категорий именно категория «семья» оказывается более универсальной и системообразующей в ценностно-мировозренческих основаниях молодежи, что позволяет рассматривать ее как значимый инструмент по формированию политического мировоззрения молодых людей, где родители, друзья, супруг / супруга имеют основополагающее значение в шкале оценок молодого человека текущей политической ситуации в стране и в мире. И в этом отношении значимость дисциплин гуманитарного блока системы высшего образования как нельзя лучше направлена в своей основе не просто на формирование эрудированного, подготовленного к определенному виду деятельности специалиста, а на развитие общественно активной личности, отдающей отчет своим оценкам и действиям, затрагивающим вопросы гражданско-политического мировоззрения, включая семейные ценности.

Что касается возможности проведения дальнейших исследований, направленных на выявление различных граней системы семейных ценностей молодого поколения, нужно отметить, что следует уделить внимание ряду вопросов. Причем большая часть из данного перечня требует тщательной проработки на уровне государства при активном участии институтов гражданского общества. Поспешные решения не просто не смогут повлиять на изменение ситуации, а, напротив, вызовут негативные настроения в обществе. В их числе возможные пути «ослабления» значимости социальных сетей в пропаганде «успешного образа» жизни современной молодежи «вне семьи», мотивация к рождению детей и созданию семьи после получения высшего образования, а не в формате отложенного деторождения, принятие региональных мер поддержки не просто для молодых семей, а семей с детьми.

Список литературы / References

- Благорожева, Ж. О. (2022) 'Семейные стратегии региональной молодежи', *Научный результат. Социология и управление*, 8(3), сс. 91–102. [Blagorozheva, Z. O. (2022) 'Semejnye strategii regional'noj molodezhi' ['Family Strategies for Regional Youth'], *Scientific Result. Sociology and Management*, 8(3), pp. 91–102. (In Russ.)]. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7 EDN: BXYIMU
- Карашпай, С. М. (2023) 'Ценностные ориентации современной тувинской молодежи', *Общество: социология, психология, педагогика*, 11(115), сс. 64–68. [Karashpaj, S. M. (2023) 'Cennostnye orientacii sovremennoj tuvinskoj molodezhi' [Value orientations of modern Tuvan youth], *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 11(115), pp. 64–68. (In Russ.)]. DOI: 10.24158/spp.2023.11.7 EDN: ZFQZOE
- Кашина, М. А., Клецина, И. С. (2021) 'Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения', *Женщина в российском обществе*, 2, сс. 47–64. [Kashina, M. A. & Klecina, I. S. (2021) 'Modeli sem'i i semejnyh otnoshenij v gosudarstvennyh dokumentah po semejnoj politike i v predstavleniyah studentcheskoj molodezhi: točki soprikosnoveniya i raskhozhdeniya' ['Family and Family Relationship Models in State Documents on Family Policy and in the Perceptions of Student Youth: Points of Contact and Divergence']. *Woman in Russian Society*, 2, pp. 47–64. (In Russ.)]. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.4 EDN: BPIMME
- Лебедев, М. М. (2024) 'Феномен представлений о будущей семье в сознании современного студенчества: факторы и механизмы формирования', *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного универси-*

- mema*, 2(70), сс. 156–169. [Lebedev, M. M. (2024) 'Fenomen predstavlenij o budushchej sem'e v soznanii sovremennogo studenchestva: faktory i mekhanizmy formirovaniya' ['The Phenomenon of Ideas about the Future Family in the Consciousness of Modern Students: Factors and Mechanisms of Formation']. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2(70), pp. 156–169. (In Russ.)). EDN: VLNWRO
- Матвеева, Е. В., Астахов, О. Ю., Сат, А. В. (2024) 'Особенности политической культуры Республики Тыва в условиях тренда государства на формирование традиционных ценностей', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18(3), сс. 116–125. [Matveeva, E. V., Astahov, O. Y. & Sat, A. V. (2024) 'Oso-bennosti politicheskoy kul'tury Respubliki Tyva v usloviyah trenda gosudarstva na formirovanie tradicionnyh cennostej' ['Features of the political culture of the Republic of Tuva in the context of the state's trend towards the formation of traditional values'], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(3), pp. 116–125. (In Russ.)). DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-116-125 EDN: SZJIZV
- Матвеева, Е. В., Алагоз, А. В., Паничкина, Е. В., Асхакова, А. П. (2023) 'Феномен культуры в системе ценностных представлений студенческой молодежи Кузбасса (на материалах фокусированных интервью)', *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(1), сс. 129–138. [Matveeva, E. V., Alagoz, A. V., Panichkina, E. V. & Askhakova, A. P. (2023) 'Fenomen kul'tury v sisteme cennostnyh predstavlenij studencheskoj molodezhi Kuzbassa (na materialah fokusirovannyh interv'yu)' ['The Phenomenon of Culture in the System of Value Concepts of Kuzbass Student Youth (Based on Materials from Focused Interviews)']. *Bulletin of the Transbaikalian State University*, 29(1), pp. 129–138. (In Russ.)). DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-129-138 EDN: LJQUGV
- Мерзлякова, С. В. (2022) 'Нравственные ориентации как фактор развития семейного самоопределения современных студентов', *Образование и наука*, 24(6), сс. 122–152. [Merzlyakova, S.V. (2022) 'Nravstvennye orientacii kak faktor razvitiya semejnogo samoopredeleniya sovremennyh studentov' ['Moral orientations as a factor in the development of family self-determination of modern students'], *Education and Science*, 24(6), pp. 122–152. (In Russ.)). DOI: 10.17853/1994-5639-2022-6-122-152 EDN: TEUOWW
- Нечаева, Н. А. (2018) 'Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях'. *Петербургская социология сегодня*, 9, сс. 6–26. [Nechaeva, N.A. (2018) 'Obshchie zhiznennye ustanovki studencheskoj molodezhi: ih rol' v semejnyh i gendernyh predstavleniyah' ['General life attitudes of student youth: their role in family and gender representations'], *Petersburg Sociology Today*, 9, pp. 6–26. (In Russ.)).
- Ондар, Л. М., Доспан-оол, Д. В. (2017) 'Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке', *Научно-педагогическое обозрение*, 1 (15), сс. 72–80. [Ondar, L. M. & Dospan-ool, D. V. (2017) 'Predstavleniya tuvinskoj studencheskoj molodezhi o sem'e i brake' ['The ideas of Tuvan student youth about family and marriage']. *Scientific and Pedagogical Review*, 1 (15), pp. 72–80. (In Russ.)). DOI: 10.23951/2307-6127-2017-1-72-80 EDN: XVLFSL
- Персидская, О. А. (2019) 'Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва', *Новые исследования Тывы*, 3, с. 4. [Persidskaya, O.A. (2019) 'Rol' cennostnyh orientacij molodyh tuvincev v prostranstvennom razvitii Respubliki Tyva' ['The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva']. *New Research of Tuva*, 3, p. 4. (In Russ.)). DOI: 10.25178/nit.2019.3.4 EDN: SDRRQS
- Пронин, А. А. (2023) 'О новой государственной культурной политике Российской Федерации', *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*, 3, сс. 21–36. [Pronin, A.A. (2023) 'O novoj gosudarstvennoj kul'turnoj politike Rossijskoj Federacii' ['On the new state cultural policy of the Russian Federation']. *News of higher educational institutions. Ural region*, 3, pp. 21–36. (In Russ.)).
- Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Васильева, Е. Н., Накисбаев, Д. В. (2024) 'Сту-

денческая семья глазами тувинской молодежи», *Новые исследования Тувы*, 2, сс. 225–242. [Rostovskaya, T.K., Zolotareva, O. A., Vasil'eva, E. N. & Nakisbaev, D. V. (2024) 'Studencheskaya sem'ya glazami tuvinskoj molodezhi' ['Student Family through the Eyes of Tuvan Youth'], *New Researches of Tuva*, 2, pp. 225–242. (In Russ.)]. DOI: 10.25178/nit.2024.2.14 EDN: LGSGMM

Федотова, В. А. (2017) 'Ценности россиян в контексте возрастных отличий', *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1, сс. 78–86. [Fedotova, V. A. (2017) 'Cennosti rossiyan v kontekste vozrastnyh otlichij' ['Values of Russians in the Context of Age Differences'], *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1, pp. 78–86. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86 EDN: YPCMUUV

Статья поступила в редакцию: 18.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

CROSS-REGIONAL ANALYSIS OF FAMILY VALUES AMONG STUDENT YOUTH IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

E. Matveeva, A. Sat

Elena Matveeva, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History,
Kemerovo State Institute of Culture, Russia.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7001-6935).

Aliya Sat, Candidate of political sciences, Head of the Center for Sociological Research,
Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Russia.
E-mail: aliya_sat@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4744-6176).

Abstract

In Russia, the formation of family values among modern youth has become a strategically important issue in recent years. The State announced 2024 as the Year of the Family. It was a message to re-evaluate "family values" and teach young people that family and personal success go together. The purpose of the article is to conduct a cross-regional analysis of family values in the views of student youth using the example of the regions of the Siberian Federal District. Family traditions as a fundamental value basis affect political sentiments and socialization. The results show that regardless of the region of residence and the place of study, the value of the family is just as important as career and material wealth among the life values of young people, and together they provide a stable foundation for the potential readiness of the younger generation to start a family. Research has shown that the factor of higher education does not have a significant impact on the system of family values of the younger generation and is not always decisive in determining a person's success. In the vast majority of cases, the influence of social networks has a negative impact on family relationships.

Keywords: spiritual and moral foundations of the state; tradition; family values; family preferences of youth; youth; factor of higher education; social networks and family; political socialization; region.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
(Smith, 2006a)
(Smith, 2006b)
(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2025. Том 19. № 1

Bulletin of Perm University.
Political Science
2025. Vol. 19. № 1

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 24.03.2025
Выход в свет 31.03.2025
Формат 60х84/8. Усл. печ. 18,83
Тираж 500 экз. Заказ 36

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006